

Александр Филичкин

Рассказы, изданные
на бумаге.

ВОЯКА

книга 1

2016 - 2021 год

Александр Тимофеевич Филичкин
Рассказы, изданные на
бумаге. Война. Книга 1
Серия «Рассказы, изданные
на бумаге», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69596293
SelfPub; 2023

Аннотация

В данную книгу вошли военные повести и рассказы, напечатанные в «бумажных» российских и зарубежных журналах и в тематических сборниках, выпущенных издательствами нашей страны.

Александр Филичкин

Рассказы, изданные на бумаге. Война. Книга 1

Предисловие автора

Почти все рассказы о войне были мною написаны в течение 2013 – 2014 года. Закончив работу, я отправлял мои сочинения в редакции разных журналов и на литературные конкурсы.

К этому времени, «бумажных носителей» в нашей стране становилось всё меньше и меньше. Очередь «на печать» росла всё быстрее и быстрее. Тогда она достигала двух, трёх и более лет.

Переделав рассказы в романы, я рассылал их по книжным издательствам. Вот так и случилось, что книги «Разведчик, штрафник, смертник. Солдат Великой Отечественной», «Пылающий 42-й. От Демянска до Сталинграда» и «На подступах к Сталинграду» были представлены публике раньше, чем их отдельные части.

Нужно добавить, что редакторы журналов России тогда не платили никаких гонораров и не присылали сочинителям ни одного экземпляра. Мало того, они не считали нужным, сообщать, что твои творения увидели свет. Благодаря чему,

некоторые рассказы, почти одновременно, вышли в разных местах.

Об этом я, большей частью, узнавал совершенно случайно. Наверняка, кое-что пропустил. Ведь не все журналы удалось найти в интернете. К тому же, почти все издания тихо закрылись, а их архивы исчезли неизвестно куда.

Кисет

Военная проза. Рассказ «Кисет»

Издан в русскоязычном журнале «Наша Гавань», № 68 январь-февраль 2015 г. стр. 7

Кроме того, вошёл в роман «Разведчик, штрафник, смертник. Солдат Великой Отечественной», выпущенный издательством ЭКСМО в июле 2015г.

Когда началась Великая Отечественная война, моей маме – Любовь Федоровна Соболева отметила лишь девятый год от рождения. В то давнее время, она проживала в селе Новоголовка Джалильбадского района Азербайджанской ССР.

Небольшую деревню, построили ещё в годы освоения Кавказа в восемнадцатом веке. Переселенцев из центральной России тогда привезли очень мало. Поэтому, у всех оказались всего две фамилии: Соболевы и Дураковы.

Со временем, они переженились между собою и все стали

друг другу близкими или дальними родственниками. Как-то раз, моя любимая мама поведала мне небольшую историю, что произошла у неё на глазах.

С самого раннего детства, погодки Саня и Лёша были всегда неразлучны, словно нитка с иголочкой. Они сильно любили друг друга, и всё делали вместе. Они даже учиться пошли одновременно.

Младший оказался очень настойчивым мальчиком и ни в чём не хотел отставать от старшего сына в семье. Поэтому, первого сентября шестилетний малыш встал ни свет, ни заря. Он быстро оделся и вместе с братом двинулся в сельскую школу. Она находилась в центральной усадьбе колхоза, в трёх километрах от дома.

Учитель глянул на родственников, похожих один на другого, как две капли воды. Он посмотрел в принесённые ребятами метрики и с удивлением отметил, что у них даже инициалы одни и те же – Александр Иванович и Алексей Иванович Соболев. Педагог не стал возражать против тяги мальчика к знаниям, записал в первый класс их обоих и посадил рядом за парту.

Наступил положенный срок, братья окончили семилетку, и вместе пошли работать в колхоз. Через несколько лет они повзрослели, возмужали и обзавелись крепкими семьями. Причём, одновременно. Мало того, они взяли в жёны родных сёстёр, что обитали в ближайшей деревне. Этих девушек звали очень похоже – Надя и Нина.

Парни были крепкими, сильными и чрезвычайно упорными. Они скоро поднялись на ноги, а затем в один год, обзавелись просторными личными избами.

Совершенно естественно, что пятистенки тоже построили рядом. Так и жили теперь по соседству, через забор друг от друга. А чтобы не ходить далеко, сделали в ограде калитку, ведущую из одного подворья в другое.

Началась Вторая мировая война. В 1941 году братья получили повестки от военкома, собрали необходимые вещи и простились с родными и жёнами. Они одновременно ушли из села и отправились в Рабоче-крестьянскую Красную армию.

Однако, судьба проявила свой нрав и всё вдруг изменилось. Начальство не посчиталось с привычкой парней всегда быть рядом друг с другом. Их развели в противоположные стороны и определили в разные части.

Саня очутился в пехоте, а более проворный и ловкий Алёша, попал в полковую разведку. Они оказались в разных полках, а затем и в соседних дивизиях. И тот и другой хорошо воевали, а в минуты затишья, писали домой длинные письма.

К великому сожалению братьев, скоро началось отступление. Всё очень быстро менялось. Они не могли напрямую общаться по почте, спрашивали друг о друге родных и, лишь из коротких ответов, узнавали какие-то новости.

В середине зимы сорок третьего, в дом младшего брата

Алёши пришло очередное письмо с немецкого фронта. Однако, прибыл не треугольник, свёрнутый из листа тетрадной бумаги, оказавшейся вдруг под рукой. В этот раз, к ним принесли серый казённый конверт.

Он очень долго добирался до тыла, сильно измялся и успел пару раз побывать под дождём. Написанный «химическим грифелем», адрес немного расплылся. Название села и их длинной улицы читалось легко, а вот, какая цифра стояла в конце, было трудно понять. То ли двадцать три, а может быть, двадцать пять?

Жена Алексея, бросила взгляд на принесённую почтальоном депешу и наотрез отказалась её принимать. Она часто видела такие послания, что приходили родным и знакомым. Поэтому, женщина знала, в ней лежит «прохоронка»!

Нина указала почтальону на дом, стоящий поблизости и твёрдо сказала: – Здесь вышла ошибка. Это письмо не ко мне, а к нашим соседям.

Пожилой, много повидавший мужчина не стал спорить с измученной Ниной. Он с пониманием кивнул и потопал туда, куда указали. Дрогнувшей от страха рукой, Надежда взяла то письмо, разорвала серый пакет и извлекла из него «ИЗВЕЩЕНИЕ».

В нём было написано: – «Ваш муж, рядовой Алексей Иванович Соболев был убит...» – дальше стояла дата его славной гибели, а чуть ниже, в новой графе: – «...похоронен в братской могиле, возле села...»

Надежда не решилась сказать младшей сестре о смерти любимого мужа и спрятала ту «похоронку» в ящик старого шкафа: – Если Нина не верит в то, что Алёша погиб, – решила Надежда: – то пусть продолжит надеется на лучший исход. Ведь кто знает? Вдруг, судьба над ней сжалится и произойдёт невероятное чудо?

Но чуда, увы, не случилось. Алексей не вернулся домой вместе с братом и с другими людьми, ушедшими из села на войну.

После Победы, прошло несколько месяцев. Однажды, Александр и Надежда заметили, как в дверь соседнего дома вошёл незнакомый боец Красной армии. Они бросили заниматься делами, проскочили сквозь калитку и двор, и влетели в просторные сени вслед за солдатом.

Гость переступил порог комнаты и громко спросил: – Здесь живёт Нина?

Молодая хозяйка вздрогнула и испуганно глянула на незваного гостя. Она ощутила слабость в дрожащих ногах, шагнула к столу и, потеряв последние силы, упала на стул.

– Я только что прибыл из Германии. – сообщил молодой человек и продолжил: – Осенью сорок третьего года, я воевал в одном отделении с вашим мужем – Алёшей

Мы с ним очень дружили, спали под одну шинелью и ели из одного котелка. Поэтому, мы с ним условились, если один из нас вдруг погибнет, то второй отыщет ближайших родных

и сообщит им о смерти товарища.

Как-то, нас всех послали в разведку, в тыл немцев. Ночью мы перешли линию фронта, углубились на территорию фрицев, а там угодили в засаду. Мы начали в бой и с огромным трудом, всё-таки вырвались из того окружения.

В этот момент, пуля попала Алёше в живот, и он рухнул на землю. Красноармейцы, что остались в живых, были все ранены и не могли унести его на себе. Ваш муж сразу всё понял и твёрдо сказал: – «Бегите! Я вас прикрою!»

Я оставил ему запасную обойму, и мы немедленно ушли. Выстрелы за нашей спиной, продолжались ещё минут десять-пятнадцать. Потом, послышался взрыв советской гранаты и всё тотчас стихло. Прощаясь, он передал мне предмет, который очень любил.

Мужчина порылся в кармане потёртой шинели, достал из-за пазухи и положил перед женщиной самодельный кисет для махорки.

Женщина бросила взгляд на вещицу и сразу узнала потёртый полотняный мешочек. В сорок первом году, она сшила его своими руками и вывела гладью на лицевой стороне: – «Любимому мужу Алексею, от Нины».

Бой под Могилёвым

Военная проза. Рассказ «Бой под Могилёвым»

Издан в журнале «Луч» № 11-12 2015 стр. 6...15

Кроме того, рассказ вошёл в военный роман «На подступах к Сталинграду»

Издан в издательстве ЭКСМО февраль 2018г.

23 июня 1941 года, в селенье Домашка Куйбышевской области прибыл нарочный из районного центра. Город Кинель находился в сорока вёрстах от старинной деревни. Дорога между обоими пунктами представляла собой не мощный просёлок, и проехать по ней по распутице было почти невозможно.

На счастье гонца, целый месяц стояла сухая погода. Не перепало даже грибного, слепого дождя, так что, «грунтовка» оказалась в полном порядке. Иначе, на столь длинный путь, пришлось бы потратить не менее суток.

Пожилой милицейский сержант отбыл из дома сразу после рассвета и только к полудню добрался до нужного места. Подъехал к правлению небольшого колхоза. Потянул за старые вожжи и остановил гнедую лошадку, впряжённую в рядовую двуколку.

Устало вздохнув, мужчина прыгнул на землю и оказался возле крыльца, вокруг которого росли лопухи. Стряхнул серую пыль с синей поношенной гимнастёрки и галифе, сильно выцветших от долговременной носки

Спустя пару минут, из здания выскочил бледный бухгалтер и двое учётчиков, сидевшие в тот момент в кабинете

конторы. Мужчины приснули в разные стороны и помчались вдоль пыльных улиц в разные части большого села. По дороге они стучали в ворота и велели крестьянам собираться на сход. Несколько быстрых мальчишек помчались в луга, где их родители косили траву.

Уже через час, все сельчане стояли перед управой и с огромной тревогой ожидали дурных новостей. Не успели мужики докурить самокрутки, свёрнутые из самосада с газетой, как в окно выглянул пожилой председатель и позвал к себе двух парней, что стояли возле стены.

Ребята переглянулись, с недоумением пожали плечами и поспешили на зов большого начальника. Затем, дверь открылась, и они вышли из тёмных сеней. С собой они притащили старенький стол и два табурета. Носильщики установили мебель на улице и вернулись в толпу.

Перед людьми появился руководитель сельхозпредприятия. Он немного помялся и сказал севшим, каким-то надтреснутым голосом: – Товарищи. Все вы уже знаете, что вчера началась война с фашистской Германией. – он указал на милиционера, стоявшего рядом и со вздохом добавил: – Сейчас, оперуполномоченный начнёт вызывать нужных людей. Они должны сюда подойти, взять повестку из военкомата и расписаться в её получении.

Сержант уселся за стол, взял из планшета пачку маленьких бланков казённого вида и ученическую тетрадку с огрыз-

ком химического карандаша. Он положил это всё перед собой, стал брать бумажки одну за другой и громко читать фамилии имя и отчество.

Скоро все мужчины призывного возраста – от восемнадцати до шестидесяти лет, получили листочки мятой бумаги. В них говорилось о том, что завтра, к полудню они должны все прибыть в военкомат.

Ниже главного текста, имелась приписка: – ...иметь при себе... – а дальше шёл список имущества, что придётся всем взять в этот дальний поход. Там был скромный набор тех важных вещей, что пригодятся бойцу на каждой войне. Тысячи лет Великая Русь отбивалась от ближайших соседей, но перечень данных предметов не менялся за долгое время и, скорее всего, не изменится в будущем.

Русь воевала с хазарами, с татаро-монгольскими ханами, с тевтонскими железными ордами, с заносчивою польскою шляхтою, с наполеоновской армией из сорока языков и другими лихими людьми.

Несмотря на частую смену врагов, в заплечном мешке всех солдат всегда находилось лишь то, без чего нельзя обойтись: ложка, миска и кружка, смена белья и запас провианта на несколько суток.

Когда всем людям роздали повестки, хмурый, как туча, председатель колхоза поднялся со своего табурета. Он не стал ничего говорить. Вяло махнул рукой, мол, идите друзья по домам. Сельчане тоже ничего не сказали и молча двину-

лись в разные стороны.

На этот раз, в притихшем селе не пели весёлых песен и не шумели застолья, которые устраивали во время проводов в Красную армию. Оно и понятно, не до веселья сейчас окружающим людям. Ведь слишком много народу снималось вдруг с места и отправлялось неизвестно куда. Почитай, уходили все мужики поселения. То есть, почти шестьдесят человек.

Ранним утром, призывники сели в телеги, запряжённые небольшими лошадками, и отправились в дальний путь до райцентра. К полудню, они прошли почти сорок вёрст и прибыли в военкомат.

Только тут им сообщили, мол, в повестках немного напутали. Как оказалось, в армию брали людей до пятидесяти пяти лет включительно. Тем, кому перевалило за данную цифру, тем же ходом отсылали обратно.

Пожилые счастливицы простились с сельчанами и, едва сдерживая, бурную радость, отбыли домой. Они ведь не знали, что несколько лет им придётся тянуть на себе весь колхоз. То есть, пахать за троих до тех самых пор, пока не закончится мировая война. Но и после её завершения, их жизнь не изменится и долгое время, останется такой же тяжёлой, как прежде.

Павел Смолин поцеловался с отцом, которому стукнуло пятьдесят шесть с небольшим, проводил его до угла тихой

улицы и вернулся назад. Вместе с другими сельчанами, он вошёл в тесную комнату и встал в длинную очередь. Там заседала комиссия медиков.

Измученные наплывом людей, врачи не вдавались в подробности, а проверяли всего пару пунктов: наличие целых конечностей, да пальцев на руках и ногах. До всего остального им не было дела.

Через пару часов, призывников отвели на ближайшую станцию и посадили в пустой товарняк, в котором до этого возили скотину. НКВДешники заперли двери снаружи, и под особым надзором отправили в Куйбышев.

Кто-то из старых сельчан неожиданно вспомнил о том, что в ходе Гражданской войны, в таких двухосных вагонах ставили небольшие «буржуйки». Благодаря металлическим печкам, температура внутри была выше, чем зимою снаружи, за что данный состав ласково звали «теплушками».

Площадь пола внутри не превышала восемнадцати метров квадратных. Однако, на них умещалось до сорока пехотинцев с оружием и всем снаряжением или восемь полковых лошадей, со сбруей и кавалерийскими сёдлами.

Сельчан погрузили в состав по тем самым нормам, что и четверть века назад. К их сожалению внутри не нашлось трёхъярусных нар, а полы оказались покрыты слоем навоза. Так что, усесться на доски они не могли. Пришлось всем стоять вплотную друг к другу.

Хорошо, что поездка оказалась недолгой. Всего тридцать-тридцать пять километров. Да и состав шёл намного быстрее, чем простые телеги, на которых они добирались от родного села до районного центра.

Не доезжая до Куйбышева, поезд встал среди леса. Раздался приказ: – Всем покинуть вагоны!

Новобранцы спустились прямо на насыпь. Их, как заключённых, построили в большие колонны, и повели от железной дороги. Через два километра они вышли к лагерю с забором из ржавой колючки. Судя по внешнему виду, там не очень давно жили «зеки».

Людей завели внутрь зоны и разместили в дощатых бараках. Их всех до единого остригли машинкой «под ноль» и, лишь после этого, дали команду: – Отбой!

Чуть позже сельчане узнали, что оказались в расположении, только что созданной воинской части. В ней проходило формирование пехотных полков.

На другой день, всем прибывшим, вручили новенькую военную форму, а быстро разбили на отделения и взводы. Командиры осмотрели людей, отобрали крепких парней и определили их в артиллерию, миномётную и пулемётную роты.

Среди этих «счастливых» оказался и Павел. С раннего детства он был высок и очень силён. Так что, ещё в ранней юности легко управлялся с мешком, тянущим больше пол-

центнера. Командир благосклонно взглянул на солдата, похлопал его по плечу и направил в службу батальонного миномёта «БМ-37», образца 1937 года.

После чего, начались каждодневные муки. Пока остальные учились стрелять из винтовки, весившей четыре с половиной кило, парень таскал огромные тяжести другого порядка.

Ведь к его амуниции – трёхлинейке, подсумкам, шинели, сапогам, солдатскому «сидору» и другим мелочам, добавлялся ещё миномёт. А вес его, между прочим, превышал шестьдесят восемь кг.

И хотя оно разбиралось на три равные части: сам ствол, длиной в один метр, дуногу-лафет, которая походила на ученический циркуль, сваренный из дюймовых металлических труб, и стальную плиту диаметром в локоть. Любая деталь тянула на полтора с чем-то пуда.

Добавьте ещё несколько небольших чемоданчиков. Они назывались лотками, и каждый из них, вмещал три массивных снаряда калибром 82 миллиметра. Так что, при переноске орудия, боевому расчёту приходилось несладко. Все пять человек, были навьючены до крайних пределов, и постоянно потели, как лошади.

Павлу бывало так трудно, что он часто думал: «Скорей бы кончились эти мучения и нас отправили в бой! Ну, а там уж, как Бог даст!»

Меж тем, положение на фронте сложилось настолько печальное, что командиры давно обходили неприятную тему и ограничивались агитационной накачкой. Её суть выражалась словами известной песни тогдашних времён: – От тайги до британских морей. Красная Армия всех сильнее! Мы охраняем рабочий класс, кто же посмеет идти против нас?

О том, что происходило на западе, можно было узнать лишь по сводкам «Софинформбюро». Их удавалось услышать из громкоговорителя, висевшего среди пыльного плаца. Немцы неудержимо рвались на восток, а наши войска уже оставили большое число городов. Среди них находился такой крупный промышленный центр, как Минск. После чего, Красная армия стала медленно отходить к Могилёву.

После призыва прошло две недели, и обучение новых солдат неожиданно кончилось. Вновь сформированный полк, ночью подняли сигналом тревоги и погрузили в знакомые парню «теплушки». Паровоз дал длинный прощальный гудок, тяжело тронулся с места и, ускоряясь, рванулся на запад. Он мчался вперёд без остановок, словно тащил за собой не простой эшелон, набитый солдатами, а экспресс правительства СССР.

Павел отметил, что в этот раз, всё изменилось. Их вагон приспособили к перевозке людей значительно лучше, чем две недели назад. За прошедшие дни, путейцы сделали удивительно много.

Полы были очищены от коровьих лепешек и тщательно

подметены. В обоих концах помещения обнаружили нары в три яруса, сколоченные из хороших гладких досок. Лежанки представляли собой широкие плоскости. Они простирались от стены до стены и занимали всё свободное место.

В каждой «теплушке» разместилось по четыре десятка бойцов или по восемь грузовых лошадей. Но попадались и такие вагоны, где третью часть занимали полаты, устроенные для коноводов, а напротив них размещались, обычные стойла с четырьмя животинками.

Поэтому возчикам весьма «повезло». Они оказались не в переполненном людском общежитии, а в хлеву на колёсах. В дополнение к радости такого соседства, скотину нужно было кормить и поить, а главное, выгребать за ней кучи навоза.

В каждой «теплушке» имелось два входа. Они находились в средней части вагона и открывались на разные стороны железнодорожных путей. Между ними лежала свободная площадь величиной три на два метра. Здесь стояли двадцатилитровая армейская фляга с питьевой водой и переносная чугунная печь высотой не более метра.

Насколько знал Павел, эти времянки звали «буржуйками». Странное слово к ним прицепилось в ходе Гражданской войны. Почему так случилось, никто толком не знал. То ли, их так называли за то, что в те далёкие годы их удавалось купить лишь богатым буржуям, то ли ещё по какой-то причине. Как бы то ни было, прозвище совсем не забылось и бытовало

в народе до настоящих времён.

Жестяная труба торчала из топки, похожей на короткий цилиндр шириной в один локоть и высотой в полтора. Она прорезала деревянную крышу и выводила наружу дым от пылающих дров.

Кроме важного в быту агрегата, на свободном пространстве стояло ведро с круглой крышкой. Этот нужный для жизни предмет все презирали, но постоянно им пользовались.

А куда было деваться? Поезд летел, словно птица, и продвигался вперёд по многу часов. Он редко тормозил на вокзалах, да и то лишь на пару минут. Так что, бойцам было некогда, искать придорожный сортир. Дежурные едва успевали выйти наружу и вылить на рельсы содержимое простого устройства.

Сначала, было весьма неприятно справлять нужду на виду у десятков людей, но все быстро привыкли к таким неудобствам. Кто-то вдруг вспомнил, как зовут эту штуку «на зоне», и стали кликать её ласковым словом «параша».

Для освещения вагона имелся обычный фонарь – керосиновая «летучая мышь». Она висела на потолке в центре прохода. Свежий воздух поступал через четыре узких, невысоких окошка, закрытых частой решёткой снаружи. Они находились в углах помещения и размещались под крышей.

Когда-то давно, в рамах имелись парные стёкла. Потом они благополучно разбились, и от них не осталось даже мелких осколков. Хорошо, что стояла жара. Внутрь влетал вете-

рок, насыщенный запахом позднего лета.

После принятия военной присяги, граждане стали считаться служивым сословием, и отношение к ним слегка изменилось. За ними теперь не следили, словно в обычной тюрьме. Энкавэдэшники куда-то исчезли, а роль внешней охраны принялись выполнять офицеры полка.

По словам пожилых мужиков, порядки в РККА были значительно мягче, чем те, которые бытовали «на зоне». Поэтому, широкие двери не запирались снаружи, и их открывали в любое удобное время, даже на полном ходу. На всякий пожарный случай, путейцы предусмотрели здесь ограждение съёмного типа. Прочный брусок крепился в метре от пола, пересекал широкий проём и не давал выпасть людям во время езды. Особенно на крутых поворотах.

Благодаря подобной заботе, можно было, опереться локтями на эти перила, высунуть голову из душной «теплушки» и подышать свежим воздухом. Чем новобранцы и занимались от нечего делать.

Прошло трое суток после отправки на фронт. Поезд резко замедлил свой ход и замер возле небольшого лесочка. Стояло тихое раннее утро, но поспать в этот день всё же не вышло.

Послышался крик: «Покинуть вагоны!»

Бойцы вскочили с полатей и спешно оделись за сорок секунд, положенные строгим уставом. Они схватили оружие,

личные вещи с мешками и выпрыгнули из надоевших «тепушек». Поправляя армейскую форму, сильно помятую за время поездки, они встали в линейку вдоль железной дороги.

Младшие командиры проверили, все ли на месте, и занял место во главе отделений. Лейтенанты приняли доклады сержантов и приказали своим подчинённым, стоявшим на вытяжку: «Начать разгрузку состава!»

Через час, всё имущество, принадлежащее воинской части, было успешно извлечено из эшелона и распределено между бойцами.

Прозвучала другая команда: «Построиться в походный порядок!»

Минуту спустя, взводы и роты стрелков встали в большие колонны, и раздался приказ: «Шагом марш!»

Все тронулись с места, и пошли за начальством. Полк удалился от насыпи на два или три километра и остановился перед невысоким пригорком. На нём росла старая сосновая роща. Офицеры построили полк литерой «П» так, что обе ножки буквы упёрлись в подошву холма.

На песчаный пригорок зашёл полковой командир. Он стал между могучих стволов, покрытых коричнево-красной корой, набрал полную грудь свежего воздуха и произнёс короткую эмоциональную речь.

Кроме всех заклинаний о верности Родине и товарищу Сталину, Павел Смолин услышал, что их часть находится се-

вернее Могилёва. Она должна остановить продвижение немцев и не дать им замкнуть кольцо вокруг города. Иначе фашисты вырвутся на оперативный простор, и пойдут на Смоленск.

Пока офицер говорил, стало так тихо, что не было слышно даже лёгкого шелеста хвои и листьев кустов. Откуда-то вдруг налетел порывистый ветер. Деревья, под которыми стояли начальники, разом все вздрогнули и зашумели высоким кронами.

Раздался оглушительный треск. Сверху сорвался сухой длинный сук и устремился к земле. Он промелькнул серой молнией, упал на полковника и, словно копьё, пронзил его широкую грудь.

Из ужасающей раны брызнули струи дымящейся крови. Командир громко вскрикнул и захрипел. Он схватился руками за ветку, торчащую из поджарого тела, рухнул на плотный песок и мгновенно затих.

Полк пехотинцев застыл в немом изумлении. По неподвижным рядам пронёсся взволнованный вздох. Он одновременно вылетел из трёх с лишним тысяч бойцов. Следом послышался тихий ропот толпы. В нём отчётливо слышался страх, охвативший солдат.

Стоявший рядом старик быстро, но набожно перекрестился и чуть слышно сказал:

– Смерть командира перед началом сраженья – очень плохая примета. Чует моё дряхлое сердце, все мы поляжем ко-

стями ...

Начштаба не растерялся и немедленно взял на себя управление полком:

– Санитары! – крикнул он в сторону стоящих солдат. – Оказать помощь раненому! Командиры батальонов, ко мне. Остальным – разойтись всем повзводно и встать ротами в небольшом отдалении на свободном пространстве!

Услышав команду, все сразу забегали. Бойцы с санитарными сумками помчались на холм. Майоры, капитаны, старлеи рванулись за новым начальником. Офицеры ушли за полковником и скрылись из виду за невысоким пригорком.

Лейтенанты закричали на своих подчинённых и отвели их подальше от места трагедии. Там всех построили в прежнем порядке, дали команду: «Всем вольно!» и стали ждать других указаний

Спустя полчаса, роты и отделения оправились от большого испуга, вызванного нелепой случайностью. Офицеры вернулись назад, и приказанья посыпались одно за другим. Все тронулись с места, и пошли на позиции, отведённые планом обороны дивизии.

Красноармейцы прошли пять или шесть километров. Полк наткнулся на луговину, лежавшую между двумя перелесками. Он растянулся в короткую линию и перекрыл ровное место. Согласно данным разведки, именно здесь должны были пройти немецкие танки.

Бойцы сбросили с плеч «жаркие» скатки и тяжёлые вещевые мешки. Все сняли с пояса небольшие лопатки, что называют «сапёрными» и стали спешно копать индивидуальные земляные ячейки. Закончив с нелёгким трудом, они принялись за ходы сообщения, и связывать ими, тесные щели, вырытые в твёрдом суглинке.

К полудню, солдаты закончили большую часть тяжёлой работы. Так появилась линия обороны, что состояла из трёх ниток окопов. Траншеи оказались не очень глубокими, но они целиком перекрыли долину и узкими переходами соединялись друг с другом. Теперь, бойцы могли двигаться с места на место, не выходя на поверхность земли.

В кожухи станковых пулемётов залили холодную воду, которую привезли на телегах из ближайшей речушки. «Максимы» установили на стыках всех отделений, открыли коробки с холщовыми лентами, набитыми боевыми патронами, и приготовили к началу стрельбы

Миномётные и артиллерийские части полка отнесли немного назад и сдвинули вглубь обороны на две сотни метров. Полевые орудия подняли на небольшие пригорки, разместили меж толстых деревьев и закрыли маскировочной сеткой. Будет хоть какое укрытие от фашистских самолётов-разведчиков.

Вместе с расчётом, Павел быстро управился со сборкой своего миномёта и подготовкой его к предстоящему бою.

После чего, бойцы открывали деревянные чемоданчики и брались за снаряды. Они доставали четырёхкилограммовые чушки, вворачивали небольшие взрыватели и укладывали аккуратным рядочком на расстеленный рядом брезент.

Лишь после этого, солдаты взялись за лопатки и начали рыть для себя небольшие окопчики. Спрятаться в них в течение боя, увы, не получится, но можно будет укрыться во время бомбёжки.

Благодаря труду пехотинцев дело быстро продвигалось вперёд. Уже ближе к вечеру, обустройство полевой обороны, наконец, завершилось. Пусть укрепления были весьма примитивными, но довольно надёжными.

На счастье бойцов, немецкие танки не появились поблизости. Вокруг было удивительно тихо, словно фронт находился далеко-далеко. Лишь высоко в облаках парил очень странный небольшой аппарат с парой блестящих на солнце винтов.

Самолёт имел необычную форму и походил на длинную форточку с двумя длинными крыльями по обоим бокам. Солдаты между собой его так и прозвали – «оконную рамой». Покружив над стрелковым полком, аэроплан понемногу сместился на запад и незаметно исчез.

Тем временем, появились упряжки коней с передвижными кухнями, из которых курился слабый дымок. Повара подогнали повозки к окопам, взялись за черпаки и раздали бой-

цам густую перловую кашу, какой их усердно кормили все последние дни.

По старой армейской привычке её сварили на обычной воде, без намёка на масло и почти что без соли. Хорошо, что в ней появились мясные волокна американской тушёнки. Глотать подобное варево было не очень-то невкусно, но Павел знал, что нужно плотно поесть.

Ведь теперь он не дома и не в далёком тылу, где можно зайти в любой магазин или в столовую и купить что-то съестное, а то и спросить что-нибудь у незнакомых людей. Сейчас он на фронте, и никому неизвестно, когда ему снова удастся слегка подкрепиться. Парень вздохнул и проглотил всё, до последней крупинки.

Командиры прошли по вверенным им отделениям. Они назначили часовых и их ближайшую смену, после чего, вернулись к местам, где должны находиться по штатному расписанию полка.

Все остальные бойцы спустились на дно неглубоких окопов и стали готовиться к наступающей ночи. Павел развязал ремешок и развернул тяжёлую скатку, в которую была плотно свёрнута его шерстяная шинель.

Солдат расстегнул хлястик сзади на поясе и с облегчением отметил, что складка, которая была на спине, развернулась почти до конца. Теперь в пальто удавалось укутаться, не сунув руки в два рукава. Можно было улечься на одну широкую полу, а вторую укрыться, как небольшим одеялом.

Парень бросил шинель прямо на пыльную почву. Он лёг на сукно и невольно подумал: хорошо, что сейчас стоит лето и погода сухая и тёплая. А что будет, когда начнутся дожди или придут холода? Как нам тогда спать на голой земле?

Боец устало вздохнул и успокоил себя: «Надеюсь, что к этому времени, война уже кончится, – он быстро устроился, как можно удобнее и тотчас провалился в непроглядную тьму.

От лежания на жёсткой земле, у бойца затекли очень многие мышцы. Так что, Павел проснулся от весьма ощутимой боли в спине. Парень поднял тяжёлые веки и увидел, что почти рассвело.

– «Часов пять утра», – привычно прикинул солдат. Он всю жизнь вставал в это время и шёл на работу. Сейчас спешить было некуда. Боец решил немного поспать и повернулся на левую сторону. Едва Павел начал дремать, как в долине послышалась громовая команда: «Подъём!»

Красноармейцы зашевелились и начали медленно подниматься на ноги. Не успели они привести себя в полный порядок, как по цепочке окопов пронёсся легенький шёпот: «Недавно вернулся конный разъезд и сообщил, что в паре километров отсюда стоит войско фрицев».

Крепкий сон у людей, как рукою сняло. Все бойцы принялись поскорей оправляться и бриться. Пехотинцы перекусили перловой кашей, которую дали на завтрак и начали

дружно готовиться к бою. Они быстро проверили винтовки и свою амуницию, надели тяжёлые каски и стали ждать атаки фашистов.

От нечего делать парень, как и другие бойцы, собрали свои немногие вещи в холщовые «сидоры» и свернули шинели в плотные скатки. Ведь кто его знает, как всё потом обернётся? Вдруг в спешном порядке, придётся сниматься с данного места?

Минут через сорок, в небе послышался раскатистый гул. Павел поднял настороженный взгляд и увидел тёмные точки, летевшие с запада. Скоро он понял, что это аэропланы. Такие машины он видел раньше на белом экране сельского клуба. Они часто мелькали в замечательных фильмах, где говорили о Валерии Чкалове и прочих «сталинских соколах».

У большинства самолётов корпуса оказались довольно массивными. Это говорило о том, что в воздушном строю шли не одни истребители. Их сопровождали бомбардировщики средних размеров.

Павел напряг стопроцентное зрение и рассмотрел кое-какие детали. То были неубранное шасси и колёса, закрытые округлыми кожухами, как у обычной «полуторки». На таком расстоянии тонкие стойки смотрелись, словно тощие ноги, обутые в огромную безобразную обувь. Нечто похожее носил актёр Чарли Чаплин, снимавшийся в иностранных комедиях.

Летательные аппараты подходили всё ближе и ближе. Головные машины стали вытягиваться в длинную линию и начали все забирать в правую сторону. Бомбардировщики продолжали такой поворот, пока над окопами не возник хоровод самолётов, плотно идущих один за другим.

Прикрывавшие их истребители вышли из общего строя и сдвинулись к внешней границе огромного круга. Они держались поблизости и охраняли своих подопечных. Так делали злые собаки, которые бегали возле стада коров.

Только сейчас Павел увидел кресты, нанесённые на хвосты и на крылья воздушных машин. Это были такие же фрицы, как те стервятники, что напали на их эшелон по дороге сюда.

К счастью, снаряды врага не попали в вагоны, идущие на полном ходу, а пулемётные очереди никого не убили. Но что будет сейчас, когда пехотинцы стоят в чистом поле, у всех на виду?

Первый из бомбардировщиков вдруг клюнул носом, завалился набок и перешёл в крутое пике. Теперь он летел почти вертикально и, словно камень двигался к цели. С неба послышался звук воздушной сирены.

Самолёт очень быстро приближался к окопам. От фюзеляжа вдруг отделилась тёмная точка. Громкий рёв немедленно смолк. Аппарат очень ловко изменил направление движения и перешёл в горизонтальную плоскость. Набрал высоту,

он включился в ту карусель, что продолжала кружиться над головами солдат.

Машины фашистов двигались одна за другой и с громким воем ныряли к траншеям. Они швыряли тяжёлые бомбы и вновь возвращались наверх. Фугасы со свистом падали вниз и с удивительной силой врезались в поверхность земли.

Снаряды мгновенно взрывались и разносили всё в мелкие клочья. Сотни тонн чернозёма превратились в огромные тучи мельчайших частиц. В воздух поднялись клубы чёрного дыма и гари. Уши людей заложило от непрерывного грохота.

Откуда-то сбоку послышался залп четырёх короткоствольных орудий калибром 76-ть миллиметров. Это били артиллеристы полка. Насколько знал Павел из объяснений инструкторов, «полковушки» задирали стволы не более чем на двадцать пять градусов и не могли успешно работать, словно зенитки.

К счастью красноармейцев, батарея стояла на пологом холме. Его высота значительно поднимала прицельную линию. Поэтому лейтенант приказал пальнуть в самолёты, что устроили большой хоровод над окопами. Кто его знает, вдруг шрапнель кого-то заденет? Ну а если и нет, то хоть отпугнёт фашистских стервятников.

«Лаптёжники» скоро избавились от смертоносного груза. Они повернули на запад и, построившись в походный порядок, ушли восвояси. Едва атмосфера очистилась от гари

и пыли, как началась вторая часть драмы. Теперь к земле устремились те самолёты, что крутились вокруг пикировщиков.

Они носились над полем, словно шмели, и летали так низко, что могли бы задеть небольшие деревья. Вниз сыпалось множество маленьких бомб, а очереди из пулемётов стегали по окопам советских стрелков.

Затем появилась вторая волна фашистских «лаптёжников», и всё повторилось сначала. Когда снова забухали взрывы, Павел очнулся от ступора, в который неожиданно впал в ходе первой воздушной атаки. Тогда он ощутил сильный страх и свалился на дно своего земляного укрытия. Там крепко зажмурил глаза, сжался в плотный комок и закрыл руками макушку.

Потом он услышал, что где-то застучал пулемёт, а следом за ним раздались одиночные выстрелы. Лишь после этого, парень вдруг вспомнил, что держит в правой ладони. Он поднял к груди «трёхлинейку», со злостью передёрнул затвор и вогнал блестящий патрон в длинный ствол.

Изготовившись к бою, он глубоко и шумно вздохнул, поднялся над низеньким бруствером и глянул наружу. Павел увидел небольшой самолёт, пролетавший мимо позиции. Расстояние было довольно коротким, и боец разглядел голову фрица сквозь прозрачный колпак. Он вскинул винтовку к плечу, быстро прицелился и нажал на крючок спускового устройства.

«Мосинка» грохнула, но какого-то толку от этого парень, увы, не заметил. То ли, стекло оказалось бронированным? То ли, воздух от большого винта сдул пулю в сторонку? Как бы то ни было, но самолёт даже не вздрогнул от выстрела и полетел себе дальше.

Пока Павел вновь заряжал «трёхлинейку», фашист уже скрылся из виду. Палить по тем фрицам, что находились совсем далеко, красноармеец не стал. В них и подавно невозможно попасть. Удалось ли его сослуживцам сбить хоть один аппарат, боец, конечно, не знал, а затем эти мысли и вовсе покинули голову.

Спустя пару секунд, на их батарею напал пикировщик и бросил тяжёлую бомбу, которая весила не менее центнера. Волна детонации ударила в парня, швырнула его в левую сторону и с головою засыпала мелкой землёй.

Пока Павел очухался от мощного взрыва, пока выбирался из какой-то канавки, куда он попал неизвестно когда, налёт уже кончился. У фашистов закончился боезапас. Они перестали вертеться большой каруселью и, строясь на ходу в эскадрильи, ушли вслед за первой волной.

Над большой луговиной повисла полная, звенящая тишь. Через какое-то время, слух к Павлу постепенно вернулся, и он услышал крики и стоны бойцов. Тут и там раздавались команды, и красноармейцы метнулись на помощь пострадавшим друзьям.

Раненых быстро перевязали бинтами из санитарных пакетов. Тем, кто мог двигаться сам, помогали подняться на ноги и отводили вглубь ближайшего леса. «Тяжёлых» клали на развёрнутые плащ-палатки и несли вслед за ними. Там, у опушки, стоял взвод, состоящий из медиков.

Убитых, а их оказалось немало, брали за руки за ноги и волокли к небольшому овражку, лежащему чуть вдалеке. Всех погибших в ходе атаки фашистов, клали в длинный рядок, вплотную друг к другу. Двое солдат обыскивали карманы покойников и вытаскивали все документы, если, конечно, их удавалось найти.

Собранные солдатские и офицерские книжки и смертные медальоны передавали дежурному лейтенанту, следившему за процедурой. Он бегло просматривал полученные от подчинённых бумаги и складывал в ящик из-под оружейных патронов.

Закончив уборку множества трупов, пехотинцы взялись за ремонт полевых укреплений. Траншеи перепахало взрывами так, что во многих местах их нужно было копать по новому кругу. Выжившие во время воздушной атаки, солдаты не смогли отдохнуть и десятка минут. Они опять схватили лопатки и занялись тяжёлой работой.

Миномётная рота, где служил Павел Смолин, стояла в стороне от окопов, но и она пострадала достаточно сильно. Бомба «лаптёжника» упала в непосредственной близости от ба-

тарей и убила двух солдат из obsługi. Ещё четверых зацепило осколками. Уцелевшие люди быстро перевязали всех раненых, подняли их на ноги, и пострадавшие сами ушли к санитарам.

Те, кто остался в строю, принялись приводить в порядок позиции. Павел тоже взял в руки небольшой инструмент. Он выкинул грунт из окопчика, засыпанного до самого верха, и слегка углубил свою небольшую ячейку. Не успели бойцы закончить с земляными работами, как с проклятого запада послышался рокот моторов.

Парень повернулся на шум и увидел, что в конце широкой долины показались немецкие танки. На первый взгляд, их оказалось штук двадцать. Следом за ними виднелись плотные цепи фашистов. Они укрывались за боевыми машинами и не лезли вперёд.

Красноармейцы метнулись к своим рабочим местам. Лейтенант выслушал доклад дальномерщика и отдал команду: «Приготовиться к бою!»

Командир расчёта орудия, где служил Павел Смолин, открыл «прицельную таблицу» и что-то сказал. Наводчик встал на колени, привычным движением повернул маховички горизонтальных и вертикальных прицелов, а бросил: «Готово!»

Послышался новый приказ: «Заряжай!»

Всё это время, служивший подносчиком Павел не оставался на месте. Он бежал к куче лотков. Там лежали тяжё-

лые мины, что он подготовил к стрельбе прошлым вечером. Боец подскочил к продолговатым снарядам, разложенным на квадрате брезента, взял ближайший из них и помчался к орудию. Он передал свою ношу напарнику и рванулся назад.

Броневые машины фашистов подошли на расстояние выстрела. Прозвучал приказ офицера: «Огонь!»

Заряжающие поднесли массивные «чушки» к орудиям, вставили стабилизаторы внутрь гладких стволов и разом разжали ладони. «Хищные рыбины» плавно скользнули в открытые жерла. Чуткие капсюли наткнулись на острые иглы бойков. Раздался залп батареи, и стальные оболочки с тротилом взвились в чистое небо.

Бегущий с новым зарядом, боец успел разглядеть, что выпущенные боеприпасы упали недалеко от врагов. Раздались громкие взрывы, и в твёрдой земле возникли большие воронки. В воздух взвились тучи пыли, и в разные стороны полетели осколки и камни.

Волна детонации скосила траву в диаметре пятнадцать метров. Обломки металла нашли свою цель, и попали в фашистов, идущих в атаку. Обливаясь потоками крови, враги повалились, как сбитые кегли. Кто-то замер на месте, как тряпичная кукла, кто-то усиленно дёргался, словно жук, раздавленный огромной ногой.

Продолжение жуткого боя слилось для бойца в единое целое. Вот он мчится к лоткам со снарядами, хватает один,

несётся обратно и отдаёт заряжающему. Затем всё повторяется снова и снова. Иногда, на полном бегу, он поднимал взгляд от земли и видел то, что происходило на поле.

Бронетехника фрицев подъехала к первым окопам метров на сто. Не снижая набранной скорости, враги стали бить из пулемётов и пушек. Идущая следом, пехота поддержала «карадов» огнём из винтовок и «шмайссеров».

В ответ затрещали «максимы» и сухо захлопало сотен пять «трёхлинеек». Одни бойцы стреляли в идущих фашистов. Другие старались попасть в смотровые узкие щели металлических монстров. Ведь стоит убить водителя грозной машины, как она остановится и не сможет двигаться дальше.

Заметив, что танк уже близко, солдаты высовывались из окопов по пояс и швыряли под гусеницы связки гранат. Часть этих бросков долетала до цели. Мощные взрывы рвали железные траки. Блестящие звенья слетали с высоких катков и расстилались по почве, как длинные ленты.

Стальные чудовища замирали на месте. Открывались прямоугольные люки, и наружу выбирались танкисты, одетые в непривычную чёрную форму. Но мало кому удавалось укрыться в воронках. Почти всех настигли горячие пули. Фашисты валились на советскую землю и застывали на ней, как тёмные кучи тряпья.

Справа от миномётчиков стояла небольшая высотка. С её плоской вершины послышался грохот. В бой, наконец-то,

вступили короткоствольные пушки калибра 76-ть миллиметров.

Большие снаряды свистели над головою советских солдат. Они долетали до немецких машин и с удивительной силой врезались в угловатые стенки. Болванки легко пробивали броню. Они проникали в металлический корпус и мгновенно взрывались внутри.

«Коробки» фашистов тотчас загорались, и пылали так ярко, словно их изготовили из вощёной бумаги. Огонь быстро стихал, но клубы плотного дыма всё ещё выходили наружу и столбом поднимались к синему небу. Иногда, детонировал боезапас. Ударной волной срывало широкую башню и швыряло её в сторону на несколько метров.

Фрицы приблизились к окопам вплотную, но соотношение сил уже изменилось. Из двух десятков машин уцелело лишь шесть, а из батальона фашистских солдат осталось не более трети.

Словно по чьей-то команде, танки остановились и, отстреливаясь на ходу, покатались туда, откуда пришли. Одетые в серо-зелёную форму, захватчики тут же упали в траву. Прижимаясь к земле, они медленно отползали назад.

Едва фашисты ушли от советских позиций, как вновь появилась знакомая «рама» и стала, как прежде, кружить в облаках. Какое-то время, всё было спокойно, а потом заработали немецкие пушки. Послышался гул дальнобойных ору-

дий, и на измученных красноармейцев посыпались большие снаряды.

Фугасы летели с проклятого запада и, с душераздирающим воем, врезались в твёрдую почву. Всюду гремели мощные взрывы. Ударные волны поднимали с земли огромные тучи мельчайших частиц. Тысячи раскалённых осколков летели на многие метры и убивали всё живое вокруг. Кое-что из этой напасти досталось полковой артиллерии и миномётчикам, стоящим в глубине обороны.

Сколько часов длился обстрел, Павел не помнил, но ему показалось, что этот кошмар никогда не закончится. Затем, грохот неожиданно стих и наступило очередное затишье.

Парень выбрался из небольшого окопчика, снова засыпанного рыхлым суглинком почти целиком. Он посмотрел на потемневшее небо, затянутое дымом и гарью, и с удивлением понял, что день быстро клонится к вечеру.

Оставшиеся в живых, командиры пришли в себя после обстрела и обошли все позиции, разгромленные фашистскими пушками. Сержанты провели перекличку и с ужасом подсчитали потери. Выяснилось, что из 3182 человек, прибывших сюда накануне, большая часть погибла на месте. Здоровых бойцов насчиталось чуть более полутора сотен.

Почти полтысячи красноармейцев имели ранения разной степени тяжести. От полученных сильных увечий и крупной кровопотери многие были на грани жизни и смерти. Как и

кем оборонять данный рубеж, никто толком не знал. Ещё одна такая атака, и из людей никого не останется.

Не успели офицеры обсудить положение, в котором они оказалась, как послышался топот конских копыт. Возле окопов возник вестовой из штаба дивизии и передал командиру полка пакет из плотной бумаги.

Внутри находился короткий приказ: «Отойти к ближайшей деревне, лежащей в шести километрах к востоку. Встать на окраине. Создать рубеж обороны и ждать там прибытия свежей воинской части».

По редкой цепочке солдат прошла очередная команда: «Оставить всех раненых! Приготовиться к маршу!»

Способные двигаться самостоятельно, красноармейцы весьма удивились. «Нужно бросить товарищей?» – читалось на их встревоженных лицах. «А что с ними будет, когда здесь появятся фрицы? Ведь фашисты не станут возиться с калекками. Перебьют всех несчастных бойцов, словно кроликов!»

С другой стороны, – размышляли они, – нас слишком мало, и мы не сможем их унести. К тому же, они прочно свяжут нас по рукам и ногам. Сами погибнем и их не спасём!» Как ни сложно всем было, решиться на подобное действие, но люди хорошо сознавали, другого выхода нет.

Раненые тоже всё поняли правильно. Они печально вздохнули и опустили потухшие взгляды к земле. Кто-то обратился к молитве, кто-то к матерной ругани, а кто-то начал готовиться к последнему бою.

Они подтянули к себе винтовки с гранатами и подсумки с патронами. Потом, кое-как поднялись на ноги и постарались занять такую позицию, из которой смогут стрелять по врагам.

Уцелевшие в сражении воины повели себя все одинаково. Они сглотнули комок, появившийся в горле, отвернулись от тех, кто не способен идти, и принялись собираться в дорогу.

Все знали, что за потерю шинели, оружия и вверенного им снаряжения, грозит трибунал и быстрый расстрел. Поэтому, старались взять всё, что было за ними записано. А если получится, то прихватить и боеприпасы. Не то ненароком нарвёшься на фрицев, а отбиваться-то нечем.

В расчёт Павла входило пять человек. Из них невредимыми были лишь он и сержант, командир отделения. Так что, двум крепким бойцам пришлось тащить на себе миномёт калибра 82-миллиметра.

Парень поднял сначала шинель, но потом передумал и не стал надевать её на плечо. Он прицепил сзади выюк с опорной плитой, а на груди разместил гладкий ствол, ещё тёплый от частой стрельбы. В правую руку, боец взял винтовку, а левой ладонью поднял мешок с притороченной скаткой. Всё это, вместе тянуло не менее полста килограммов.

Тем временем, командир закинул за спину стальную двуногу, впереди закрепил – «трёхлинейку», скатку и «сидор», а в руки взял по лотку с тремя снарядами в каждом. Так что,

на невысоком сержанте груза оказалось не меньше, чем на его крепком товарище.

В ходе обстрела фашистов, из восьми миномётов полковой батареи уцелело лишь пять. Три орудия накрыло фугасами, а расчёты, что находились поблизости, насмерть побил осколками. Большая часть тех людей, что выжил на соседних позициях, получила контузии или ранения.

Здоровых бойцов набралось в два раза меньше, чем нужно. Причём, все были навьючены до последних пределов. Вместо одной части орудия, как говорилось в уставе, они брали в руки, что-то ещё.

Даже раненые красноармейцы и те тащили не только шинели, винтовки и «сидоры». Они развязали мешки и положили в них кто одну, а кто даже две четырёхкилограммовые чушки. Плюс взрыватели к ним.

Контуженный взрывом, молодой лейтенант осмотрел подчинённых, оставшихся от вверенной роты. Он поставил вперёд тех парней, что оказались нагружены больше всего, и повёл их к деревне, куда медленно двигался разгромленный полк.

Группа из двадцати трёх человек спустилась с пригорка, где находилась позиция. Они выбрались на пыльный просёлок, и встали в хвост длинной колонны отступающей воинской части.

Качаясь под весом железа, Павел вперился взглядом в са-

поги офицера. Мало что, видя перед собой, он шёл прямо за ним. Сзади тащились ещё два человека не имевших ранений.

На каждом из трёх здоровых бойцов, висело по полсотни кило. Скоро внушительный груз дал знать о себе. Через триста-четырееста метров солдаты уже потеряли последние силы. Дыхание стало коротким и шумным, пот ручьями катил по лицу, а ноги начали мелко дрожать.

Лейтенант обернулся. Заметил их состояние и приказал: «Привал – пять минут».

Павел сошёл на обочину и бросил мешок, упёр винтовку прикладом в землю и, держась руками за ствол, медленно встал на колени. Он свалился на левую сторону и застыл, как убитый.

Рядом появился сержант. Он согнул ноги в коленях. Поставил лотки со снарядами на сухую траву и лёг возле них. «Трёхлинейку» и «сидор» он оставил висеть на себе.

Как только солдаты слегка оклемались, офицер приказал: «Рота подъём!»

Павел попробовал встать и с отчаяньем понял, что в одиночку не сможет этого сделать. Командир орудия, на котором висело около двадцати пяти килограммов, медленно поднялся с земли, и крикнул одному миномётчику, что находился в хвосте их отряда.

Подошёл высокий солдат с перевязанным правым плечом и встал справа от неподвижного парня. С другой стороны разместился сержант. Они вдвоём взяли товарища под руки

и, скрипнув зубами, рывком поставили его вертикально. Затем, вручили винтовку, скатку с мешком и подтолкнули вперёд.

В таком же порядке они и двигались дальше. Впереди шёл лейтенант, за ним – трое бойцов, каждый из которых тащил на себе ствол и опорную плиту для него. Возле них находилось шестеро раненых воинов. Они помогали подняться бойцам после очередного привала.

Остановки делались всё чаще и чаще. К тому времени, когда впереди появилась деревня, колонна замирала на месте через каждые сто с чем-то метров.

За два с половиной часа, миномётчики с огромным трудом прошли шесть километров. Они добрались до точки сбора полка и вошли в первый попавшийся двор, с распахнутыми настежь воротами.

Офицер нашёл место, где было поменьше солдат, и приказал разместиться возле уставшей пехоты. Все сложили с себя тяжеленную ношу и тут же почувствовали, что совершенно остались без сил. Они повалились на землю и мгновенно уснули.

Сразу после рассвета, во дворе появился незнакомый Павлу майор. Скорее всего, вчера он командовал каким-нибудь батальоном полка. Теперь оказался старшим среди офицеров и взял на себя команду разгромленной воинской частью.

Он поднял всех на ноги и велел готовиться к бою. Батарею мужчина отправил к другому концу небольшой деревеньки. Он приказал им там обустроиться и ожидать скорую атаку врага.

Миномётчики подняли отдельные части орудий, нагрузили железо на плечи и двинулись к новой позиции. Они миновали последний двор поселения и остановились, не зная, куда им идти?

Наученный опытом, полученным им накануне, командир роты повертел головой. Недалеко от себя лейтенант разглядел скромную рощицу. Среди зарослей низких кустов, виделось орудие калибром 76-ть миллиметров и одна телега с припасами. Лошадей рядом не было.

«То ли, животные погибли вчера, то ли, их всех надёжно укрыли в какой-то низине? – устало подумал боец. – Если скотину убило, то пушкари притащили всё это, так же, как мы, на пердючем пару».

– Встанем под кроны деревьев. – приказал лейтенант. – Там нашу позицию будет не видно ни сверху, ни сбоку.

Пока собирались в дорогу, пока тихо тащились до нужного места, в облаках вновь появилась ненавистная «рама». Она покружила над убогой деревней и, разглядев всё, что ей захотелось, улетела на запад.

Собрав миномёты, бойцы приготовили их к новому бою. Все взялись за лопатки и начали рыть неглубокие индивидуальные щели. Вдруг придётся укрыться от бомб и снарядов

врага?

В отличие от небольшого холма, где они находились вчера, здесь был не рыхлый суглинок, а красноватая глина, лишь сверху покрытая тонким слоем земли. Кроме того, корни деревьев переплелись внизу в плотный клубок. Всё это сильно мешало копать.

Не успел Павел закончить неглубокий окопчик, как слышался топот копыт, долетевший с востока. Он поднял голову на приближавшийся шум. Между кустов появился короткий артиллерийский обоз.

Впереди шли четыре повозки. Каждую тянула шестёрка крупных коней. К основательным на вид передкам крепились массивные длинноствольные пушки. Сзади тянулись телеги с боеприпасом.

Ни габаритами, ни своим внешним обликом, орудия не походили на «полковушки» образца 1927-го года. Те, что состояли на вооружении стрелковых полков.

Уцелевшие во вчерашнем бою, бойцы не усидели на насыщенном месте. Они поднялись и подошли к подкреплению, которого ждали с утра. С видом бывалых солдат, они с интересом смотрели на обслугу орудий, щёголявшую новенькой, незапачканной формой. У всех были петлицы чёрного цвета, такие же, как и у Павла на гимнастёрке.

Кто-то начал спрашивать, кто вы такие, откуда явились и что это за необычные штуки, которые притащили с собой?

Новички прыгнули с задних повозок, доверху заполненных длинными ящиками. Они вытащили шанцевый инструмент, принялись за обустройство позиций и в двух словах сообщили приятную новость:

– По приказу фронтового начальства, батарея 76-ти миллиметровых дивизионных орудий пригнали сюда, чтобы не дать прорваться фашистам. В связи с обстановкой, сложившейся на данном участке, в распоряжение полка пехотинцев временно передали четыре пушки образца 1936 года, которые называются «Ф-22УСВ». Буквы «УСВ» означают «усовершенствованная».

– И сколько же весит такая машина? – спросил сержант миномётчиков.

– В боевом положении – около полутора тонн, – тяжело вздохнул один из прибывших солдат.

– «Полковушка» тянет девятьсот килограммов, и то мы устали катать её с места на место. Ну, а с такой дурой вообще пупок надорвёшь, – разочарованно выдал старый боец. Он был из тех пушкарей, кому удалось уцелеть во вчерашнем сражении. Было отчётливо видно, что он натаскался со своей «железякой» досыта.

Новая батарея разместилась здесь же, в скромном лесочке. Артиллеристы продолжили обустройство позиции, а «старожилы» из куйбышевского полка тотчас разбрались кто куда. У них, своих дел накопилось немало. Нужно дорыть индивидуальные щели в земле и приготовиться к бою. Да и

пожевать что-нибудь не мешало. Они ведь не ели, уже целые сутки.

После подъёма прошло не более часа. В воздухе снова слышался душераздирающий вой. Опять с проклятого запада прилетали снаряды. Они падали на небольшую деревню, стоящую меж густых перелесков, и разрушали в ней всё, что только возможно.

Фугасы врезались в крестьянские избы. Взрывы оглушительно бухали и разносили добротные срубы в мелкие щепки. К небу поднялись дым, гарь и пыль. Удушающий смрад повис над дворами. В сером тумане мелькали обломки камней, какие-то доски и куски человеческих тел, разорванных в мелкие клочья.

Через пятнадцать минут, поселение превратилось в развалины и исчезло с лица советской земли. На месте уютных домов остались большие воронки. Над ними вилась ядовитая вонь от сгоревшей взрывчатки.

Затем вал огня вдруг тронулся с места и направился в сторону небольшого лесочка. Он обрушился на миномётную роту, а после, накрыл дивизионные пушки с обозом. Пехоты в полку оставалось до обидного мало, и в этот раз, немцы ударили по артиллеристам.

Скоро всё кончилось. Павел дождался, когда грохот снарядов окончательно смолкнет. Не обращая вниманья на шум, стоящий в ушах, он постарался прислушаться. Было

так тихо, словно на несколько километров вокруг не осталось ни одного человека. Лишь сухо трещали поленья, что пожирались огнём. Наверное, рядом что-то горело.

Парень с трудом выбрался из небольшого окопчика, засыпанного до самого верха. Он поднялся на ноги и с удивлением заметил, что все предметы вокруг слегка раздвоились. В глазах потемнело, и Павел едва не упал. Внутри черепа что-то стучало и громко гудело, будто рядом ударили во внушительный колокол.

Наконец, в голове у бойца прояснилось, и он огляделся по сторонам. Вместо небольшого лесочка парень увидел лишь землю, перерытую взрывами. Из неё часто торчали пеньки, что остались от толстых деревьев.

Вокруг зияли огромные ямы, из которых поднимался дымок. Тут и там находились изогнутые обломки металла, в которые превратились все пять миномётов.

Чуть дальше, лежали останки одной «полковушки» и трёх недавно прибывших орудий. Все они были, весьма искорёжены взрывной волной. Повозок с боеприпасами не оказалось поблизости. Парень заметил лишь пару обугленных тележных колёс.

В центре обгоревшей поляны одиноко стояла массивная пушка. Лафет слегка накренился, колёса ушли в рыхлую землю по самую ступицу, а длинный ствол смотрел в синее

небо под острым углом. Со стороны все выглядело удивительно целым. Лишь чёрная копоть покрывала детали толстым налётом.

Людей видно не было, и Павел решил, что остался единственным, кто выжил во время обстрела. Вскоре он понял, что сильно ошибся. Разбросанные возле него, кучки грунта вдруг шевельнулись, и из-под них, один за другим, выбрались шесть оглушённых бойцов.

Причём среди них не нашлось миномётчиков. Это были те пушкари, что явились сюда всего час назад. Кроме них, он заметил одного лейтенанта с головой, уже плотно обмотанной свежим бинтом. Скорее всего, он лежал в какой-то воронке и прежде, чем выбраться на поверхность земли, офицер наложил себе повязку на рану.

«Похоже, что в этот раз, нам досталось значительно больше других, – горько сказал себе парень. – Хорошо, что окопчик находился на краю батареи, а то и меня бы накрыло».

Павел взгляделся в новых соратников. Так же, как он, все были немного контужены и передвигались слегка заторможено. У некоторых из ушей или носа капала кровь. Один был ранен осколком в левую руку, второй – в плечо, третий – в бедро. Кто-то из уцелевших бойцов нашёл в земле сумку с красным крестом на боку и ловко перевязал пострадавших.

Лейтенант пришёл в себя от налёта, по привычке взглянул на часы и с огорчением понял, что они не идут. Он потряс

запястьем перед собой, покрутил мелкий барашек заводки, и убедился, что всё это без толку. Офицер плюнул на точное время, построил бойцов и провёл перекличку.

Павел взглянул на руины деревни, но не заметил, чтобы там, кто-то ходил у развалин. Парень подумал: «Что же мне делать теперь? Миномётная рота погибла в полном составе. В полку вряд ли остались в живых командиры. Поэтому, мне нужно прибиться к этому небольшому отряду».

Солдат решил, что нельзя упускать удобного случая. Он подошёл к лейтенанту, представился по всей форме устава и доложил офицеру о том, что остался совершенно один.

Командир осмотрел миномётчика. Он подумал о том, что артиллерийский расчёт наполовину вышел из строя, и сразу решил, что крепкий парень ему пригодится: будет носить снаряды к орудию. Да и нельзя офицеру бросать здоровых солдат, отставших от собственной части. Совесть не позволяет так поступать.

Лейтенант дал разрешение Павлу примкнуть к его подчинённым и разрешил ему встать в общий строй. После чего, приказал всем собрать «трёхлинейки» и привести их в полный порядок.

Сам же потянулся к поясному ремню, вынул и проверил свой новый блестящий «ТТ». Командир убедился, что он в полном порядке, а патрон, как и положено, перед наступающим боем, уже находился в стволе.

Офицер вернул пистолет в кобуру. Немного хромая,

он двинулся к «дивизионке», одиноко стоящей, на месте небольшого лесочка. Мужчина внимательно её осмотрел и с удивлением понял, что оружие в полном порядке.

Остальные бойцы разошлись в разные стороны и начали рыться в своих неглубоких окопчиках, доверху засыпанных рыхлой землёй. Они доставали винтовки, очищали от грязи и проверяли, как ходят затворы. Заодно откопали свои вещмешки.

Павел тоже прошёлся вдоль погибших позиций и нашёл чью-то флягу из алюминия. Он осмотрел дорогую находку, убедился, что она не имеет пробоин, и сунул в порожний чехол, висящий на поясе. Туда, где раньше была литровая ёмкость, отлитая из простого стекла.

В винтовки живых пушкарёв попали осколки снарядов, и оружие вышло из строя. У одной «трёхлинейки» разлетелся приклад, у другой, ствол немного согнулся.

Можно было собрать из двух инвалидов одну, но все тут же решили, не тратить время на это. Они покопались в соседних укрытиях, наткнулись на трёх мёртвых друзей и нашли рядом с ними исправные «мосинки». Бойцы показали их лейтенанту и получили от него разрешение: – Можете взять «винтари».

Убитых товарищей забросали землёй и принялись за поиск снарядов. Несмотря на старанья солдат, они не нашли ничего подходящего. Все боеприпасы либо взорвались во

время налёта, либо были побиты осколками и теперь не годились для боя. Кто его знает, вдруг он застрянет в казённой или ещё с ним, что-то случится?

Артиллеристы взяли какие-то тряпки и начали чистить пушку от копоти. Лейтенант позвал к себе Павла и приказал.

– Сбегай к стрелкам и найди командира. Доложи о гибели всех миномётчиков, о потерях моей батареи и о том, что нам нечем стрелять. Пусть даст приказ, что нам делать теперь?

Павел козырнул офицеру, развернулся кругом и двинулся в путь. Он быстро добрался туда, где находилась военная часть, и увидел ужасную вещь. На месте селения парень нашёл множество горячих воронок от фугасных снарядов.

Среди дымящихся ям лежали погибшие люди и валялись обломки домов. Тут и там, виднелись кирпичные печи, что одиноко торчали из холмиков пепла. Вокруг находились кривые заборы и старые яблони с обгоревшими сучьями.

Павел обежал деревушку, осмотрел все дворы, но не встретил никого из живых. Зато мёртвых там было, удивительно много. Кое-где, они покрывали всю землю ровным ковром. Ударные волны сорвали одежду с тех бедолаг, кто оказались поблизости от мощного взрыва. Некоторые покойники лежали, чуть ли не голыми, словно младенцы.

Как это ни странно, но среди многих убитых не оказалось ни одного офицера. То ли, они уцелели и куда-то ушли? То ли, все командиры находились в какой-то избе, куда в

первую очередь, угодил огромный фугас? После чего, тела так изорвало, что распознать их среди остальных, оказалось уже невозможно.

Как бы то ни было, но боец не нашёл того человека, кому можно сказать об уцелевшем оружии. Парень, тотчас, вернулся назад, к пушкарям. Он подошёл к лейтенанту, козырнул и доложил о результатах визита в деревню.

Артиллерист хмуро выслушал рапорт, немного подумал и, обращаясь к бойцам, сообщил:

– Глядя на то, как здорово нас проутюжили, через какое-то время, здесь появятся танки. Ни снарядов, ни даже гранат у нас, к сожалению, нет, а одними винтовками мы здесь фашистов ничуть не задержим. Только погибнем без всякого толку. Поэтому слушай приказ. Собрать личные вещи и немедленно выступить в сторону расположенья частей Красной армии.

Офицер на секунду прервался и, предваряя вопросы солдат, твёрдо сказал:

– Оставить исправную пушку мы с вами не можем. Наверняка, враг захватил склады с советскими боеприпасами. Так что, через пару часов этот ствол будет стрелять по нашим товарищам.

Командир помолчал, дожидаясь, пока все солдаты усвоят его сообщение, и твёрдо закончил:

– Хоть у нас нет снарядов, мы не бросим оружие, а пота-

щим с собой. Привести его в походное положение и приготовиться к маршу. Сидорчук, Зотов, сбегайте за лошадьми!

Коноводы угрюмо кивнули и помчались к неприметной низинке, расположенной чуть в стороне. Трое здоровых солдат, способных двигаться сами, ринулись к пушке. Никому не хотелось столкнуться с фашистами, особенно после того, как узнали, что боевого охранения нет, а воевать им попросту нечем.

Бойцы бросились к «дивизионке» и на ходу разобрались по номерам. Раненный в левую руку ефрейтор встал у казённого. Он схватился за маховик и завертел его что есть мочи. Ствол орудия поднялся к высокому небу, как только возможно.

Ещё двое возились с лафетом: выдёргивали сошники, глубоко вбитые в землю, и сводили вместе раздвижные станины, которые были расставлены перед началом стрельбы. Скоро солдаты справились со стальными упорами. Тут пришли Зотов и Сидорчук. Они привели в поводу пять лошадей, запряжённых в два артиллерийских возка.

Испуганные взрывами кони дрожали всем телом. Они часто всхрапывали и не хотели идти по ещё не остывшим пожарищам. Это была вся конная тяга, что уцелела после обстрела фашистов. А ведь сегодняшним утром, пришло почти пятьдесят крепких животных. Они привезли четыре орудия и несколько тяжёлых телег со снарядами.

Каждый передок представлял собой небольшую двуколку, укреплённую на колёсной оси от грузовика «ГАЗ-АА». Эти автомобили в народе называли «полоторкой».

Наверху размещался ящик из толстых досок с шанцевым инструментом и набором запчастей для орудия. На нём находилось сиденье с низенькой спинкой для пары возниц. Сзади висел металлический крюк для крепления стального лафета.

Коноводы взялись за сбрую двух лошадей. Бойцы освободили их из оглобель одного экипажа, подвели ко второй запряжённой повозке, и поставили перед другими животными. Получилась упряжка в три неполные пары, связанных цугом.

Двух раненых артиллеристов, которые не могли идти сами, посадили на облучок. Ефрейтор с левой рукой на перевязи, без чьей либо помощи, забрался на ведущую лошадь. Остальные приподняли станины «дивизионки» и прикрепили к крюку передка.

Лейтенант ещё раз взглянул на орудие, убедился, что всё в полном порядке, и дал команду: «Вперёд!»

Вожжи тихонечко хлопнули по спинам животных. Лошади дружно натужились, затоптались на месте и, с ощутимым трудом, струнули груз. Обрезиненные колёса чуть повернулись. Пушка качнулась и неохотно пошла по поляне, изрытой воронками.

«Пятнадцать центнеров тянет орудие, пять весит возок и три человека в придачу, – прикинул Павел и подвёл корот-

кий итог: – Итого, две с лишним тонны».

Колёса у передка и внушительной пушки глубоко вязли в слое рыхлой земли и попадали в ямы и рытвины. Офицер и четыре солдата двигались следом. Время от времени, они упирались в бронешиток и помогали животным тащить тяжкую ношу по неровностям почвы. Тут и там торчали пеньки от сгоревших деревьев и мешали проезду.

Наконец, повозка всё-таки выбралась на пыльный просёлок. Она свернула в левую сторону от погибшей деревни и устремилась к востоку. Сзади шагали артиллеристы с вещевыми мешками и скатками на левом плече. Они держали винтовки в руках и зорко следили за обстановкой вокруг. Никому не хотелось нарваться на пеших противников. Ну, а на танки фашистов тем более.

Так артиллеристы и двигались более трёх часов кряду. Они преодолели вёрст десять-двенадцать, но за это долгое время не встретили ни одного человека. Везде оказалось так пусто, словно всё живое давно уже вымерло. Не было видно каких-либо строений, людей или советских военных частей.

К огромному сожалению бойцов, в планшете их лейтенанта не нашлось карты окружающей местности. Никаких указателей здесь не имелось. Пришлось брести наугад и стараться выдерживать общее направление к востоку.

Грунтовка петляла по маленьким рощам и небольшим перелескам. Изредка она выходила на некошеные луга и поля.

Шагая под сенью ветвей, пять пеших воинов брали оружие наизготовку. Они растягивались короткой дугой, шли перед конной упряжкой и внимательно наблюдали за зарослями, что находились вблизи. Вдруг среди плотных кустов сидят проклятые фрицы?

На каждой опушке отряд останавливался. Командир оглядывал пустошь в бинокль и, не заметив ничего подозрительного, посылал одного из солдат на другой край поляны. Низко согнувшись, солдат бегом пересекал луговину. Он падал на землю перед густыми кустами, медленно продвигался вперёд и, сотрясаясь от сильного страха, смотрел, не укрылись ли немцы за плотной листвой.

Если там было пусто, а на счастье бойцов, каждый раз, так и случалось, он поднимался на ноги, дрожащие от большого испуга. Потом, возвращался назад и подавал знак сослуживцам. Мол, всё в полном порядке.

Заметив сигнал, лейтенант говорил коноводам: – Вперёд! Возница хлестал лошадей. Оскорблённые сильным ударом, животные принимали в галоп и вскачь пролетали открытое место.

К полудню, артиллеристы вышли из очередного лесочка и увидели широкое поле. Оно тянулось вперёд не менее чем на тысячу метров. Засеянное пшеницей пространство пересекала пустая грунтовка. Следов гусениц и колёс в пыли видно не было, и это слегка успокоило всех пушкарей.

Но что находилось с другой стороны огромной поляны, никто, конечно, не знал. А там могло оказаться всё, что угодно. От группы фашистских разведчиков на мотоцикле и с автоматами «шмайссер», до бронетранспортёра с отделением пехоты и ручным пулемётом, что стоит на кабине

Попробуй с ними схлестнись в открытом бою, если в руках «трёхлинейка» с обычным затвором. Пока будешь дёргать его туда и сюда, положат всю честную компанию не за понюх табаку.

Именно в этот момент, пришла очередь Павла топтать в разведку. Парень взял свою «мосинку», как можно удобнее и, согнувшись крючком, рванулся вперёд. Он мчался меж стен высоких колосьев, начавших понемногу желтеть.

Время от времени, боец тормозил. Он замирал на каком-нибудь месте, поднимал голову над созревшей пшеницей и смотрел во все стороны, нет ли где, каких шевелений? Отметив, что вокруг всё спокойно, солдат тем же макаром, двигался дальше.

Задохнувшись от быстрого бега, Павел добрался до той купы деревьев, куда нырял узкий просёлок. Парень упал возле кустов, прополз немного вперёд и убедился, что там нет ни единой души. Он поднялся на ноги и подал условный сигнал: снял с макушки пилотку, мокрую от горячего пота, зажал её в кулаке и помахал над собой.

Повозка с увесистой пушкой сразу же выскочила из-под ветвей, под которыми её было невозможно увидеть. Она рва-

нулась вперёд и, что есть мочи, помчалась к другому укрытию. Резвые кони набрали приличную скорость и стремглав добежали до середины поляны. Павел подумал о том, что и сейчас, они успешно минуют опасный участок.

Над головой послышался гул, и в небе возник истребитель с крестами на хвосте и на крыльях. Он двигался на небольшой высоте, стрелой проскочил над открытым пространством и мгновенно исчез за деревьями.

К несчастью бойцов, лётчик что-то почуял и бросил взгляд в боковое стекло. Фриц заметил упряжку, летящую в полную прыть, и потянул на себя рычаг управления.

«Мессершмидт» поднялся на треть километра в зенит и сделал пологий вираж в правую сторону. Двигаясь по длинной дуге, самолёт зашёл в хвост неуклюжей повозки. Он устремился к земле и, быстро снижаясь, стал догонять лошадей.

Бегущие рядом с орудием, люди слышали рёв мощного двигателя, шумевшего сзади. Они, не оглядываясь, бросились в разные стороны, отскочили на несколько метров и упали в густые колосья пшеницы.

Ефрейтор, сидевший на лошади, бросил поводья. Опершись здоровой рукою в хомут, он перекинул правую ногу через круп ездового животного и соскочил на полном ходу. От удара о землю, он не устоял на ногах, потерял равновесие и кубарем покатился по полю.

Тем временем, фриц уже вышел на боевую позицию. Он оказался в ста метрах от конной упряжки и хорошо её видел в перекрестье прицела. Пилот широко улыбнулся и откинул предохранительный колпачок, закрывший гашетку. Потом, положил палец на красную кнопку и вдавил её до упора.

Два пулемёта загрохотали в едином порыве. Множество пуль выскочило из длинных стволов, расположенных в кромках крыла. Они взвизгнули в набегающем воздухе и устремились к намеченным жертвам.

Кусочки свинца прошли расстояние, что отделяло повозку от жерла оружия, и врезались в разгорячённую плоть. Раскалённый металл рвал кожу в мелкие клочья, пробивал упругие мышцы и дробил прочные кости, встреченные на коротком пути.

Искромсанные боевыми зарядами, кони сбились с быстрого шага, споткнулись на полном скаку и, ломая шеи и ноги, упали на пыльную землю. Крупы пяти лошадей сплелись в огромную кучу. В неё, на всей скорости въехал тяжёлый артиллерийский возок.

Мощный удар сорвал с сидений возниц и швырнул на животных, бьющихся в предсмертной агонии. Следом примчался длинный лафет «Ф-22-УСВ». Он врезался в жуткое месиво и придавил всех внушительным весом.

Мессершмидт» сделал новый вираж. Немецкий пилот вернулся назад и с радостью уверился в том, что попал, куда

и хотел. Он записал на свой личный счёт ещё один военный трофей.

Глумясь над изувеченными им, существами, что лежали в горячей пыли, фашистский стервятник совершил полный круг над несчастной упряжкой. Фриц качнул на прощание крыльями и пошёл на восток. Он недавно пополнил боезапас и торопился напасть на советские части, что отступали под натиском армии Гитлера.

Увидев, как самолёт улетел, Павел рванулся вперёд и заметил ефрейтора, который вовремя спрыгнул с головного коня. Видимо, он приземлился очень удачно и отделался небольшими ушибами. Мужчина быстро поднялся на ноги и, сильно хромя, помчался к товарищам, упавшим с возка. Чуть отстав от него, к месту трагедии спешили другие солдаты.

Павел встал рядом с повозкой и с огорченьем увидел, что фашистские пули попали и в двух пушкарей, сидевших на облучке передка. Они впились в бойцов и прошили их обоим насквозь. Повреждения оказались такими серьёзными, что оба мгновенно погибли.

С гужевым транспортом дела обстояли не лучше. Три из пяти лошадей уже были мертвы. Две ещё бились в страшных конвульсиях и хрипло, с надрывом, дышали. Они не могли подняться на перебитые ноги и с испугом косили на стоявших рядом людей.

Глаза пострадавших коней переполнились болью. Круп-

ные слёзы лились тонкой струйкой, а пузыристая кровавая пена выступила на мягких губах. Кто-то из сердобольных солдат поднял винтовку, передёрнул затвор и пристрелил несчастных животных.

Лейтенант осмотрел многострадальную пушку и с удивлением понял, она без всяких проблем, пережила фашистский налёт. Только на зелёном защитном щитке и поверхности длинных станин появились слабые вмятины. Это были следы от множества пуль, пущенных немецким стервятником.

Офицер на минуту задумался: «Стоять на открытом пространстве нам очень опасно. Появиться чужой самолёт и уничтожит людей. Нужно срочно идти под защиту ветвей. Может быть, там нас не заметят пилоты врага? Но что делать с новенькой пушкой?

Бросить её на дороге – значит оставить в подарок врагу. Упряжка погибла вся целиком. Наши наверняка уже близко. Значит, нужно тащить на руках! Хорошо хоть колёса остались в порядке». Он принял решение и отдал команду:

– Отцепить орудие от передка и откатить к тем деревьям. – Лейтенант указал на восток.

Бойцы оторвали взгляд от погибших товарищей. Они удивлённо переглянулись, посмотрели на рошу, что стоит впереди, и прикинули расстояние от себя до неё. На взгляд Павла, до ближайших кустов было не менее третьей части

версты.

Пушкари топтались возле орудия, и каждый думал приблизительно так: «Конечно, до роши от нас далеко, но по законам военного времени, за не выполнение приказа, сразу получишь пулю на месте.

А лейтенант у нас шибко идейный молодой коммунист. Он не очень давно вступил в члены партии ВКП(б) и этим очень гордиться. Так что, запросто шлёпнет из своего пистолета.

Кроме того, что мы, скажем «синим фуражкам», когда дойдём до своих? Мол, тяжело было катить, вот и бросили пушку у всех на виду. Не затащили орудие в лес и не укрыли, как следует. А ведь там, оно могло не попасть в руки фашистов, и спокойно дожждаться наших частей.

Здесь же, его подберут проклятые фрицы и повернут на советских людей. Да за такие дела «особисты» пришлют нам предательство Родины. Они вынесут приговор полевого суда и поставят к ближайшей стене».

Пока все размышляли, лейтенант заметил сомнение, возникшее в глазах пушкарей, и сильно занервничал. Он положил руку на кобуру и расстегнул твёрдый кожаный клапан, закрывавший сверху «ГТ». Довершил неприятную сцену гул мощных моторов, донёсшийся сверху.

Павел испуганно глянул наверх и увидел десятки бомбардировщиков с крестами на фюзеляжах и крыльях. Силуэты

тяжёлых машин заняли большую часть синего неба и стройными линиями шли на восток.

По краям огромной эскадры летели юркие истребители фрицев. В любое мгновение, пилоты могли заметить бойцов, стоящих среди чистого поля, отойти от воздушной армады и спикировать вниз.

Почему этого ещё не случилось, никто так и не понял. Видно, у бога войны имелись какие-то планы на этих людей. На какое-то время, он отложил убийство солдат и вывел на сцену новых актёров. Самолёты с красными звёздами появились откуда-то сбоку и устремились в атаку.

– Наши! – крикнул кто-то из пушкарей.

– Устаревшие «ишачки» и древние «чайки», – тяжело вздохнул лейтенант. – И где только взяли такую негодную рухлядь? Из Сибири, что ли, пригнали? На них когда-то в Испании фрицев долбали...

– А вы хорошо разбираетесь в аэропланах, – льстиво сказал коновод Сидорчук.

– Хотел стать военлётом, но не прошёл по здоровью. Вот меня и направили тогда в артиллерию, – печально сообщил офицер.

Павел прищурил глаза. Высоко над фашистами появились два самолёта с непропорционально коротким и упитанным телом. Сбоку они походили на обычный топор по прозвищу колун, только мчались сейчас тупыми концами вперёд.

Следом летели три громоздких устройства с двумя плос-

костями, расположенными над и под фюзеляжем. Большие колёса висели под брюхом, и эта машина выглядела совсем неуклюжей.

Кабина оказалась открытой и размещалась между широкими крыльями и округлым хвостом. Массивные плоскости перекрывали весь вид впереди и внизу. Как лётуну удавалось, хоть что-то увидеть, Павел не мог и представить себе.

Наши пилоты построились в длинную цепь, отжали рули высоты от себя и рванулись к врагам, что находились под ними. Они мчались вперёд, словно гончие псы, напавшие на стаю зверей.

Немецкие истребители тут же заметили появление противника. Они нарушили строй и принялись защищать своих подопечных. Начался яростный бой. Фрицам стало не до кучки солдат, стоявших внизу.

Круговерть самолётов вертелась удивительно быстро. Машины мелькали в бешеном вихре, и уследить за их продвижением, удавалось с огромным трудом. Устаревшие аппараты тридцатых годов дрались против «мессершмидтов» и «фокке-вульфов», которые отличались хищными формами и смахивали на острое веретено.

Несмотря на качество техники фрицев, наши пилоты дрались с невероятным упорством. Было сложно понять, на чьей стороне перевес? Каждый из военлётков стремился продать свою жизнь, как можно дороже. Он выполнял умопомрачи-

тельно сложные виражи с разворотами, и при первой возможности бил по врагу.

Кипевшая в небе, борьба шла не на жизнь, а на смерть. То в одну, то в другую машину попадало множество пуль. Самолёт клевал носом, начинал сильно дымить и пытался выйти из свалки.

После этого, наши и немцы вели себя очень по-разному. «Сталинских соколов» оказалось значительно меньше, чем проклятых фашистов и они не могли отвлекаться на что-то другое. Они не бросались за подбитым врагом, а продолжали борьбу с другими противниками.

Фрицев же было, больше в несколько раз, и, чтоб не мешать в полёте друг другу, часть истребителей держалась в сторонке. Они кружили вокруг места схватки, и ждали наступления очереди, когда им будет пора, вступить в жаркий бой. Как только немец получал повреждение, он выходил из баталии, а свободное место занимал его сослуживец.

Когда подбивали наш «ястребок», то парящий рядом стервятник кидался вдогонку и не позволял ему скрыться. Он преследовал по пятам самолёт с красными звёздами и стрелял до тех пор, пока тот не терял управление. Беспомощный аэроплан не мог что-то сделать. Он входил в крутое пике и с жалобным воем мчался к земле.

Если советский пилот выпрыгивал из кабины машины, то один из германцев обязательно вился поблизости. Раз за ра-

зом он заходил на шёлковый купол, открывшийся в воздухе, нажимал на гашетку и вёл шквальный огонь. Сотни пуль рвали ткань парашюта в мелкие клочья. Авиатор падал с большой высоты и погибал от удара о твёрдую почву.

Смерть военлётов, словно подстегнула солдат. Они перестали смотреть на яростную воздушную схватку, кинулись к артиллерийскому передку и занялись своим непосредственным делом.

Пока трое бойцов отцепляли орудие, четвёртый достал из кармана простой складной нож. Он раскрыл длинное лезвие и подошёл к мёртвой лошади. Мужчина вырезал из бедра животинки шмат мяса весом не менее пяти килограммов. Он отдал его Павлу и, указав на мешки погибших солдат, приказал: – Сложи в них провиант.

Парень вспомнил о том, что у них нет еды, и вдруг осознал, что никто толком не знает, сколько дней и ночей им придётся идти до своих. Несмотря на чувство протеста, что возникло в крестьянской душе, боец согласился, что приказ чрезвычайно разумный.

Он огляделся по сторонам и нашёл вещмешок, оставшийся теперь без владельца. Солдат развязал узел тесёмки, вытряхнул наземь какие-то вещи, а на свободное место сунул тёплый ломоть, истекающий кровью. Затем, взял «сидор» другого покойника, получил второй такой же кусок, и сунул его внутрь холщовой котомки.

Упаковки с кониной повесили на пушечный ствол так, чтобы они хоть немного, уравновесили тяжесть стального казённого. Рядом устроили скатки и поклажу всех остальных.

Тем временем, два коновода отрезали от погибшей упряжи уже ненужные вожжи. Они быстро сплели их в нечто похожее на бурлацкие лямки и прикрепили их к петлям лафетных станин.

Двое солдат тотчас присели, взяли ремни из брезента и, как португепю, накинули их на свои широкие плечи. Поправив неудобную жёсткую сбрую, они поднялись на ноги и приготовились, выполнить роль тягловой силы.

Железные сошники поднялись над землёй и повисли над ней. Теперь они не цеплялись за почву и не мешали движению.

Другие солдаты подняли погибших товарищей и положили их на длинный лафет. Потом попытались тронуть орудие с места, и отчётливо поняли, они не смогут тащить такой внушительный груз. Тем более, что за покойниками нужно было, постоянно следить. Иначе, они свалятся наземь.

Пушкари положили двух мёртвых товарищей на узкий просёлок и дружно решили: «Спрячем пушку в кустах, а поле, вернёмся назад за друзьями».

Лейтенант и раненный в руку ефрейтор устроились возле ствола и упёрлись ладонями в металлический щит, прикрывавший расчёт от стрельбы неприятеля. Павел и шестой человек встали справа и слева от них. Бойцы чуть пригнулись

и взялись за толстые шины высоких колёс.

Офицер крикнул:

– Пошёл!

Все протяжно вздохнули, наклонились вперёд и навалились на пушку. Она нехотя тронулась с места и, медленно двинулась по пыльной дороге. Орудие весило около полутора тонн, но к удивлению Павла, перемещалось достаточно ходко.

Толкать её по ровному полю было весьма тяжело, но это оказалось, в общем, приемлемо, словно катишь большой возок сена под навес от дождя. К тому же, такая работа не шла ни в какое сравнение с тем, что испытал Павел раньше. Когда он тащил на себе стальную плиту и ствол миномёта.

Минут через десять, расчёт добрался до рощи. Бойцы оказались под прикрытием плотной листвы, и устало свалились на землю. Когда пушкари восстановили дыхание, пожилой Сидорчук всё же набрался решимости. Он обратился к своему командиру с вопросом, что сильно мучил всех остальных:

– Товарищ лейтенант, может быть, нам её здесь, пока закопать? Дойдём до своих, и сообщим по инстанциям. А когда вернёмся назад, сразу отроем и вычистим до зеркального блеска. Никто не заметит, что она находилась когда-то в земле.

– В Военном уставе написано, мы должны всеми силами беречь и защищать вверенное нам боевое оружие, – хму-

ро сказал офицер. – Минимальный расчёт 76-ти миллиметровой пушки состоит из шести человек. Нас здесь столько, сколько и нужно для перемещения орудия с места на место. Поэтому, мы будем катить его до тех пор, пока не выйдем к своим! – Командир встал с пожухлой травы и твёрдо закончил: – Сейчас похороним товарищей и двинемся в путь.

Контуженый офицер и раненный в руку ефрейтор остались сидеть в маленькой рощице и охранять дивизионную пушку. Четыре здоровых бойца вышли на ровное место и, низко пригнувшись, бегом поспешили к месту трагедии.

Не успев отдышаться, они положили погибших людей на развёрнутые плащ-палатки и встали по двое в головах у покойников. Затем, схватились за плотную ткань, взяли в свободные руки оружие и волоком потащили друзей по просёлку.

Вес оказался большим, а идти пришлось далеко. Пока возвращались назад, пришлось трижды вставать на кратковременный отдых. Минут через двадцать, они добрались до опушки, оставили скорбную ношу в кустах и взялись за лопатки.

Переплетение толстых корней не позволило воинам вырыть глубокие ямы. Пришлось ограничиться только одной. Да и та оказалась всего лишь до пояса. Положив двух товарищей в братской могиле, их накрыли шинелями и сказали несколько слов, которые все говорят в такой ситуации.

Затем, взяли солдатские книжки погибших и отдали их офицеру. Забросав покойных землёй, они воткнули в холмик маленький крест, что связали из двух веток дерева. Потом, постояли с минуту со склонёнными вниз головами, вернулись к орудию и устало опустились в траву.

Как и все остальные, кто участвовал в погребении друзей, Павел сильно измучился. Вместе со всеми он улёгся на спину и расслабил усталое тело. Нужно было слегка отдохнуть перед дальней дорогой.

Лейтенант и ефрейтор с пробитой рукой продолжали стоять на посту. Они смотрели по сторонам и охраняли товарищей.

Минут через пять, лейтенант тихо кашлянул. Он поправил ремень и сказал:

– Кончаем привал! Начинаем движение!

Красноармейцы тяжело вздохнули, поднялись на гудящие ноги и разобрались по номерам. Павел и крепкий боец, с которым парень толкал тяжёлую пушку, махнулись местами с теми солдатами, что шёл впереди.

Они впряглись в непривычную сбрую, и начались бесконечные вёрсты пешего марша. Раненые артиллеристы толкали пушку в щиток, а здоровые сменяли друг друга после каждого небольшого привала.

Во время очередной передышки кто-то из шестёрки бойцов вдруг рассмеялся и, желая взбодрить уставших друзей,

весело хмыкнул:

– Хорошо, что нам досталась усовершенствованная «дивизионка». Насколько я знаю, обычная «Ф-22» весит на десять центнеров больше.

Все печально кивнули. Они разом подумали, что тогда, всё оказалось значительно проще. Ведь в такой ситуации лейтенант поступил бы совсем по-другому. Он не заставил бы их, тащить столь тяжёлую ношу. Офицер, снял бы затвор с дорогими прицелами и сунул «железки» в заплечный мешок. Ну, а бойцы, спрятали пушку в ближайших кустах, и пошли вместе с ним, налегке на восток.

Им ещё повезло, что вокруг расстилалась удивительно ровная местность. Идти по пустому просёлку было терпимо, но когда им встречались небольшие уклоны, то приходилось достаточно туго. Орудие не хотело подниматься на взгорки. Оно норовило скатиться назад и подмять под себя уставших людей.

Зато спускаться в низины оказалось значительно легче. Хотя там приходилось, держать ухо востро, и не позволить, разогнаться орудию. Не то влетит в большую промоину и засядет там намертво. Мучайся после, вытаскивай.

Хорошо, что бороться с этой напастью помогали острые сошники, которые весьма походили на лемехи конного плуга. Стоило их опустить на дорогу, как они крепко вгрызались в твёрдую почву и тормозили движение. Правда, потом, их приходилось выдёргивать из плотной земли.

Тяжелее всех, приходилось очередному разведчику. Пока все отдыхали в кустах перед каждой поляной, он бегал вперёд и смотрел, нет ли фашистов в засаде? Затем, возвращался назад и упорно работал с друзьями. Контуженый лейтенант и ефрейтор, раненный в левую руку, в дозор не ходили. Такая обязанность падала на четырёх здоровых солдат.

Часа через два, пушкари вкатили орудие в очередной перелесок и без сил повалились в траву. Внезапно Павел насторожился. Он прислушался к шороху листьев, колеблемых слабеньким ветром, и тихо сказал:

– Товарищ лейтенант, по-моему, сюда кто-то едет!

Встревоженные бойцы вскочили на ноги и стали смотреть в разные стороны. Скоро все поняли, что звук идёт с запада. Они аккуратно подкрались к опушке и глянули сквозь густые кусты. Перед ними находился просёлок, пересекавший широкое поле.

По узкой грунтовке пылил угловатый автомобиль, установленный на высоком шасси. Когда экипаж подъехал чуть ближе, парень заметил необычные вещи. Агрегат оказался чуть больше привычной всем «эмки», но весь был обшит толстым железом. На месте стеклянных окон тёмнели узкие щели.

Судя по форме, это был броневик защитного цвета, но не такой, какие мелькали в кино о годах революции. У него не имелось цилиндрической башенки с торчащим наружу «мак-

симом». Вместо неё торчал шестигранный колпак с ручным пулемётом и авиационной автоматической пушкой.

Рядом с необычным устройством ехала ещё и охрана из двух мотоциклов. Один катил впереди, другой находился в тылу. У каждого мотоцикла имелась коляска с «MG 34», стоящим на округлом носу. Внутри низких люлек расположились фашисты, чьи пальцы лежали на спусковых крючках механизма. Они могли, в любую секунду, открыть шквальный огонь.

За спиной у водителей трёхколёсных машин сидели разведчики в серо-зелёной пятнистой одежде. Все были в касках и с автоматами «шмайссер». Небольшая колонна мчалась к укрытию артиллеристов и не собиралась куда-то сворачивать.

Лейтенант взглянул на фашистов и тихо скомандовал:
– Убрать «дивизионку» с дороги!

Солдаты бросились к пушке. Они облепили орудие с разных сторон и, в едином порыве, вкатили в густые кусты бузины. Офицер и ефрейтор двигались сзади и выпрямляли помятые ветки. Они привёл кустарник в порядок, нырнул в плотные заросли и упали на землю рядом с бойцами.

Лейтенант выдернул из кобуры свой «ТТ» и вместе со всеми навёл оружие на узкий просёлок. Едва он успел это сделать, как мимо с оглушительным грохотом промчался немецкий дозор.

То ли, фашисты вышли разведать ближайшую местность, то ли, спешили куда, с донесением – выяснять офицер не решился. Фрицев значительно больше, чем пушкарей.

Шесть человек в мотоколясках да два, а то и четыре, в машине. У них автоматы, три пулемёта и авиационная пушка. Да и раненых среди них не видать. К тому же, у него за спиной стоит дорогое орудие. Его нужно доставить до советских позиций, а там будет видно, что делать.

Лейтенант подождал, когда шум от моторов окончательно стихнет. Он приказал вывести «дивизионку» опять на просёлок и осторожно продвигаться к востоку.

Спустя три или четыре часа, артиллеристы пересекли, неизвестно который по счёту, густой перелесок. Они ступили на очередную опушку и оказались возле не очень широкой, реки. Павел глянул на слабые струи течения, идущего к югу, и понял, они оказались на правом, крутом берегу водной преграды.

Лейтенант немного подумал. Он вспомнил карту, которую мельком видел в палатке у командира полка, и не очень уверенно сообщил своим подчинённым:

– Похоже, что мы вышли к Дону. Или к какому-то, из многих притоков.

Павел скептически посмотрел на желтоватую воду и невольно отметил, ширина этого русла не превышает тридцати пяти, самое многое, сорока с чем-то метров. Он вспом-

нил книгу Шолохова «Тихий Дон», где эту реку зовут только «батюшкой» и описывают весьма уважительно.

«Да он не больше нашей Самарки, после того, как сойдёт бурный паводок», – удивился про себя молодой человек и перевёл взгляд вниз по течению. Просёлок шёл вдоль обрыва ещё полверсты, нырял с берега вниз и упирался в узенький мост. Вернее сказать, в то, что теперь от него оставалось.

Все части пролёта бесследно исчезли. К каждому из берегов примыкало по несколько метров настила из старых серых досок. Между ними торчало множество свай, чёрных от долголетнего пребывания в мокрой стихии.

Верхушки всех брёвен оказались расщеплены недавними взрывами. То ли, на переправу сбросили несколько маленьких бомб, то ли, здесь потрудились сапёры. И ещё неизвестно, чьи они были? Может, наши, а может, и немцы. Например, те, что мимо промчались в броневике.

Возле спуска с обрыва лежало селение, в котором имелось с десяток дворов. Ни фашистских солдат, ни странной угловатой машины, ни мотоциклов, стоящих меж ветхих домов, пушкари не заметили. Только пара древних старух копалась в небольших огородах.

Одна из них с трудом разогнулась, упёрла руку в свою поясницу и повертела тоненькой шеей, затёкшей от долгой работы. Её блуждающий взгляд наткнулся на группу бойцов, стоящих на косогоре, и перескочил на дивизионную пушку. Женщина уронила лопату, что-то крикнула беспечной то-

варке и стрелой метнулась в ближайшую хату. Ни секунды не медля, соседка побежала за ней.

– Видать, за немцев нас приняли, – хмыкнул кто-то устало.

– Идемте в деревню, – приказал командир.

Бойцы добрались до поворота дороги, и подошли к высокому спуску, ведущему к кромке воды. Здесь просёлок закончился, а накатанный путь превратился в широкую песчаную осыпь.

Упираясь ногами в рыхлую почву и, тормозя упорами длинных станин, солдаты скатили пушку с обрыва. Они взяли винтовки наизготовку и быстро пробежались по хатам. Бойцы осмотрели дома, дворы и постройки и убедились, что деревня пуста. Они не нашли никого, кроме двух ветхих старух.

Лейтенант приказал спрятать оружие. Его закатили за ближайший сарай и накрыли какими-то тряпками, что висели на соседних плетнях. Как это ни странно, но маскировка оказалась довольно удачной. Пушку нельзя было увидеть ни с высокого берега, ни с реки, ни тем более, с воздуха.

Бойцы достали воды из небольшого колодца, с облегчением напились и наполнили опустевшие фляжки живительной влагой. Раненого в руку ефрейтора лейтенант отослал на высокий обрыв и велел наблюдать за окружающей местностью. Не ровён час, появятся немцы и захватят красноар-

мейцев врасплох.

Всем остальным, офицер приказал быстро собрать все верёвки в деревне и вернуться назад.

Пока бойцы шарили по опустевшим дворам, он подошёл к двум старушкам и попросил их сварить кусок мяса, который отрезали от погибших коней. Второй он решил оставить на завтра.

«Хоть и будет не так чтобы свежим, зато пушкари не съедят всё одним махом, – грустно подумал недавний курсант. – Ещё неизвестно, что удастся добыть из еды нам в ближайшие сутки».

Когда солдаты вернулись с добычей, командир не позволили им отдохнуть. Он отвёл всех к сооружению, стоявшему у самой дороги, и велел разобрать небольшую постройку.

В ход пошли топоры и ломы, найденные в ближайших домах. За тридцать минут, убогий сарай превратился в кучу тонких коротеньких брёвен. Скорее даже, шестов толщиной в мужское запястье.

Бойцы взвалили жерди на плечи и перетаскали к реке. Тогда же, они отнесли все верёвки и связали добытую в сельце древесину в маленький плот. Закончив работу, пушкари толкнули платформу в мутную реку так, чтобы она оказалась в ней почти целиком.

Не присев отдохнуть, красноармейцы вернулись в деревню и взялись за оружие, покрытое разными тряпками.

Не снимая своей маскировки, они прикатили «дивизионку» к воде. Потом, разместили её на хлипком плавсредстве и приторочили кусками верёвок, что остались у них.

К этому времени, вернулись старушки и принесли котелки с кусками варёного конского мяса. Кроме него, они дали бойцам краюху чёрствого хлеба и полведра овощей, собранных со своих огородов. Глядя на скромное угощение селянок, Павел с огорчением понял, это всё, что отыскалось в покинутой всеми деревне.

Лейтенант достал из планшета бумагу и остро отточенный химический карандаш. Он написал небольшую расписку, в которой отметил, что реквизировал для нужд РККА бревенчатый сарай и сотню метров верёвок. Офицер отдал листок стареньким женщинам и поблагодарил их за помощь. Седые старушки истово перекрестили усталых бойцов. Они отошли немного в сторонку и, утирая глаза концами косынок, встали на маленьком взгорке.

Солдаты сняли с ближайших заборов несколько крепких оглобель и подсунули их под небольшое плавсредство с закреплённым сверху орудием. Действуя, как рычагами, они приподняли край всей конструкции над плотным песком и с огромным трудом переместили её немного вперёд.

Потом, повторили тяжёлый процесс ещё несколько раз и, наконец, столкнули с пологого пляжа. Спустя пять минут, плот оказался в реке. Едва он попал на глубокий участок, как

начались неприятности.

Пушка оказалась настолько тяжёлой, что тонкие брёвна ушли в мутную воду почти целиком. Стоило на них наступить, как они начинали тонуть. Причём, достаточно быстро. Пришлось отказаться от заманчивой мысли, что можно плыть на них сверху, словно на лодке.

Стой себе на сухой древесине, упирайся шестом в песчаное дно и толкай самодельный паром к противоположному берегу. Пусть хоть и медленно, но доберёшься до нужного места.

Поняв, что к чему, красноармейцы разделись до самых трусов, сложили вещи с оружием на длинный лафет, а сами поплыли рядом с плотом. Хорошо, что стоял конец знойного августа, и вода оказалась достаточно тёплой. Было даже приятно, окунуться в свежую влагу, опуститься в неё с головой и смыть с себя липкий пот, который покрыл их тела, в ходе долгой тяжёлой работы.

Так же, как и все остальные, Павел держался за брёвна ладонью, грёб свободной рукой и усиленно работал ногами. Несмотря на низкую скорость течения, вода подхватила плавсредство и понесла его так, как хотела сама. Ствол орудия начал указывать то направление, откуда направлялась река.

Заметив такой поворот, лейтенант дал команду. Солдаты дружно переместились с места на место и вновь разместились лицом к левому берегу. Двое из них устроились сзади,

а четверо по обоим бокам. Так дело пошло намного живее.

Минут через сорок, плот пересёк неширокий поток, плавно уткнулся в ровное песчаное дно и оказался на другом берегу. За это долгое время, вода снесла их вниз по течению не меньше, чем на два километра, но с этим было бесполезно бороться.

Главное, что, пока они болтались в реке, в воздухе не появился проклятый «лаптёжник». Заметив столь лакомую, но тихоходную цель, фашист обязательно напал на неё. Он стал бы строчить из двух пулемётов и бросать свои бомбы.

Мощные взрывы, наверняка, опрокинули или разрушили плот, связанный на скорую руку. В любом случае, ударные волны утопили орудие, да и пушкари вряд ли добрались до суши. Они бы погибли от пуль, от контузии или осколков снарядов.

К счастью бойцов, левый берег оказался на редкость пологим. Поэтому «дивизионка» не доставила им много хлопот. Её легко сняли с плавсредства и, увязая по щиколотку в мелком песке, оттащили в сторонку от узкого пляжа. Солдаты увидели землю, заросшую увядшей травой, и выволокли тяжёлую ношу на твёрдую почву.

Недалеко от реки стоял стог свежего сена. Лейтенант глянул вокруг и отдал команду:

– Быстро шагаем к скирде! Сначала укроем в ней пушку, потом всё остальное.

Измученные солдаты докатили орудие до душистого во-роха. Они вырыли в нём небольшую пещерку и закатили «дивизионку» в образовавшийся грот. Затем, опустили задранный ствол, насколько это было возможно, и забросали его сухой травой.

Закончив с работой, они посмотрели на небо и поняли, что день подходит к концу. Солнце нырнуло за горизонт. Небо стало быстро темнеть. В вышине появились крупные звёзды. Послышалось пенье тысяч цикад.

Пока бойцы возились в скирде, их мокрые от пота тела покрылись пылью, колючей трухой и семенами растений. Солдаты сбегали к берегу и снова помылись. Как только кожа обсохла на ночном ветерке, они влезли в грязную, пропылённую форму.

Красноармейцы устало опустились на землю и перекусили варёной кониной с овощами и хлебом. Лейтенант тут же назначил трёх человек для охраны. Они должны были меняться каждую пару часов. Все остальные зарылись в копну и мгновенно уснули.

Каких либо хронометров ни у кого не имелось, как отмерять прошедшее время, неясно. Заметив вопрос на глазах у людей, офицер предложил постовым: – Считайте про себя до семи тысяч двухсот. Причём, делайте это, никуда не спеша, и не пропускайте какие-то цифры.

Нести первую вахту выпало Павлу. Минут пять парень

усердно крепился. Он добросовестно пялил глаза в звёздное небо, на котором сияла большая луна, и медленно считал про себя.

Ещё, он с завистью слушал дыхание спящих рядом товарищей. Потом, на секунду прикрыл тяжёлые веки, хотел их сразу поднять, но уже провалился в беспросветную тьму.

Привычка крестьянина – вставать на заре, снова дала себя знать. Павел проснулся так же, как и всегда, очень рано. Он высунулся из тёплого стога и испуганно повертел головой. На его счастье, поблизости не оказалось ни единой души. Вокруг стояла такая глубокая тишь, какая бывает лишь на рассвете.

Над огромным скошенным лугом и неширокой рекой стелился редкий белесый туман. Солнце должно было скоро подняться, выглянуть из-за края земли и разбросать золотые лучи над планетой.

Парень подполз к лейтенанту. Не зная, как объяснить командиру свой ужасный проступок, боец ненадолго замешкался. Потом он решил, раз всё в полном порядке, то и не нужно, никому ничего говорить. А если спросят, сказать, мол, всю ночь ни секунды не спал, а не сменился с поста потому, что не смог никого разбудить. Пойди, теперь докажи, что это не так.

Разобравшись с этой проблемой, он тронул плечо офицера. Тот мгновенно проснулся, и в грудь часового уткнул-

ся тупорылый ствол пистолета. Спустя один миг, командир узнал своего подчинённого и облегчённо вздохнул.

Всё это долгое время, Павел с ужасом ждал смертельного выстрела. Лишь после того, как парень услышал слова лейтенанта: «Буди всех остальных». Он с облегчением понял, что остался в живых.

Бойцы поднимались один за другим, громко зевали и, протирая глаза на ходу, торопливо спешили к ближайшим кустам. Все опраивались, умывались в реке, после чего, бегом возвращались назад.

Через десять минут, красноармейцы собрались у небольшого стожка. На скорую руку, бойцы проглотили остатки еды и снова впряглись в нелёгкую ношу. По команде начальника, они повернули к востоку и пошли к небольшому лесочку, растущему далеко впереди.

Тряпки, которые взяли в деревне для маскировки орудия, они бросили в сене. Всё равно под ними не спрячешь такую большую бандуру. Да и падают они время от времени, а поднимать их и вешать назад, сил больше нет.

Можно было, снять верёвки с плота, но это означало задержку, а оставаться на открытом пространстве смертельно опасно. Вдруг прилетит чужой самолёт и откроет стрельбу, а здесь чистое поле, негде даже укрыться.

Минут через сорок, они оказались в сотне метров от зарослей. Лейтенант приказал подчинённым: – Остановиться

и укрыться за бронешитком.

После чего, послал одного из солдат на разведку. Тот сбегал к кустам, стоящим плотной стеной, вернулся обратно и доложил: «Всё в полном порядке».

Пушкари двинулись дальше. Они подошли вплотную к опушке и услышали тихий, но внушительный голос:

– Стой! Кто идёт?

Бойцы упали в траву, мокрую от обильной росы. Они скинули «мосинки» с натруженных плеч и взялись за крючки спускового устройства.

– лейтенант РККА Феоктистов, командир батареи артиллерийского полка стрелковой дивизии, – глухо сказал офицер. Секунду спустя, он взял себя в руки и, в свою очередь, задал вопрос: – Кто спрашивает?

– Сержант конного разведывательного отделения Крепов, – донеслось из кустов.

– Отведите нас в вашу часть, – приказал лейтенант. Он поднялся с земли, поставил «ТТ» на предохранитель и сунул пистолет в кобуру. Держать оружие в руках в такой ситуации смысла уже не имелось.

«Мы стоим в чистом поле, – размышлял офицер. – Те, кто со мной говорит, спрятались в плотных кустах, где их не заметил наш усталый разведчик. Если бы нас хотели убить, то сделали бы это давно, ещё на подходе к опушке.

Один залп, и всё было кончено. Да и сейчас, когда мы ле-

жим на земле, достаточно бросить пару гранат. Значит, те, кто укрылся в засаде, видели советскую форму и пушку и не считают нас своими врагами. Иначе бы нам приказали бросить оружие».

Всё вышло так, как предполагал офицер. Пушкари наткнулись на конный разъезд из трёх человек. Те видели усталых людей, тащивших орудие. Они сразу поняли, что так могли поступить только советские люди, и не стали стрелять. Но на всякий случай, спросили, кто и откуда.

Получив внятный ответ на родном языке, они подпустили пришельцев поближе, рассмотрели их измождённые лица и убедились, что это точно свои. Проклятые фрицы выглядели совершенно иначе. Все захватчики были удивительно гладкие и даже холёные.

Разведчики помогли артиллеристам втащить пушку в заросли. Потом, быстро вывели их на лесную дорогу, проводили в расположение части, где и сдали начальству.

Спустя полчаса, лейтенант оказался в штабной палатке батальона стрелков. Он встал по стойке «смирно» и рассказал командиру о злосчастной судьбе строевого полка, что прибыл из Самары двое суток назад.

Ещё через двадцать минут, «дивизионка» и сборный расчёт уже находились в расположение роты артиллеристов. Батарея состояла из четырёх короткоствольных 76-ти миллиметровых орудий, которые размещались недалеко от опушки

редкого леса. Это были всё те же, прекрасно знакомые Павлу, лёгкие «полковушки» образца 1927 года.

Услышав об этом, прибывшие пушкари дружно вздохнули: «Слава Богу, что не сорокопятки! Такой же калибр, как у нашей тяжёлой бандуры. Значит, теперь постреляем по фрицам».

Кто-то облегчённо добавил:

– Хорошо, что, наконец, мы оказались на месте, и не пришлось нам тащить её без снарядов куда-то ещё.

Седой старшина встретил сильно уставших коллег. Он дал каждому по краюхе чёрствого чёрного хлеба и накормил холодной перловкой, что осталась от раннего завтрака.

Хоть каша была сварена лишь на воде и почти что без соли, в этот раз она показалась солдатам замечательно вкусной. После еды, пушкарям объяснили, где стоят лошади с упряжью, где находятся боеприпасы, и указали им место, где можно расположиться на отдых.

Ещё через десять минут, на данном участке Западного фронта началось новое наступление фрицев...

На Дальнем Востоке часть 1

Военная проза. Повесть. «На Дальнем Востоке часть 1»

Издана в журнале «Литературная учёба» №2, март-апрель 2016 г., стр.

Доброволец

Весной 1965 года, Женя благополучно окончил Куйбышевский энергетический техникум. Парень не был отличником. Поэтому, как большинству тогдашних студентов, ему тихо вручили самый обычный, «синий продольный» диплом. Он получил распределение и бодро отправился на новое место работы.

В те далёкие годы, партия и правительство великой страны вдруг озаботилось отсутствием автомобилей у простого народа. Не особо раздумывая, советская власть купила у итальянского концерна «Fiat» лицензию на производство лучшей легковушки Европы.

Причём, купила вместе с тем предприятием, на котором её тогда штамповали. После того, как гигантский контракт оплатили многими тоннами золота, сборочные линии большого завода снялись с бетонных фундаментов, погрузились в вагоны и малой скоростью отправились в СССР.

Немедленно поднялся вопрос, где это всё разместить? Почему-то решили, что самое лучшее место, районный центр, что назывался Ставрополь-на-Волге. Это был небольшой городок, находящийся в ста километрах северней Куйбышева.

В правительстве быстренько приняли множество нужных постановлений. Благодаря тем бумагам, всё сразу стронулось с места. Местные власти ликвидировали с десятков колхозов,

а на лучших пахотных землях начали рыть котлованы для закладки фундаментов.

Народу в то время, в округе лишнего не было. Поэтому, работать на огромной площадке оказалось почти что, и некому. Тогда стройку объявили ударной и комсомольской. И поехала туда молодежь со всей великой страны.

После чего, врачи Волжской Луки пришли в состояние шока: – До этой напасти мы видели сифилис, гонореею и прочие венерические заболевания лишь на картинках, а теперь у нас нет отбою от подобных больных. – говорили они друзьям и знакомым.

Постепенно эскулапы привыкли к новым реалиям жизни. Они перестали болтать и взялись за лечение страждущих граждан.

Строительство было в самом разгаре. Вдруг на советское индустриальное чудо приехал взглянуть один из наследников знаменитого Генриха Форда. Того самого предпринимателя, что поставил сборку машин на конвейер.

Американца долго водили по гигантской площадке. Всюду он, как заведённый, повторял одни и те же слова: – Как это всё удивительно!

Сопровождавшие его партийные лидеры таяли от удовольствия и везли на другие участки. На новых объектах всё повторялось опять. В конце концов, один из чиновников всё же не вытерпел.

Используя своего переводчика, он спросил у именитого

гостя: – Что же Вас так восхищает у нас? Наверное, новые методы сооружения зданий и наши небывалые темпы?

– Конечно же, нет! – ответил потрясённый магнат: – Работаете вы допотопными методами. Всё делаете очень плохо и медленно. А больше всего, меня потрясло одно обстоятельство, сколько плодородной земли вы уничтожили, чтобы построить такой скромный завод.

Через какое-то время, райцентр Ставрополь-на-Волге переименовали в город Тольятти. Был в то время в Европе такой руководитель итальянской компартии. Чем уж он так приглянулся нашим властям, сейчас никто уже точно не знает. Однако, населённый пункт носит это названием и в настоящее время.

Как только Женя приехал на комсомольскую стройку, как его сразу назначили мастером. Он поселился в общежитии и начал усердно работать. Уже через несколько дней, он убедился в правильности главного закона природы – чем больше площадка, тем больше там бардака!

И в этом не было ничего удивительного. На сюда согнали людей со всей великой страны. Если честно сказать, то добрались до места далеко не самые лучшие представители советского общества. В основном, это были недавние «зеки» и «химики».

То есть, те люди, что «условно досрочно» освободились из мест заключения. Общаться с таким контингентом парню

совсем не понравилось, и он очень скоро решил, что нужно оттуда лить.

К его сожалению, тут же возникли большие проблемы. Ведь он прибыл в Тольятти по «направлению техникума». Значит, уволиться по собственному желанию он мог только в одном единственном случае. Лишь после того, как отработает три долгих года, назначенные ему по закону.

Сбежать отсюда, конечно, было несложно. Всё-таки, там был не тюремный режим. Однако, за подобный проступок Женю немедленно лишили диплома. После чего, ему не удалось бы, устроиться по любимой специальности.

Осенью 1966 года, всех его друзей и знакомых, одного за другим, призвали в советскую армию. В связи с тем, что он трудился на возведении автозавода, Жене, как ценному специалисту, дали «отсрочку».

Машин для народа нужно было огромное множество. По планам правительства, предприятие предполагалось построить чрезвычайно большим. На это могло уйти несколько лет. Уж точно, не менее трёх.

Меж тем, идти в армию в двадцать два с лишним года, а то и значительно позже парню не очень хотелось. Сами, наверное, знаете, как там относятся к таким «переросткам». Женя немного подумал и решился на весьма необычный поступок.

Весной 1966 года, он отпросился с работы. Приехал в родной город Куйбышев и сразу отправился в военкомат. Па-

рень вошёл в кабинет к начальнику данной конторы и, глядя офицеру в глаза, твёрдо сказал: – Заберите меня, пожалуйста, в армию!

Полковник был немолодым человеком. Он многое видел за долгую жизнь, но такую странную просьбу услышал впервые. Насколько он помнил, раньше так поступали лишь в 1941 году.

Но тогда шла война с гитлеризмом, все хорошо понимали, что нужно защищать территорию СССР, но сейчас-то мирное время. С чего это вдруг крепкий парень захотел жить в казарме?? Не иначе, тут дело нечисто. Мужчина немного опешил, и понизив голос до шёпота осторожно спросил: – Ты совершил тяжёлое преступление или не очень?

Женя тотчас объяснил, что все его друзья и знакомые давно уже в армии. Ему дали «отсрочку», а он хочет служить с одногодками. Офицер молча выслушал короткую речь. С большим сомнением покачал головой, но возражать, почему-то не стал.

Наоборот, военком приказал, как можно быстрее, оформить бумаги на этого хлопца. Уже через день, Женя сел в войсковой эшелон и поехал на Дальний Восток. На всякий пожарный случай, его отослали в тайгу, расположенную на границе с Китаем. Через четырнадцать дней, «доброволец», без особых проблем, добрался до места своего назначения.

Так уж случилось, что и в армии СССР всё пошло у него

по убыстрённому графику. Поэтому, курс молодого бойца для него завершился значительно раньше обычного.

На соседней заставе, что назвалась Погран-Петровкой, произошло большое ЧП. Что-то, весьма неприятное, случилось в солдатской столовой. Бойцы отравились какой-то едой и почти в полном составе попали в больницу.

Рубеж великой страны остался практически голым. Его нужно было срочно закрыть от проникновения внешних врагов. Поэтому, руководство предприняло небывалые меры. Офицеров быстро пригнали с соседних участков, а рядовых привезли напрямик из «учебки».

Непонятно зачем, но Женю назначили на должность проводника служебных собак и отвели в просторный вольер, закрытый прочной решёткой. Там бойцу показали его подопечного. Им стал матёрый пёс по имени Дик, принадлежавший к очень известной породе. Её называли восточно-европейской овчаркой.

Совершенно естественно, что такая серьёзная псина не признала хозяином девятнадцатилетнего Женю. Собака не обратила внимания на нового проводника. Ей совсем не хотелось скакать по полосе учебных препятствий, и она не желала ходить с парнем в дозор.

Дик, не давал даже взять себя за ошейник. Громко рыча, он страшно скалил огромные зубы и показывал парню, если тот не отстанет, то весьма пожалеет об этом.

Опытный офицер-пограничник посмотрел на сиё безоб-

разие, покачал головой и дал Жене дельный совет, несколько дней не кормить упрямого пса: – Ты каждый раз приноси собаке еду. – сказал он солдату: – Ставь рядом с клеткой и отдавай те, команды, что она должна выполнять. Если делает то, что прикажешь, брось ей кусок. Если нет, пусть и дальше себе голодает.

Женя всё так и сделал. Сначала гордая псина с пренебрежением смотрела на молодого бойца. Однако, как говорится: – Голодная собака кости грызёт, а человек за еду идёт камни долбить.

Так что, к концу вторых суток, пёс очень нехотя, стал выполнять все приказы солдата. Ещё через день, он проголодался настолько, что вышел в наряд вместе с новым хозяином. В первый раз в жизни, Женя оказался на рубеже СССР. Он с большим интересом крутил головой. Всё ему было новинку.

В настоящее время, за всем следят цветные видеокамеры, чувствительные микрофоны и датчики передвижения, подключённые к мощным компьютерам. В далёкое советское время для этой цели использовались более примитивные средства. Устраивался специальный рубеж, который шёл вдоль каждой сухопутной границы на всём её протяжении.

Так что, две большие страны тогда разделяла шестиметровая лента хорошо возделанной почвы. Она называлась – контрольно-следовой полосой. Её регулярно пахали обыч-

ные тракторы. За рычагами сидели молодые ребята в зелёных фуражах с автоматом «Калашникова» за правым плечом..

С обеих сторон от полосы бежали узкие тропки. По ним передвигались наряды из двух или трёх пограничников. Со стороны нашей страны, шли brave советские воины, с другой, конечно, китайские.

Всякая живность, пересекавшая такое препятствие, оставляла заметные строчки следов. Они прекрасно читались на мягкой земле. Глядя на них, бойцы понимали, кто здесь прошёл и куда направлялся?

Если это был человек, и он двигался в СССР, то немедленно объявлялась тревога. Солдаты хватали оружие и пускались в погоню за нарушителем суверенной границы. Когда такой нарушитель шёл в противоположную сторону, то об этом немедленно сообщали соседям. Правда, таких случаев там тогда не бывало.

Видимая территория сопредельной страны представляла собою большую долину. Её с трёх сторон окружали высокие, очень крутые холмы. Следуя местным традициям, все пограничники называли их попросту сопками.

Всю землю внизу, целиком занимали хорошо обработанные поля и плантации, засеянные какими-то сельскохозяйственными растениями, овощами, а может быть и зерновыми культурами.

Узкие грунтовые просёлки шли перпендикулярно друг

другу и разделяли посевы на большие квадраты. Самое странное было в том, что Женя не видел вокруг поселений людей.

Старослужащий напарник бойца, объяснил первогодку, что деревня находится недалеко от границы. А, чтобы дома не занимали ценные плодородные земли, их построили на каменистом склоне горы.

Парень сразу же вспомнил о том, как обошлись с чернозёмом при строительстве огромного автозавода в Тольятти. Там множество грузовиков, тракторов и бульдозеров, перемешали бесценную почву с глиной и щебнем. В бескрайней России такого добра было навалом.

На стороне СССР, сразу же за разделительной следовой полосой, стеною возвышались холмы. Они сливались друг с другом в весьма протяжённую цепь. К тому же, стояли удивительно плотно. Очень часто, макушки двух сопок разделялись лишь неглубокими впадинами.

Тропа оказалась длинной почти в пять километров. Начинаясь она от пограничной заставы, двигалась влево и упиралась в участок, что охраняла соседняя военная часть. Точно такая дорожка шла и в обратную сторону, до зоны соседей, находящейся справа.

На пути военных нарядов имелось три промежуточных пункта для связи. Они представляли собою пеньки, отлитые из железобетона. Сооружения во всём походили на останки толстого дерева. Не отличишь, пока не коснёшься рукой.

Сбоку, в каждом из них, располагалось стальное гнездо, закрытое металлической крышкой с защёлкой. Внутри находилась проводная телефонная трубка, связанная с центральным постом.

Два солдата с собакой двигались по такому маршруту два раза в день, туда и обратно. Ходили они круглый год и в любую погоду: зимою и летом, весною и осенью, в жару, дождь, даже в лютую стужу.

Пограничный наряд дотошно осматривал каждый участок контрольно-следовой полосы и сообщал об этом начальству. В случае нарушения границы, заставу тотчас поднимали в ружьё.

Служащие соседней страны поступали таким же макаром и постоянно встречались с советскими воинами. В отличие от наших бойцов, ходивших в добротных бушлатах, китайцы были одеты значительно хуже. Они носили чёрные однобортные куртки и такие же точно штаны свободного кроя. С расстояния в десять и более метров, их форма весьма походила на простую пижаму, какого-то больничного пункта.

Вместо сапог они надевали обычные спортивные кеды. На головах виднелись фуражки с красной звездой, похожие на картузы двадцатых годов двадцатого века. Нужно сказать, что Владимир Ленин носил очень похожую кепку.

Два патруля регулярно встречали друг друга. Издалека узнавали своих визави и приветствовали взмахом руки. Каж-

дый раз азиаты замирали напротив, и различными знаками просили у пограничников что-нибудь покурить. Скорее всего, табака им вообще не давали.

Напарник Жени хорошо понимал, страдания бедных китайцев. Любивший хорошо подымить, он всегда носил при себе сигареты. Чаще всего, это была красная пачка под названием «Памир».

На ней белой краской, весьма схематично, изображались высокие горные пики. На их ровном фоне чёрнел силуэт человека в папахе, в бурке и с длинным посохом в правой руке.

Наверное, художник хотел изобразить чабана, который ищет пропавших овец. Нужно сказать, что данное курево было очень низкого качества. На заставе тот сорт называли не иначе, как «Нищий в горах».

Сержант вынимал из пачки все сигареты и складывал их в нагрудный карман гимнастёрки. Внутри картонной коробочки он всегда оставлял две или три табачные палочки, что были поплоше.

Клал рядом маленький камешек, поднятый с земли. Сво- рачивал упаковку так, чтобы она не развернулась в полёте, и бросал через широкую полосу вспаханной почвы. Китайцы с радостью подбирали скромный подарок и низко кланялись в знак благодарности.

Но так происходило далеко не всегда. Если иноземный дозор возглавлял офицер, то солдаты тотчас превращались в фанатиков и выражали свою неприязнь к сопредельной стра-

не.

Китайцы что-то громко кричали, грозили кулаками соседям, а то и срывали с худеньких плеч свои карабины, выпуска пятидесятих годов. Они делали вид, что немедленно начнут перестрелку.

Советские погранцы быстро привыкли к таким переменам в поведении щуплых китайцев. Через какое-то время, они уже не обращали на это никакого внимания. Тем более, что закордонные командиры, так же, впрочем, как и советские, редко выходили в патруль. У них имелись другие дела на заставах.

Каждое утро, Женя смотрел, как сухощавые китайские граждане приезжали в поля на работу. Расстояние до деревни было довольно большое. Селян возили на старой машине, сильно похожей на древний «Газон».

Насколько знал парень, их собирали на автозаводах, подаренных бедным соседям бывшим генсеком компартии СССР. Никита Хрущёв почему-то рассчитывал что, как тогда пели в песнях по радио, «русский с китайцем братья на век». Как выяснилось после его ухода в отставку, мужчина весьма ошибался.

Граждане соседней страны ехали в кузове стоя. Они держались за доски, прибитые к деревянным бортам. По мере движения, автомобиль иногда тормозил. Несколько худощавых работников тут же слезали на землю. Лесенки на гру-

зовике не имелось. Вместо неё использовали задние колёса машины.

Поля были просто огромными, но какой-либо техники на той стороне Женя почему-то не видел. Соседи работали одними лопатами или мотыгами. Китайцы, с огромным упорством, трудились с темна, до темна.

Они пахали, как заведённые и лишь, добравшись до конца борозды, позволяли себе передышку. Тогда несчастный крестьянин с трудом выпрямлял согнутую спину. Прежде чем продолжить работу, он не больше минуты стоял вертикально. Все они с тоскою смотрели в сторону СССР.

Ещё через месяц, Женя уже так привык к госгранице, что почти не смотрел на Китай, и на щуплых китайцев. Всё шло своим чередом. Казалось, ничто не предвещало сюрпризов.

Никто и не думал о том, что китайцы начнут прорываться на север и что впереди будет сражение за остров Даманский.

Вот и тогда, был обычный обход. Двое бойцов и собака двигались вдоль большого участка следовой полосы, вверенного их пограничной заставе. Стояло тёплое лето. Температура держалась плюс двадцать пять. Дул небольшой ветерок. Курорт, да и только.

Как всегда, впереди двигался старослужащий напарник солдата. Это был крепкий сержант, более знающий в подобных делах. Рядом с неопытным проводником бежал его подопечный, служебный пёс по имени Дик.

Топая привычным маршрутом, Женя, уже в сотый раз лениво подумал: – «Зачем, мы таскаем на своих головах эти тяжеленные каски? Войны сейчас нет, на границе совершенно спокойно».

Китайцы лишь изредка что-то кричат, грозят кулаками, но этим всё и кончается. А тут мучайся в такую жару, терпи на макушке железку весом почти в килограмм. После обхода шея болит».

Солдат уже несколько раз заводил разговор на столь важную тему. Он предлагал сослуживцу оставлять тяжёлые шлемы в начале тропы, и проходить весь маршрут налегке, в одной лишь пилотке. На что бравый сержант всегда отвечал: – Ношение каски положено по уставу охраны границы!

Солнце быстро клонилось к закату. Это говорило о том, что скоро завершится рутинный обход и можно будет спокойно идти на заставу. А там бойцов ждал плотный питательный ужин, свободное время и прочие мелкие радости службы в советских войсках.

Китай находился по правую руку от Жени и жил своей обыденной жизнью. Вот-вот должен был появиться старый «Газон». Он соберёт с полей щуплых крестьян, измученных тяжёлой работой. Посадит их в кузов, словно сельдей в деревянную бочку, и увезёт в дереушку, что расположена за дальним холмом.

Сержант уверенно шёл по тропе и зорко поглядывал по

сторонам. Вдруг старослужащий насторожился. Он весь подобрался и повернул голову так, чтобы был виден Китай. Посмотрев на сопредельную сторону, пограничник заметил движение на ближайшей вершине.

На склоне холма мелькнул яркий зайчик от оптического прицела винтовки. Дальше всё завертелось с удивительной скоростью. Напарник сдавленно крикнул: – Снайпер справа. – сорвал с плеча автомат. Свалился в кювет дозорной тропы и, уже лежа в траве, передёрнул затвор.

Женя успел лишь повернуться на голос товарища и немного присесть. Ещё через миг, в правую сторону каски ударило так, словно по ней кто-то врезал огромной кувалдой.

Дик весь ошетинился и зло зарычал. Солдат, как подкошенный рухнул на землю, отлично утоптанную множеством ног. В голове зашумело. Следом возник сильный звон в обоих ушах.

Почти не слыша себя, он, словно пьяный, едва шевельнул языком и отдал команду собаке: – Лежать!

Как это ни странно, но в этот раз, пёс послушался сразу. Дик мгновенно исполнил короткий приказ. Он прижал острые уши к затылку и замер, как камень.

Снайпер увидел, что первый пограничник упал и стал искать взглядом второго. Заметив тень у ложбинки, он немедленно выстрелил. Пуля ударила в землю рядом с сержантом.

Китаец привычно передёрнул затвор у винтовки. За эту

секунду, советский боец откатился в левую сторону и скрылся в кустах. На тропинке осталась неподвижная фигура солдата и большая собака, застывшая возле него.

– «Ко мне!» – тихо крикнул сержант. Пёс рванулся на голос. Потом, неожиданно кинулся к проводнику. Схватил зубами за воротник гимнастёрки и поволок в тот кювет, где сидел командир.

Снайпер навёл оружие на голову пса и удовлетворённо сказал про себя: – «Сейчас шлёпну собаку, а потом подстрелю и второго врага».

В этот момент, сержант прицелился в то самое место, где ранее видел отблеск от линз. Боец нажал на крючок спускового устройства и дал короткую очередь из автомата «АК-47».

Китаец хорошо поработал над своей маскировкой. Он был совершенно уверен, что его не найти. Однако, нервы у людей не стальные. Послышался грохот от выстрелов. Его сменил визг свинцовых цилиндриков, пролетающих где-то поблизости. Снайпер вздрогнул от неожиданности. Мушка чуть сбилась в сторонку. Выпущенная винтовкою пуля прошла рядом с верным служебным животным.

Враг рассердился. Отправил в винтовочный ствол новый патрон и приготовился выстрелить. За эти мгновенья, сержант с помощью сильной собаки уже втащил пострадавшего солдата в укрытие.

Вслед за напарником, Женя кулём скатился с тропы и по-

звал пса к себе. Тот ползком исполнил команду. Дик улёгся возле хозяина и застыл, как изваяние. Оглушённый солдат перевернулся на спину. Он прижался затылком к стенке кювета и облегчённо вздохнул.

Трясаясь от пережитого страха, боец снял стальной шлем с головы, гудящей, как порожняя бочка после попадания камня. Женя поднёс каску к глазам, в которых плясали цветные круги. Он сильно сощурился и постарался сфокусировать зрение.

На правой стороне головного убора зелёная краска была сильно ободрана. Виднелась большая и глубокая вмятина. Её оставила тяжёлая пуля, пущенная из винтовки китайца.

– Хорошо, что попал только вскользь и не пробил прочную сталь. – облегчённо выдохнул Женя: – Если бы не эта железка, убил меня на хрен... Снайпер проклятый...

Пока солдат с благодарностью разглядывал свой помятый и поцарапанный шлем, напарник не остался без дела. Он попластунски добрался до промежуточного пункта экстренной связи и сообщил на заставу о произошедшем ЧП.

Через тридцать минут, к ним прибыла мобильная тревожная группа. Четыре солдата и офицер появились, как из-под земли и заняли оборону рядом с обескураженным Женей.

Ещё через четверть часа, ползком вернулся напарник и доложил лейтенанту: – С заставы сейчас сообщили, что китайская сторона примет все меры к расследованию произо-

шедшего сейчас инцидента. Они обещают, что виновные будут найдены и строго наказаны. Приказано продолжать патрулирование в прежнем составе.

Офицер выслушал короткий доклад и сухо ответил: – Выполняйте команду начальника смены.

Тревожная группа тотчас поднялась и, низко пригибаясь к земле, исчезла в ближайших кустах. Там проходила ещё одна отлично скрытая тропка. Её проложили для непредвиденных случаев, наподобие этого.

Женя с напарником и испуганным Диком, ещё чуть полежали в неглубоком кювете дорожки. Потом тяжело вздохнули и, собрав волю в кулак, поднялись на ноги. К счастью, никто в них уже не стрелял.

Наряд продолжил обход нерушимой советской границы. Теперь, уже Женя стал достаточно опытным воином. Он надел каску без напоминаний сержанта...

После выстрела снайпера прошло несколько дней. Затем, начались неприятности нового рода. Сразу после обеда, вопль «ревуна» разорвал тишину. Из динамиков прозвучала команда: – Застава, в ружьё!

Бросив дела, военные кинулись к пирамидам с оружием. Через минуту, они все построились на бетонном плацу.

Командир встал перед строем и коротко объяснил ситуацию: – По дороге, идущей к нам от Китая, движется отряд хунвейбинов, численностью до ста человек. Приказы-

ваю, всем свободным от вахты вернуть автоматы на место и выйти навстречу гражданским.

Перед нами задача – не пропустить демонстрантов вглубь территории нашей страны. Остановить нарушителей и оттеснить их назад. Приказываю, на провокации не поддаваться. В драку не ввязываться. Все по машинам.

Через двадцать минут, почти весь личный состав пограничной заставы прибыл на место. Они оказались у переезда через демаркационную линию. На этом участке обычный просёлок выходил из СССР и вел вглубь сопредельной страны. Или наоборот, это как посмотреть.

С двух сторон от грунтовки стояла высокая изгородь из ржавой колючей проволоки. На самом рубеже имелось нечто вроде огромного тамбура. В закрытую зону вело двое ворот, одни от нас, другие оттуда.

Офицеры открыли проход в заграждении, и повели солдат на нейтральную территорию. Построили воинов в одну цепочку и перегородили небольшое пространство. Затем, приказали бойцам встать плечом к плечу. Взять соседей под локти. Сцепить руки на животе и переплести пальцы «в замок».

Едва пограничники успели исполнить команду, как с другой стороны послышался шум слабосильных моторов. Минуту спустя, подъехали три очень старых «ГАЗона». Они были украшены кумачовыми транспарантами, как на демонстрации на первое мая.

Насколько знал Женя, там были написаны иероглифы.

Они переводились на русский язык, как призыв ко всепланетной коммунистической революции.

Машины разом затормозили. Открылись высокие борты кузовов. Стоявшие на деревянных платформах, китайцы зашевелились и жёлтым горохом посыпались на узкий просёлок.

На взгляд Жени их было не менее чем, шестьдесят человек. Хунвейбины выстроились в небольшую колонну. Развернули самодельные лозунги и, топоча вразнобой, поспешили вперёд.

Хунвейбинов оказалось в два раза больше, чем приехавших сюда пограничников. К счастью, своим сложеньем и ростом они весьма уступали высоким бойцам армии СССР.

Кроме того, им приходилось идти по коридору, зажатому между рядами натянутой проволоки с большими колючками. Это скрадывало численное превосходство китайцев.

Зато боевой дух демонстрантов оказался выше всяких похвал. Все они что-то громко кричали. Размахивали красными книжечками, зажатыми в правых руках, и цитировали изречения Великого Кормчего – Мао Цзэдуна.

Колонна возбуждённых людей быстро приблизилась и с ходу врезалась в живую цепь пограничников. Солдаты не смогли устоять под напором толпы. Они отшатнулись назад и, упираясь как только возможно, неспешно попятились на свою территорию.

Раздалась очередная команда. Сзади подбежала подмога.

Водители грузовиков, а за ними и все офицеры, навалились плечами на спины отступавших бойцов. Почувствовав помощь друзей и начальников, бойцы напряглись. Они восстановили своё равновесие и стали теснить хунвейбинов.

К орущим на все голоса, демонстрантам подбежали те люди, что охраняли китайский рубеж. Большая толпа чуть подалась в сторону СССР. С нашей заставы подъехал ещё один грузовик, в котором сидели солдаты. Из прибывшего «Зила» выпрыгнуло больше десятка крепких ребят. Сила опять оказалась за Страною Советов.

Низкорослая свора остановилась и, как по команде, отхлынула к своим старым «ГАЗонам». Хунвейбины схватили в руки дрекольё, которое находилось в машинах, встали в колонну и сразу вернулись назад.

Длинные палки мешали им хорошо размахнуться. На острие новой атаки оказалось значительно меньше людей. Зато, на советских бойцов обрушились сотни ударов.

Прямо на Женю выскочила одна китаёшка с дубиной в руках. В начавшейся стычке, время почему-то пошло в более медленном темпе. Солдат успел рассмотреть то оружие, что азиатка держала в руках.

Оказалось, что в свободный конец суковатого дына был кем-то вколочен большой ржавый гвоздь. Он пробил древесину насквозь и тянулся вперёд сантиметров на десять. Всё вместе это по смахивало на легендарный «клевец», который

в средних веках применяли в боях.

Обезьянье лицо перекосило неистовой злобой. Демонстрантка вскинула палку над головой и яростно взвизгнула. Метя в глаз пограничника, она с остервенением ударила Женю.

Каким-то неведомым образом солдат разглядел длинный гвоздь, летящий в лицо. Он отшатнулся от ржавой железки. Стоявшие рядом товарищи, цепко держали Женю под локти. Его крепкую спину подпирал кто-то сзади.

Друзья остановили соратника и не дали ему ускользнуть от атаки. Пограничник застыл там, где стоял. Парень смог лишь откинуть шею назад. Благодаря такому движению ему удалось отвести голову в сторону.

Китаёшка слегка промахнулась и не попала туда, куда целилась, в глаз. Удар пришёлся чуть ниже. Железяка пробила левую щёку и угодила в тот верхний зуб, что стоял за клыком.

Прочная кость громко хрустнула и не выдержала такого насилия. Она немедля сломалась. Гвоздь по инерции двинулся дальше. Он проскочил полость рта и вонзился в мягкие ткани.

Жуткая боль пронзила язык и ударила в мозг. Сознание тотчас покинуло Женю. Он бессильно обмяк и рухнул навзничь, спиной вперёд. Солдаты не удержали тяжёлое тело бойца. Руки соседей разжались и отпустили товарища, вы бывшего из общего строя.

Пограничники тотчас сомкнули разорванный ряд. Они

все прижали подбородки к груди и, подставив прочные каски, застыли на месте. Град китайских ударов приходился на головы и плечи бойцов.

Пограничники, стоявшие сзади, подхватили Женю под руки и бегом оттащили к грузовикам. Из пробитой железкой щеки, кровь рвалась наружу. Она хлестала так бурно, словно вода из открытого крана.

Раненого уложили на землю. Быстро перевязали и замотали череп бинтами, от шеи до глаз. Затем, погрузили в кузов машины и, без промедления, отправили бойца на заставу.

В медпункте за дело принялся врач. Жене сделали много различных уколов и зашили дыру на лице. С абсолютно здоровым зубом солдату пришлось навсегда распрощаться.

После ранения пограничника СССР хунвейбины слегка растерялись. Одно дело орать друг на друга и, совершенно другое, убить человека. Демонстрация стала понемногу слабеть. Минут через пять, всё успокоилось.

Китайцы отошли на свою территорию. Немного там покричали и погрозили палками великой державе. Потом, так же организованно, как и явились, свернули кумачовые лозунги. Погрузились в машины и отбыли туда, откуда приехали.

Пограничники обеих сторон вернулись на свою территорию. Ворота у тамбура на узком просёлке плотно закрылись. Вокруг стало удивительно тихо, словно четверть часа ничего здесь и не было.

Женя пробыл в медпункте целых три дня. Ещё через четверо суток, всё повторилось опять. Парень снова стоял в живом заграждении. Язык непроизвольно касался дыры, оставшейся в челюсти от выбитого здорового зуба. Боец с волнением ждал, чем же закончиться новая акция поклонников Мао?

В дальнейшем всё развивалось, словно в ужасном кошмаре. Опять прикатили три древних «ГАЗона» с китайцами. Какое-то время, толпа хунвейбинов бесновались на своей стороне. Затем, демонстранты построились в небольшую колонну и решили пройти вглубь СССР.

Тем самым, они пытались вернуть себе, так называемые, «оккупированные врагом территории». Не сумев прорвать цепь из крепких солдат, китайцы взялись за дрекольё. Скорее всего, начальство их похвалило за пролитую кровь пограничников. Теперь азиаты мчались намного резвее, чем раньше.

Среди нападавших парень увидел ту же противную рожу, что отлично запомнил неделю назад. Несмотря на сухое сложение и свой мелкий рост, она находилась в первом ряду.

Китаёшка сразу узнала высокого Женю и радостно метнулась к врагу. Так бегут только к тому человеку, которого нужно убить, во что бы это, ни стало. В руках хунвейбинка держала до боли знакомую палку, с точащим вперёд, ржавым гвоздём. Раскрыв рот с гнилыми зубами, она подняла дуби-

ну над головой и, что-то крича, летела прямо на Женю.

Ждать пока железяка пробьёт ему череп, парню совсем не хотелось. Так ведь не только все зубы, можно и глаз потерять. Обе руки у солдата были зажаты локтями бойцов, стоящими слева и справа. Пальцы сцеплены на животе в плотный «замок».

Действовать кулаками он, к своему сожалению, не мог. Поэтому, ударил правой, толчковой ногой. Ударил не думая, кто стоит перед ним, слабая женщина или крепкий мужчина? Это был враг, который недавно хотел его изувечить, а теперь рвался к нему с той же целью.

Тяжёлый армейский сапог попал хунвейбинке прямо в живот. Причём, удар получился удивительно мощным. Всё-таки серьёзные занятия спортом вдруг проявили себя в полной мере.

Щуплая бестия перевернулась в полёте, словно старый мешок, набитый тряпьём. Она отлетела на пару метров назад и навзничь рухнула в пыль. Рядом с ней оказался и дрын с длинным ржавым гвоздём.

Атака китайцев тотчас прервалась. Хунвейбины трусцой отбежали назад. Они унесли с собою соратницу, поверженную мощным пинком. Глядя на то, как болтались её руки и ноги, Женя понял, азиатка была без сознания.

Крику стало значительно больше, но теперь никто не кидался на советских бойцов. Демонстранты только размахивали суковатыми палками с безопасного для себя расстоя-

ния. В этот раз, они свернули свои транспаранты и уехали намного быстрее, чем неделю назад.

Пограничники облегченно вздохнули. Офицеры молча переглянулись, но не стали ничего говорить и дали команду: – Отбой!

Ответственные за переход на противоположную сторону, солдаты закрыли ворота и встали на караул. Все остальные пошли обратно к машинам. Пограничники хлопали Женю по спине, по плечам, и выражали своё восхищение его храбрым поступком.

Особенно всех радовало то обстоятельство, что он не дождался второго увечья, и, даже со связанными руками, смог за себя постоять. Мол, нечего и нам подставлять каски под удары китайцев. В следующий раз, будем действовать так же, как ты.

Скоро грузовики вернулись к заставе. Там уже с большим нетерпением ожидали героя. Только не благодарность начальства за отпор хунвейбинам, а насупленные, как всегда, особы.

Женю отправили на полковую гауптвахту, что размещалась в городке Благовещенск. Там его начали подолгу допрашивать. Молодой, ретивый ГБешник почему-то решил, на таком инциденте он заработает плюсовые очки и сможет заявить о себе перед своим руководством.

Расследование сводилось к обвинению солдата во всех

смертных грехах. Сначала летёха предъявил Жене протест, полученный от сопредельной страны. В нём говорилось о неправомерном использовании силы против мирных людей, вышедших на демонстрацию.

К первой бумаге была приложена справка из китайской больницы. В ней говорилось о том, что безжалостный советский солдат нанёс несовершеннолетней гражданке серьезную травму. Подлым ударом ноги он сломал ей лобковую кость.

Всё это, по словам молодого ГБешника, вызвало, крупный международный скандал. Что спровоцировало наших соседей на усиление политического давления на СССР. Своим бессмысленным действием Женя нанёс непоправимый ущерб отношениям с дружественной, можно сказать, братской страной.

Все оправдания парня, и сообщение о том, как вела себя «несовершеннолетняя девушка», не принимались в расчёт. Ведь только чудом он потерял всего один зуб, а не лишился левого глаза. У него ещё щека до конца не зажила.

То, что во время второй «демонстрации», китаёшка пыталась сознательно изувечить его, считалось плодом неуёмной фантазии парня.

К окончанию допроса, ГБешник совсем разошёлся. Он обещал засадить пограничника на четыре года в дисбат. Плюс ко всему, два с лишним года той срочной службы, которые он не отбыл до конца. Итого получалось, что молодого

му солдату придётся «мотать» почти семь долгих лет.

На счастье Жени, из отпуска вышел начальник отдела. Майор сразу понял мотивы своего подчинённого и решил придержать лейтенанта. Уж очень тот оказался ретив.

Мужчина пожалел погранца. Забрал дело себе и тихо спустил на тормозах. Кончилось тем, что Женю обвинили лишь в превышение необходимых средств обороны и немедля разжаловали.

Парень был простым рядовым, не имевшим ни орденов, ни медалей, ни каких либо грамот. Так что, понизить его в чинах и наградах не представлялось возможным. Тогда его понизили в элитарности войск, где он должен был отслужить остаток трёхгодичного срока.

Если, в далёкое в царское время, аристократы совершали какой-то проступок, то с ними тогда поступали достаточно круто. Их не только разжаловали, но и увольняли из «гвардии» с переводом в «простые войска».

Вот и Женя Степанов удостоился такой особенной чести. Его вывели из состава привилегированных пограничных подразделений и перебросили в обычную мотопехоту.

Напоследок пожилой ГБешник сказал: – Советую держать язык за зубами. Нигде не болтай о том громком скандале, что ты устроил на китайской границе! Спокойнее будет тебе самому! Говори всем, мол, тебя просто списали за драку в казарме. У нас такое часто бывает. – мужчина кивнул на

прощание солдату.

Женя сказал офицеру: – Большое спасибо. – повернулся кругом и вышел из кабинета майора. Он взял документы из канцелярии, расписался в их получении, и вышел за проходную гауптвахты.

Парень отправился в военкомат Благовещенска. Там он получил предписание для прохождения новой воинской службы.

Пехотный полк находился так далеко, что ехать туда пришлось пять часов. Добравшись до места, Женя отправился в комнату писарей. Его быстро оформили и тут же отправили к интендантскому складу.

Пожилой старшина с неодобрением взглянул на добротное обмундирование прибывшего воина. Он ушёл в глубину помещения и принёс комплект сильно поношенной формы общевойсковой формы. Мужчина ещё куда-то сходил, вернулся, и бросил перед солдатом разбитые «прохаря» из потёртой кирзы.

Парень с большим сожалением посмотрел на свой новенький двубортный бушлат и блестящие яловые сапоги. Тельняшку и всё остальное, кроме синих трусов, тоже пришлось снять и отдать. Вместо них он нарядился в какие-то тряпки.

Вот так и вышло, что на склад Женя вошёл, как щёгольски обмундированный пограничник. Через десять минут, он вышел оттуда, как обносившийся боец из стройбата.

Казарма тоже весьма отличалась от того, к чему он привык на заставе. Помещение было значительно больше, ниже и гораздо темнее. Железные койки удивительно старые, да к тому же в два яруса. Постельное бельё очень серое и, застиранное почти что, до дыр.

Взвод пулемётчиков

Самое страшное для молодого солдата, началось утром нового дня. С большим огорчением Женя вдруг понял, куда он попал. Сначала был скудный завтрак, который не шёл ни в какое сравнение с тем, что парень ел на заставе. Затем, отделение построили перед столовой и быстрым шагом погнали на большой полигон. Он находился в трёх километрах от части.

Как оказалось, военком не соврал, когда обещал сделать человека из Жени. Он позвонил куда следует, и парня назначили вторым номером к станковому пулемёту «Максим».

Нужно сказать, что этот реликт гражданской войны весил более двадцати семи килограммов. Ствол и щиток быстро снимались, но всё остальное – стальная станина, колёса и сошки не отделялись одно от другого. Все вместе они тянули ровно на пуд.

Ещё там имелась труба, согнутая, как литера «П». За неё два бойца катили весь пулемёт по поверхности почвы. Эта труба, складывалась определённым макаром. После че-

го, всю конструкцию можно было повесить на второго номера боевого расчёта, словно рюкзак на туриста.

Сошки, наподобие лямок, висели у него впереди. Станина с колёсами на согнутой спине, вместо мешка из брезента. Плюс ко всему, к «Максиму» прилагались две жестяные коробки, битком набитые патронными лентами. Всё это добро составляло третью часть старого доброго центнера. Его и таскал второй номер, словно верблюд.

Первый номер переносил только сам пулемёт и щиток, весящие двенадцать кило. Прибыв на позиции, стрелок звал напарника, и с его действенной помощью закреплял боевое оружие на тяжёлой станине. Затем, ложился сзади, жал на гашетку и вёл огонь по противнику.

В этом случае, Женя должен был находиться по левую руку и подавать ленту с патронами в приёмную щель пулемёта. Причём, его голова торчала рядом с щитком. Она являлась прекрасной мишенью для вражеских снайперов.

Ближе к окончанию дня, Женя измучился, словно раб на древнеримских галерах. Наконец, он со всеми вернулся в казарму. Там боец услышал разговор собратьев по большому несчастью. Все они были такими же вторыми номерами, как он.

Бойцы, в один голос, мечтательно говорили о новом ручном пулемёте Калашникова, который уже, кое-где поступил на вооружение армии. Дело было всё в том, что он в снаряжённом состоянии весил всего пять килограммов и требовал

для стрельбы лишь одного человека.

Неужели им доведётся увидеть такое оружие? Было написано у всех на лице.

Так уж случилось, что мотострелковый полк, куда попал парень, закрывал собой особо опасное направление возле границы. Так в те времена назывались места, очень удобные для продвижения вероятного врага. Самое странное, что тогда для СССР этим противником неожиданно стал огромный китайский народ.

А ведь ещё два года назад, он считался нам почти что родным, как Украина, к примеру, и Беларусь. Сколько помощи туда отослали. По радио пели, что русский с китайцем, братья навек. А вот подишь ты. Разругался Мао с Хрущёвым и всё пошло под откос.

Ну, а теперь боевое подразделение численностью в одну тысячу двести бойцов противостояло корпусу китайской народной освободительной армии. А он, между прочим, насчитывал более тридцати тысяч воинов. В их число входила пехота, усиленная огнёмётчиками, артиллерия, и даже дивизия конников.

По самым оптимистичным расчётам начальников, мотострелковый полк мог удерживать эти позиции в течении сорока трёх минут. К окончанию данного срока, должен был геройски погибнуть последний советский солдат. Потом, китайцы могли продвинуться вглубь территории. Там их ожи-

дало следующее подразделение армии и так далее, до самой Москвы.

Поэтому, кроме маршбросков и учебных стрельб боевыми патронами, солдаты усиленно строили укрепрайон. То есть, копали так называемые, траншеи полного профиля. Там размещались гнёзда для пулемётов и ходы сообщения.

На танкоопасных направлениях им поручили особо важную миссию. Закапывать танки и превращать их в оружейные точки стационарного типа. Со старых, уже списанных бронемашин, снимали двигатели с трансмиссией и тащили их волоком на боевые позиции.

В задачу пехоты входило зарыть их по самую башню. А для этого, приходилось выкопать огромную яму, объёмом почти в тридцать два кубометра. Загнать туда неподвижного монстра и забросать его сверху землёй. Таким образом, в общей сложности приходилось перелопатить около полусотни кубов чрезвычайно тяжёлого, каменистого грунта.

Благодаря этому, как и обещал военком, уже через месяц Женя превратился в того человека, что существует лишь в советской пехоте. Во-первых, он похудел на десять кило.

От переноски «Максима» с места на место, и от постоянной перекопки земли его руки весьма огрубели. Мозоли на коже ладоней обрели ту жёсткость и толщину, что могли бы по прочности спорить с обычным лошадиным копытом.

К этому времени, в части все ждали группу солдат, о везении которых в казарме ходили легенды. Совершенно есте-

ственно, что Женя, ставший квалифицированным землекопом и настоящей выючной скотиной, спросил, в чём собственно дело? Оказалась, что эти счастливицы попали на курс поваров, который ему предлагал полковник военкомата Будённый Владимир Иванович.

Через пару недель, баловни капризной судьбы прибыли в полк располневшими, и удивительно похорошевшими. Самого худого из них, до отправки на курсы, все дружески называли – Мосол. Так вот, даже этот субтильный боец, поправился на двенадцать кило.

На фоне всей солдатни, измождённой физически тяжёлым трудом, новоиспечённые мастера поварёшки выглядели весьма необычно. Они походили на сказочных принцев, вернувшихся с отдыха на каком-то курорте.

Сначала Женя глубоко сожалел о своей «идиосинкразии на процесс приготовления пищи». Однако, через какое-то время, произошло нечто весьма необычное.

Взвод пулемётчиков стоял на плацу по стойке смирно. Они приготовились двигаться на полигон. Там их с нетерпением ждали старые танки, ещё не закопанные по самую башню.

Именно в этот момент, мимо бойцов проходил низкорослый, удивительно полный, а если сказать более точно, тучный полковник. Намётанный взор офицера скользнул по солдатам и задержался на правофланговом бойце.

Вообще-то, в подразделении Женя числился по росту вторым, но в этот замечательный день, всё слегка изменилось. Рядовой, что был выше его на пять сантиметров, заступил в наряд по казарме.

Таким хитрым образом, капризуля судьба поставила парня на край шеренги в самый подходящий момент. К тому же, благодаря теперешней его худобе боец выглядел значительно выше, чем был на самом-то деле.

Полковник остановился и подошёл к Жене вплотную. Офицер измерил бойца острым взглядом от головы и до пят и двинулся своею дорогой. Когда он проходил мимо вытянувшегося во фронт командира, то мимоходом бросил летёхе: – Правифлангового перевести в моё подчинение!

– Слушаюсь! – козырнул лейтенант. Взводный покраснел от досады на везение кого-то другого. Он повернулся к своим пулемётчикам, и, не глядя Жене в глаза, прошипел:

– Рядовой Степанов, по приказу полковника Соломона Израилевича Дадацкого, Вы переводитесь во взвод управления! Немедленно пройдите в блок канцелярии и оформите данное им устное распоряжение! Бегом, марш!

Ничего не понимая в случившемся, парень помчался к зданию штаба. У него за спиной печально вздыхал несчастный молодой лейтенант. Ему вторили и все остальные солдаты многострадального взвода.

Всё объяснилось лишь после того, как писарь стал оформлять перевод. Он сказал с нескрываемой завистью: – Ну и

везунчик же ты, Женя Степанов! Полковник Дадацкий служит у нас заместителем командира полка по снабжению. То есть, все склады части находятся в его управлении.

Ефрейтор понизил голос до шёпота и осторожно добавил: – Как ты заметил, сам он очень низкого роста. Скорее всего, по данной причине, он набирает к себе, во взвод управления солдат, которые выше метр восемьдесят пять.

Писарь быстро заполнил бумаги и ещё тише закончил: – Будешь работать на складе, пожалуйста, не забудь обо мне.

На всякий случай, Женя кивнул и пошёл за своими вещами в казарму. Начинался новый этап в его непростой воинской жизни.

В начале марта 1969-го года, мотострелковую часть, внезапно для всех, перевели на военное положение. Причиной тому послужило нападение китайцев на территорию СССР.

На общем построении полка политрук рассказал: – Сегодня, ранним утром, без объявления войны, китайские хунвейбины перешли реку Амур и вторглись в пределы нашей Отчизны. Весь личный состав пограничной заставы, находившейся на этом участке, погиб за десять минут.

Расквартированный на берегу, полк пехотинцев был немедленно поднят по общей тревоге. Тактическое подразделение выдвинулось навстречу нападавшим китайцам. В ходе жестокого боя, длившегося в течение трёх с половиной часов, оно было полностью уничтожено нападавшим против-

ником.

Командир воинской части собрал всех служащих, оставшихся в их городке. Взял автомат и во главе небольшого отряда отправился к месту сражения. С тех пор советские воины, находившиеся на острове под названием Даманский, больше не выходили на связь.

Через два с половиной часа, к месту конфликта подошла батарея реактивной системы залпового огня «Град», калибра 122 мм. Первый удар был нанесён по китайскому берегу.

Это сделали лишь для того, чтобы оттуда не могло подойти подкрепление. Второй удар произвели по льду реки Амур, между китайским берегом и островом Даманский. На тот случай, если захватчики, вдруг захотят вернуться на родину. Третий, обрушился на территорию острова и уничтожил окопавшихся там хунвейбинов.

После окончания обстрела, была произведена тщательная разведка всей местности. В ходе поисков на всей площади острова Даманский, живыми были найдены лишь тринадцать советских бойцов. Всех их представили к высоким наградам.

О пленных китайцах политрук, почему-то, ничего не сказал. Наверное, всех нападавших убили на месте.

Белый танец

После перевода во взвод управления, Женю назначали

кладовщиком на склад горюче-смазочных материалов. Теперь он должен был выдавать шоферам ГСМ. После этого, он с удивленьем заметил, как изменилось к нему отношение всех командиров вокруг.

Пока он бегал с пулемётом «Максим», и окапывал старые танки, его словно и не было для комсостава. То есть, все офицеры полка, как говорится, в упор не замечали солдата.

Помнил о нём лишь его лейтенант, который и отдавал «боевые» приказы. В обязанности парня входило без проволочки выполнять эти команды: беги туда, сделай то, принеси поскорее вот это.

Парень хорошо понимал, что армия строится на беспрекословном подчинении младших по званию, старшим. Поэтому, совершенно не обижался по данному поводу. Иначе получиться полная неразбериха в войсках.

Очутившись на раздаче ГСМ, он понял, что офицеры не только стали его замечать, но и уважительно с ним разговаривать. Некоторые, даже немного заискивали.

Через какое-то время, случилось очередное событие, выходящее вон из общего ряда. Парня послали туда, куда мечтал попасть каждый солдат любой армии мира, а именно, на продовольственный склад.

После чего, практически все принялись добиваться расположения Жени. А всё потому, что теперь в его воле было дать им консервы получше, или похуже. Заменить еду более вкусную на другую, которую даже и даром есть, не захочешь.

Сказать откровенно, хранилище всевозможных продуктов буквально сразило чисто плотного Женю. Как писали в старинных романах, грязь и неустроенность всех помещений ударило острым ножом в его благородное сердце.

Первым делом, солдат попытался найти хоть какие инструкции, где говорилось о данном хозяйстве. Оказалось, что таковых в полку никогда не имелось.

Полковник Дадацкий, весьма удивился странному рвению молодого бойца. Он немного подумал и выписал «чисто-плюю» командировку в штаб дивизии, расположенному в городке Благовещенске.

Нужные парню бумаги там отыскались, но на них, почему-то, лежал строгий гриф «Для служебного пользования». Значит, выносить их из армейского здания, было нельзя.

Тогда Женя поскреб по карманам своих галифе, собрал все невеликие деньги, которые там отыскались, и пошёл в магазин канцтоваров. Там он купил небольшую тетрадку, шариковую ручку и помчался назад.

За несколько дней, боец переписал весь «секретный талмуд» от корки до корки. Всё уместилось на сорок восемь листов. Самое странное, что никто из офицеров ему ничего не сказал. Получалось, что выносить документы из штаба нельзя, а копировать можно.

Вернувшись в военную часть, Женя занялся делом, и очень быстро воплотил все предписанья инструкции в ре-

альную жизнь. Он выгреб из склада мусор и грязь. Побелил потолки, перегородки и стены. Покрасил все стеллажи.

Благо, что всё нужное для этого дела: кисти, эмаль и известька, имелись в наличии у друзей по казарме. Затем, боец разместил продукты на полках согласно установленным правилам.

Скоро запущенный, тёмный пакгауз превратился в чистое хранилище для продовольствия. Увидев невероятное преображение здания, полковник Дадацкий распорядился все помещения привести в такой же порядок. За что удостоился большой похвалы в приказе командира полка.

Полковник был, в общем-то, довольно приличным, совсем не злым человеком и хорошо относился к своим подчинённым. Поэтому, после того, как Женя навёл должный порядок на складе, начал испытывать к парню нечто вроде отеческих чувств.

Дадацкий даже вдруг предложил «чистоплюю» поступить в Горьковское Высшее Училище Тыла, единственное учебное заведение подобного рода на весь огромный Союз.

– Женя. – наставительно рассказывал он: – Конкурс там очень большой, человек сорок на место, если не больше. Но ты не волнуйся. Начальник училища мой давний товарищ, и кое-чем мне сильно обязан. Так что, я ему позвоню, и ты поступишь туда без проблем.

После окончания курса, начнёшь заниматься тем же чем я. Если не будешь кретином то, через несколько лет, у те-

бя появится собственная, а не служебная большая квартира, машина, дача и всё остальное, что только захочешь.

Совершенно внезапно, Женя принял решение. Неожиданно для себя самого, тем более для изумлённого донельзя полковника, солдат очень вежливо отклонил предложение начальства.

Потом он много думал о том, почему он тогда, поступил именно так? Ведь все преимущества учебы в очень престижном, на тот момент, заведении были видны, даже слепому. Ну, а ему и подавно.

Ведь Женя уже поработал на складе, и хорошо изучил всю систему обращения потоков имущества, Как это ни странно покажется со стороны, но он никогда в своей жизни не пожалел о тогдашнем решении. Его не томила тоска по этой, казалось бы, верной возможности перекроить всю судьбу.

Полковник был просто сражён невероятным отказом бойца. В уме пожилого еврея, прирождённого, можно сказать, интенданта, никак не могло уложиться такое поведение солдата.

Он попытался хорошо объяснить «недоумку», от чего тот сейчас отказался. Однако, парень упорно стоял на своём. В конце концов, Дадацкий плюнул и перестал уговаривать парня. Мол, пусть сам разбирается с тараканами в своей голове.

А в памяти Жени всплыли слова одного из героев писателя О'Генри: – Главное, не то, какие дороги мы выбираем, а то, что сидит внутри нас, и заставляет выбрать дорогу.

Раз в месяц, в дополнение денежному содержанию, советские офицеры получали, так называемый, натуральный паёк. Молодые выпускники военных училищ обитали в большом общежитии по два-три человека в маленькой комнатке. В конце коридора имелись бытовые удобства и общая кухня. На ней постоянно крутилось множество женщин с малолетними детками.

Поэтому, неженатые люди предпочитали не связываться с приготовлением еды. Они сдавали продукты в столовую. Там их кормили три раза в день. Причём, в другом зале, вдалеке от вечно голодных солдат.

Семейные граждане с удовольствием брали комплект из различных продуктов. В те времена, выбор во всех магазинах имелся не очень богатый. Не то что сейчас в супермаркетах.

Зато всё товары тогда состояли из натуральных ингредиентов и оказывались довольно дешёвыми. Как бы то ни было, но получать продовольствие на армейском оптовом складе выходило чуть выгодней и гораздо удобней.

Однако, самим офицерам заниматься такой процедурой совсем не хотелось. Всё получали их жены, в крайнем случае, взрослые дочери. А это, нужно вам сообщить, было целое мероприятие общеполкового масштаба.

В первую очередь, отоваривались жёны старших военачальников. Конечно, их натуральный паёк могли привезти

прямо домой, но пропустить подобное действие они не могли. Жизнь в лесном гарнизоне была удивительно однообразной и скучной. Так что, выйти, кроме, как в глухую тайгу было, в общем-то, некуда.

Многочисленные дорогие наряды, за покупкой которых все дамы ездили в Благовещенск, но и во Владик, висели в шкафах без всякого дела. Но каждый месяц у них появлялась возможность блеснуть своими обновками.

Всё это удавалось проделать лишь при получении пайка. Только поэтому, в каком бы углу гарнизона ни жила данная женщина, шла она к складу только по главному плацу. Так, чтобы весь полк мог посмотреть на неё и оценить дорогую одежду.

В подобные дни Женя с помощником занимался только пайками. Он стоял у окна, выходящего на обширную площадь, и наблюдал, кто в данный момент идёт за продуктами?

Сегодня всё проходило по раз и навсегда заведённому правилу. Плац уверенно пересекала жена начальника штаба полка, полковника Ефима Моисеевича Хаецкого. Рядом шла высокая тёмноволосая девушка. За ними топал денщик. Он должен нести все продукты в коттедж командира.

Помощник, по национальности чистокровный узбек, стоял рядом с Женей. Он в восхищении качал головой справа налево и громко цокал, словно сибирская белка: – Вай, какая красавица. Даже у нас в Самарканде такие девушки очень

редко встречаются.

Парень глянул на девушку сквозь пыльные стекла и был поражён её удивительным обликом: – Кто это? – хрипло спросил он у товарища.

– Дочь начштаба полка. Вчера к нему в гости приехала, прямиком из Москвы.

– Что-то она ни на мать, ни на отца не похожа? – сдавленно выдавил Женья.

– Наверное, её мама, в своё лучшее время, не смогла отказать какому-то южному молодому красавцу. – вежливо отозвался узбек: – Но на месте начштаба я бы простил дорогую жену за такую прекрасную дочь. Вылитая Шахразада.

– Да уж, истинная, восточная гурия.

Женщины пересекли широкую площадь, вошли в помещенье хранилища и вежливо поздоровались с простыми солдатами. Жены всех офицеров предпочитали не ссориться со скромным работником данного склада.

Ведь именно от него постоянно зависело, какие консервы окажутся в твоём натуральном пайке. Нахамишь такому солдату, так он сунет тебе ерунду, вместо приличной еды.

Потом бегай к начальству, доказывай, что тебя здесь обидели. И что самое главное, ничего не докажешь. Число калорий совпало и ладно. А то, что тебе дали плебейскую «Кильку в томате» вместо элитной «Сайры» или «Тунца», это не так уж и важно.

Жена начштаба широко улыбнулась и с гордо представила

спутницу всем окружающим: – Познакомьтесь, моя любимая дочь. – девушка мило кивнула и тихо добавила: – Инга.

Неожиданно для себя самого, Женя со стуком свёл каблуки, мотнул головой, как застоявшийся конь и громко назвался: – Евгений. – затем, ни секунды не мешкая, занялся комплектацией набора продуктов. Причём, он произвольно менял простые консервы на деликатесные.

Выполнявший команды начальника, узбек рысцой бегал по складу. Он понимающе ухмылялся товарищу и без возражений приносил всё, что приказано. Оба трудились, не отрывая восторженных глаз от восточной красавицы.

Чеканной модельной походкой Инга прошла перед высокими стеллажами, покрашенными свежей краской. Посмотрела на умное лицо симпатичного парня и, внезапно для всех, обратилась к нему: – Вы где-то учились?

Робея перед потрясающей девушкой, Женя чётко ответил: – Окончил Энергетический техникум в городе Куйбышеве.

– Мы ещё с вами увидимся. – бросила Инга. Девушка гордо вскинула голову и вышла из склада. Следом спешила её невзрачная, невысокая мать. Сзади топал денщик с сумкой полной продуктов.

Надо же такому случиться, что именно в тот замечательный день, в полк приехал вокально-инструментальный ансамбль из города Владивостока. Такие события в лесном гар-

низоне происходили удивительно редко. Так что, все офицеры давно уже взяли билеты на предстоящий концерт.

Долгожданное выступление должно было пройти на главной площадке их городка. В низеньком здании, которое громко звалось – «Дом Офицеров». Непроданные места – те, что были похуже, распределили между старшинами, а так же сержантами, отличившимися в политической и боевой подготовке. Рядовой состав попасть на концерт, не мог ни при каких обстоятельствах.

Как и все остальные офицеры полка, командир Жени, приобрел два билета – для жены и двенадцатилетнего сына. Сам он совсем не любил подобные шумные действия и давно на них не ходил.

Совершенно внезапно, супруга Дадацкого почувствовала себя удивительно плохо, и слегла с сильным жаром. Как назло, сам полковник в этот день заступал на ночное дежурство по части. Пойти на концерт он тоже не мог.

Дадацкий вызвал Женю к себе в кабинет и приказал: – Пойдёшь на концерт с моим сыном. Я ему давно обещал, а сейчас всё так сложилось, что отвести его некому. Предупреждаю! – голос полковника окрасился стальными тонами.

– Если с ним что-то случится, я убью тебя из своего пистолета, а потом со спокойной душой сяду в тюрьму. – он достал из кобуры табельное оружие «ПМ» и положил его перед собой: – Ты понял меня?

– Так точно. – вытянулся парень в тонкую струнку. Он, как

и все в мотострелковом полку, доподлинно знал, что полковник души не чаял в своем единственном, позднем ребенке.

– Вечером, перед началом концерта, зайдёшь ко мне домой и заберёшь у матери Костю. Билеты будут у него в пиджачке. После представления, начнутся обычные танцы. Если сын вдруг захочет на них посмотреть, можете ненадолго остаться. Потом сразу домой. Понял? – полковник не спускал с Жени тяжёлого взгляда. Подчиненный по-уставному кивнул.

– Не забудь одеться в парадку. – добавил напоследок полковник: – Выполняй.

Женя отдал честь офицеру и помчался в казарму, готовиться к культурному мероприятию года.

Нужно сказать, что в это самое время, советская армия переходила на другое обмундирование. Все офицеры недавно получили его. Но до рядового состава, очередь ещё не дошла.

После прибытия Жени в мотострелковую часть, его одели, как всех, в общевойсковую старую форму. Однако, парадный китель ему достался совершенно необычной модели.

Насколько знал парень, нечто похожее имелось у знаменитых кремлёвских курсантов. Не очень давно, ещё до призыва, Женя был проездом в Москве. Там он и видел солдат, стоявших на карауле у мавзолея Владимира Ленина.

От долгой носки, драп стал слегка бархатистым. Этим он

весьма отличался от солдатской холстины и даже от ткани офицерской одежды. Причём, отличался в лучшую сторону.

Как он попал в далёкий лесной гарнизон, никто, конечно, не помнил. Самое странное, что служил этот китель уже очень давно. Видимо у старшины не поднималась рука списать настолько добротную вещь. На внутренней подкладке у френча были хлоркой написаны фамилии бывших владельцев. Их там оказалось больше десятка. Они спускались от кармана до самого низа.

Женя тщательно вычистил форму, подшил свежий подворотничок, надраил латунные пуговицы и солдатскую ремённую бляху. До блеска нагуталянил яловые сапоги, которые носили кладовщики. За четверть часа до концерта, парень уже находился у двери коттеджа полковника.

Наряженный по особому случаю, Костя простился с заболевшей мамашей и вышел на небольшое крыльцо. Через десять минут они находились в зрительном зале. И тот и другой, с нетерпением ждали выступления дальневосточной команды.

Игра заезжего «ВИА» всем очень понравилось. Гостей очень долго не отпускали овации зрителей. Минут через пять, музыканты, не церемонясь, собрали свои инструменты и отбыли домой. Добираться до Владивостока было весьма далеко.

Как всегда, после таких представлений объявили о танцах.

Костя вдруг захотел на них посмотреть. Теперь на эстраде играл ансамбль полка, состоящий из местных военных.

Молодые офицеры вальсировали с подругами жизни или с жёнами своих сослуживцев. Пары, менялись партнёрами, кружились в ритмах фокстрота, танго и вальса. Ничего другого тогда в моде не было.

Зажав под локтем фуражку, Женя скромно стоял у стены обширного зала. Рядом топтался маленький Костя. Он с большим интересом следил за развлечением взрослых людей. Практически все женщины лесного полка пришли на концерт. Они блистали своими причёсками, и самыми дорогими нарядами.

Войдя в большой зал, Инга остановилась в дверях и немедленно стала центром внимания всех окружающих. Прекрасная девушка сразу затмила полковых всех чаровниц. Она сделала это так же легко, как райская птица, случайно попавшая на фермерский двор, затмевает всех уток, кур и гусей.

Все неженатые ещё офицеры повели себя неподобающим образом. Они тут же оставили своих прежних пассий, за которыми бодро ухаживали на протяжении вечера. Все дружно бросились к восточной красавице и закружились вокруг, словно пчёлы над мёдом.

Ну, что тут можно сказать по данному поводу? Во-первых, от неё было трудно отвести восторженный взгляд. Во-вторых, она являлась дочерью самого начштаба полка.

Женатые военачальники тоже были не прочь приударить за ней. Они страстно желали присоединиться к многочисленной группе восторженных молодых воздыхателей.

Однако, ревнивые жены оказались на страже семейных устоев и не позволили этого сделать любимым мужьям. Причём, всё иногда происходило в достаточно убедительной форме и завершалось ударом под бок.

Меняя партнеров после каждого танца, Инга без перерыва кружилась по залу. Соискатели нежной руки выстроились в длинную очередь. Они нетерпеливо топтались на месте, словно застоявшиеся в деннике жеребцы.

Всё это странное действие происходило напротив Кости и Жени, тихо стоявших у стенки. Так же, как все остальные, они не отрывали от девушки восторженных взглядов. Однако сделать ничего не могли.

Костя был слишком маленьким. Ну, а простому солдату, и находиться-то здесь запрещалось уставом. О том, чтоб состязаться с начальством за тур вальса с красавицей и представить было нельзя.

Прошло какое-то время. Очередная музыкальная пьеса закончилась. Кружившийся с Ингой, молодой офицер остановился. Он проводил её к месту, откуда начинал танцевать и галантно откланялся. На что-то надеясь, он, как и другие мужчины, не стал далеко отходить.

По этикету советского общества, наконец-то, пришло вре-

мя особого действия. Оно всегда проводилось на мероприятиях подобного рода. Руководитель ансамбля взял в руку большой микрофон и объявил «белый танец».

В этот раз, уже дамы должны были выбирать себе кавалеров, чем они немедля воспользовались. Женщины подошли к заранее намеченным ими партнёрам, взяли их под руку и повели на танцпол.

Именно в этот момент, произошли неполадки с громоздкой аппаратурой тогдашних времён. Объявленная лабухом музыка всё никак не начинала играть. Желавшие повальсировать, люди чуть подождали и вернулись к своим прежним местам. Все очень дружно разошлись в разные стороны. Середина просторного зала совершенно очистилась.

Освободившись от кавалера, Инга постояла пару секунд. Осмотрелась и, по-армейски печатая шаг, направилась через всё помещение. Заинтригованные выбором девушки, все окружающие невольно затаили дыхание.

Не обращая внимания на повисшую вдруг тишину, она подошла к застывшему в ступоре Жене, и громко сказала: – Разрешите вас пригласить?

Потрясенный до основания души, Женя растерянно выдал, что ему надлежит присматривать за сыном начальника, и он не может бросить ребёнка.

Инга обворожительно улыбнулась мальчишке. Слегка наклонилась и ласково обратилась к смущённому Косте: – Ты разрешишь ему потанцевать немного со мной? Никуда не уй-

дешь ещё пару минут?

Удивлённо расширив глаза, ребёнок уставился на прекрасную гурию и заворожёно кивнул. Ошарашенный поворотом судьбы, парень сунул Косте фуражку и шагнул к красавице Инге.

Только тут он заметил, что она в модных туфлях на большом каблуке. Женя приблизился к Инге, и неожиданно выяснилась неприятная вещь. Оказалось, что девушка выше его на несколько пальцев руки.

Инга тоже заметила этот конфуз. Она взяла у Кости фуражку и надела её на своего кавалера. Высокая тулья сразу прибавила парню недостающие пять сантиметров.

Как по команде, вдруг заиграла музыка бодрого вальса. Прекрасная пара оказалась в центре обширного зала. К своему вящему ужасу, Женя вспомнил о том, что танцует он недостаточно ловко.

Через пару шагов, Инга всё поняла. Она взяла на себя управление партнёром, повела молодого солдата и они закружились в стремительном танце.

Скоро оторопь Жени куда-то пропала. Парень немного освоился и внезапно заметил ещё одно обстоятельство. Во всём большом зале танцевали только они. Все остальные так и остались на прежних местах, словно пришитые.

Вальс скоро кончился, и Женя отвёл Ингу туда, где стояла её невзрачная мама. Парень откланялся, повернулся кругом

и деревянным механическим шагом направился к Косте. На ходу боец снял фуражку и, согласно уставу, сунул под локоть левой руки.

Побледневший от большого волнения, он встал рядом с ребёнком и повернулся лицом к притихшему залу. Парень глянул туда, где оставил прекрасную гурию. Он с огорчением увидел, что Инги там больше нет. Девушка вместе с низенькой матерью уже выходила из помещения в наружную дверь.

– Дядя Женя. – прошептал восторженно Костя: – Все офицеры смотрели на танец с удивительной злостью. Я даже подумал о том, что они прямо сейчас расстреляют тебя из своих пистолетов. – боец лишь печально вздохнул.

– Пойдёмте отсюда. – предложил неожиданно мальчик: – Больше тут не будет ничего интересного. – Женя согласно кивнул и повёл Костю домой.

По дороге назад, солдат вдруг заметил, что мальчик был прав. Почти все офицеры смотрели на него, как на врага и провожали хмурыми кровожадными взглядами.

– Если бы не было рядом сына замкомполка по снабжению, получил бы сейчас я по мордасам, по полной программе. – невесело раздумывал парень: – Может быть, ещё и не раз получу. – добавил он про себя. Женя отвёл ребёнка домой, сдал его температурающей матери и кружным путём вернулся в казарму.

Так Женя стал очередным «героем полка». Весь гарнизон говорил только о нём, и его «белом танце» с дочкой нач-

штаба. Обсуждения сногшибательной новости хватило почти на неделю.

На следующее утро, Инга внезапно уехала обратно в Москву. Больше они никогда не встречались. Всю свою жизнь, Женя вспоминал необычайно красивую восточную гурию.

Воспитание мужества

Дадацкий ходил перед коротеньким строем, словно взбешенный Наполеон перед рядами опозоренной гвардии. Он заложил руки за спину, чуть наклонился вперёд и мерил ногами площадку, как тигр, запертый в клетке. На фоне крепких стройных бойцов, небольшая и полная фигура полковника смотрелась довольно комично.

Заместитель полка по хозяйственной части был ростом в сто пятьдесят один сантиметр. Поэтому, он компенсировал свой недостаток так, как умел. Брал под своё руководство высоких солдат со всей воинской части. Благодаря этой слабости, во взводе управления оказались самые крупные парни полка.

Даже Женя, с его ростом «под метр девяносто», очутился на дальнем конце от начала шеренги. Он числился лишь вторым от конца. На правом фланге отряда стоял трехаршинный красавец-хохол по фамилии Чичкин. Несмотря на его габариты, все звали парня попросту, Коля.

– Заелись проклятые сволочи! – бушевал обозлённый полковник: – Животы распустили. У каждого хрен выпирает, как у медведя после спячки в берлоге.

Дело было всё в том, что сильное недовольство Соломона Дадацкого оказалось совершенно оправдано. Накануне, вся мотострелковая часть участвовала в ежегодных учениях.

Сначала всё шло хорошо. Бойцы дружно палили холостыми патронами в направлении условных врагов, так называемых, «синих». Нужно сказать, что с той стороны находились солдаты их же полка. Они так же лупили в белый свет, как в копеечку.

Вдруг, послышался оглушительный рёв очень мощных моторов. Залязгали железные траки. Из-за линий «противника» появились слегка устаревший средние танки. «Синие» тотчас прекратили стрельбу. Нырнули на дно окопов и бесследно исчезли.

Клубы чёрного дыма, вырвались из выхлопных труб дизелей и окутали корпуса из брони. Ревущие чудища осторожно перевалили через «свои» укрепления. Выбрались на ровное место и удивительно быстро помчались вперёд.

Огромные облака мелкой пыли, взметнулись из-под больших гусениц. Они повисли в утреннем воздухе и удушливым шлейфом потянулись за боевыми машинами.

Тридцатитонные монстры стремительно приближались к «зелёным». Летевший на Женю, танк «Т-54» подкатился к окопам на пятьдесят с чем-то метров. Затем, он остановился

и неожиданно выстрелил.

Из ствола башенной пушки вылетел потрясающе длинный сгусток огня и белого дыма. Грохот взорвавшихся газов ударил в барабанные перепонки бойца. Шум оглушил и напугал первогодка, чуть ли не до смерти.

Не понимая, что делает, Женя схватил автомат. Выскочил из окопа на бруствер и бросился вглубь «своей обороны». Вместе с ним, мчались другие солдаты взвода управляемого полка. Они в полном составе добежали до находящейся сзади траншеи. В едином порыве, прыгнули вниз и, словно мыши затаились на дне.

В двух километрах от, так называемого, «поля встречного боя» находился командный пункт командира полка. Так уж случилось, что в этот знаменательный день, в воинской части находился значительный чин из Москвы. Он приехал в глубинку с ежегодной инспекцией.

Как и положено большому начальству, он не бегал по полям с автоматом в руках. Генерал-лейтенант стоял в капони-ре, отлитом из прочного железобетона, и отважно смотрел в персональную стереотрубу. Он с большим интересом следил за ходом учений.

Во время атаки «синих» бойцов, военачальник повернул перископ. Посмотрел в окуляры и увидел момент выстрела танка. Следом за этим, двадцать три молодца выскочили из небольшого окопа, который должны были отстаивать от на-

падения врага. Они повернулись спиной к нападавшим отрядам и, сломя голову, бросились в тыл обороны.

Дружное бегство целого взвода весьма потрясло офицера Генштаба. Он побагровел, словно свёкла, повернулся к своей внушительной свите и рявкнул, будто медведь, разбуженный в середине зимы: – Что за гвардейцы там драпают в поле?

Командир полка разом оценил обстановку и бодро ответил: – Взвод управления, товарищ генерал-лейтенант.

Как это ни странно, столь чёткий ответ немедля успокоил начальство. Он пробормотал презрительным тоном: – Кладошники. Хорошо, что оружие в окопе не бросили... – повернул перископ чуть левее и продолжил своё наблюденье.

Столичный гость досмотрел представление до логической точки. В общем и целом, он остался доволен проведённым учением. Кроме того, ему очень понравилось то большое радушие, с которым его все встречали в мотопехотном полку.

Особенно пришлось по душе неплохая рыбалка, охота, а так же пышный банкет, завершивший столь важное дело. Он написал положительный отзыв и, увозя с собою икру, оленину и рыбу, благополучно вернулся в Москву.

У всех было хорошо на душе, кроме полковника Соломона Дадацкого – заместителя командира полка по снабжению. Ведь именно его подчинённые, повели себя, словно трусы. Мало того, что сами на весь полк опозорились, так и своего прямого начальника навечно ославили. Хорошо, что оружие взять не забыли, мерзавцы.

На следующее утро, Дадацкий построил «архаровцев». Прошёлся перед коротеньким строем и заорал на подчинённых, словно раненный вепрь: – Я научу вас настоящему мужеству! Вы у меня до самой смерти отучитесь сильно бояться.

Полковник побушевал ещё минут двадцать. Потом, очевидно, устал. Перевёл сорванное криком дыханье и отдал распоряжения, соответствующие сложившимся сейчас обстоятельствам.

Взвод управления построился в полном составе. Как всегда, Коля Чичкин стоял впереди. Он затянул походную песню. Все её подхватили и быстрым шагом двинулись в путь. Солдаты направились на полигон, находящийся в километре от КПП воинской части. Там им предстояло воспитать в своих душах воинский дух и большую отвагу.

Сначала, бойцам приказали надеть стальные тяжёлые каски и занять места в недавно отрытой канаве. Обладая внушительным опытом по данному делу, Женя придиричиво глянул в траншею.

Парень увидел, что глубина у окопа не достигала и метра. Значит, укрытие ещё не готово. Ну, а до «полного профиля» нужно ещё копать и копать. Однако, время на это им почему-то не дали.

Полковник Дадацкий приказал всем спрыгнуть в канаву. Глядя на солдат свысока, он прошёлся по рыхлому брустверу

и приказал: – До моей команды, из траншеи никому не высываться. Сейчас по вам будут стрелять боевыми патронами.

После таких ободряющих слов, служащие подразделения враз побледнели. Все упали ничком и растянулись, как камбалы на дне Чёрного моря. Каждый старался так распластаться, чтобы его части тела торчали наверх значительно меньше. Женя тоже рухнул на землю и попытался, как можно сильнее вжаться в неподатливый грунт.

Командир отошёл от окопа в сторонку. Через тридцать секунд, по их позиции ударили из автоматов «Калашникова». Затем застучал крупнокалиберный станковый пулемёт «ДШКМ», калибра 12.7 миллиметра.

Выпущенные им, кусочки свинца были размером с указательный палец руки. Они пронзительно взвизгивали над головой. Горячий металл выбивал из бруствера комья смёрзшейся глины. Те сыпались вниз и стучали по головам и спинам солдат, дрожащим от ужаса.

Часть пуль не достигала намеченной цели. Они рикошетировали от твёрдой земли и, немного замедлившись, продолжали свой путь. Двигаясь по настильной траектории, они перелетали через низенький бруствер. Попадали в траншею и с шумом впивались в противоположную стенку.

Так продолжалось не менее четверти часа, а может быть, и значительно больше. Парень лежал на дне мелкой канавы и ждал с замиранием сердца, когда же всё это закончится?

Едва стрельба прекратилась, как полковник поднял сол-

дат, до половины засыпанных глиной. Он построил бойцов, потерявших свой бравый вид. Встал впереди и повёл их в другую часть полигона. Видимо, воспитание отваги и мужества, ещё не закончилось.

На другом конце полигона взвод кладовщиков прошёл ещё одно испытание. Отчаянно дрожащих бойцов, построили перед «Т-54» и прочитали короткую лекцию, о тактико-технических характеристиках бронемашин.

Проштрафившемуся отделению, объяснили, как себя нужно вести. «Воспитание мужества и ратного духа» немедленно продолжилось. Солдат почти что пинками, загнали в очередную траншею. Новый окоп оказался чуть глубже, чем предыдущий.

Полученные инструкции отличались большой лаконичностью. Каждый боец должен был высунуться из небольшого укрытия и посмотреть, как к нему едет гора лязгающего боевого железа. Потом, встать таким хитрым образом, чтобы расположиться между траками танка и сесть на дно траншеи лицом к бронемашине.

Невозмутимый инструктор стоял в нескольких метрах и наблюдал за точностью исполнения приказа. Сержант спокойно следил, чтобы тридцати тонная стальная машина проехала над головой бойца, трясущегося от невыразимого страха.

Очередь кладовщиков двигалась достаточно быстро. При-

шло ужасное время, и Женя занял место в окопе. Ему стало удивительно страшно. Руки и ноги мелко и противно дрожали. Они неудержимо тряслись, словно жухлые листья на стылом ветру.

Ревя мощным двигателем и плюясь чёрным дымом, танк неторопливо устремился вперёд. Однако, испуганный парень видел совершенно другое. Ему показалось, что бронемашина летела с потрясающей скоростью.

Помня команды сержанта, боец разместился по оси движения железного монстра. Он опустился на дно, сжался в плотный комок и прикрыл голову дрожащими от страха руками.

Над передней стенкой окопа нависла клинообразная часть серого днища. Широкие траки залязгали, над самой макушкой. Неукреплённые стенки канавы начали вдруг проседать.

Парню живо представилось, что глина не выдержит веса массивного танка и осыплется вниз. Его погребёт под комьями почвы. К счастью этого с бойцом не случилось. Стальная махина прогрохотала над головой и ушла куда-то за спину.

Трясаясь от пережитых волнений, боец находился в траншее ещё какое-то время. Наконец, грохот стих. Женя чуть поднял голову и увидел, что его почти до половины завалило землей.

Он высвободился из-под кусков мёрзлой глины и вылез из разрушенного окопа на ровное место. Рядом с тем местом, где он только что был, устраивался другой кладовщик.

Следующий пункт «программы воспитания смелости» состоял из более близкого общения с убийственной техникой. Всем бойцам приказали проползти под замершим танком. Двигатель у него не работал.

В числе остальных, Женя подошёл к «Т-54» со стороны башенной пушки. Из открытого люка торчала голова в ребристом матерчатом шлеме. Механик-водитель беззлобно смеялся над ошарашенными кладовщиками.

Вслед за друзьями, парень опустился на землю и по-пластунски забрался под железное брюхо машины. Сразу стало совершенно темно. Днище нависало над телом. Катки гусениц закрывали обзор справа и слева. Тёмный стальной коридор давил на психику парня. Казалось, что он никогда не закончится.

Наконец, впереди появилось небольшое световое пятно. Женя пополз, как можно быстрее. Спустя пару секунд он выбрался из-под танка на воздух. Упёрся руками в стылую землю и быстро поднялся на дрожащие от слабости ноги.

Инструктор велел всем встать в линейку в пяти метрах сбоку от железного чудовища. Потом махнул правой рукой. Водитель завёл мощный двигатель. Дизель громко взревел. Клубы чёрного дыма повалили из выхлопной толстой трубы. Танк загрохотал стальными частями и устремился вперёд, напрямиком на инструктора.

Сержант подождал, пока боевая машина не подойдёт на

расстояние в три с чем-то метра. Упал ничком и закрыл ладонями каску. Механический монстр прогромыхал над лежащим на земле человеком. Проехал ещё метров десять, остановился и развернулся на месте. К этому времени, инструктор уже был на ногах.

Следом за этим, пришла очередь правофлангового – Коли Чичкина, отчаянного хулигана с Донбасса. Нужно сказать, что держался он молодцом. Бодро вышел вперёд и встал перед траками.

Как только машина рванулась к нему, боец рухнул на землю и закрыл голову, словно инструктор. Грохочущая гора из железа прокатилась над лежащим солдатом. Он поднялся с земли и вернулся в строй кладовщиков. Вид у него был одновременно гордый, и слегка ошарашенный.

Так, один за другим, под танк ныряли все служащие из взвода Дадацкого. Затем, пришел черёд дрожащего Жени. Он сделал так, как велел им инструктор, только плюс ко всему, крепко зажмурил глаза.

В голове у бойца постоянно крутилась ужасная мысль: – «Если танк вдруг вильнёт в какую-то сторону, то руки меня не спасут. Они превратятся в кровавое месиво вместе с башкой». – затаив дыхание, парень сосредоточил все силы на том, чтобы не вскинуться на ноги раньше, чем машина проедет над ним.

Грохот дизеля всё нарастал. Оглушающий лязг гусениц заполнил всё пространство вокруг. Земля начала мелко дро-

жать. Каким-то удивительным чувством Женя вдруг понял, что над головой нависло железное днище.

После чего, шум, раздирающий уши, стал понемногу стихать и удаляться за спину. Парень открыл глаза и слегка повернул голову в правую сторону. Он увидел осеннее небо, и тучу пыли, поднятую траками. Боец поднялся с земли. На негнущихся от страха ногах он отправился в строй.

Судя по внешнему виду Дадацкого, после «горячей обкатки», полковник немного смягчился. Однако, он не позволил себе проявления слабости и не отменил новый пункт «программы воспитания мужества».

Низкорослый сержант из роты сапёров, принял команду кладовщиков и повёл их в дальний угол участка. Там Женя увидел окоп, укреплённый прочными брёвнами. В нём стояла новенькая стереотруба.

Чуть вдалеке размещался небольшой пяточок, очищенный от увядшей травы. В центре площадки, оказалась неглубокая яма. Странное углубление со всех сторон окружал низкий бруствер из свежей земли.

Подрывник поставил работников склада вокруг котлована. Бойцы с напряжением глянули внутрь. На дне находился тяжёлый снаряд от орудия полковой артиллерии. С боку виднелась коробочка с двумя проводами, уходящими неизвестно куда.

Стоящий справа от Жени, солдат задумчиво выдал: – Фу-

гасный! Сто двадцати миллиметровый! Стоит, сорок два рубля, двадцать копеек. Точь-в-точь, что твои сапоги из чистого хрома.

Минёр осмотрел притихших солдат и приказал сделать десять шагов назад. Стараясь ступать, значительно шире, все торопливо исполнили эту команду. Никому не хотелось находиться поблизости со снаряженной миной.

Сержант велел всем лечь головою к снаряду и крепко зажать уши ладонями. Женя, не раздумывая, подчинился приказу. Краем глаза парень заметил, что инструктор и полковник Дадацкий не остались на месте.

Они тотчас развернулись, устремились к окопу, укреплённому брёвнами, и спустились в убежище. Через десять секунд, раздался взрыв чудовищной силы. В то же мгновение, боец провалился в безмолвную тьму.

Всё, что случилось с ним позже, Женя узнал через несколько дней. По словам очевидцев, оказавшихся недалеко от площадки, произошло там приблизительно следующее. Как только осела вся пыль, поднятая взрывом, полковник, как чёрт из коробки, выскочил из траншеи наружу и приказал встать своим подчинённым.

Однако, никто из бойцов даже не вздрогнул. Взвод управления в полном составе был оглушён и сильно контужен. Многие потеряли сознание. Почти у всех кладовщиков текла кровь из ушей.

Побледневший сапёр увидел эту картину. Он позвонил в штаб полка и вызвал взвод санитаров. Прибывшие медики оказали первую помощь, погрузили бойцов в три грузовые машины и отвезли всех в медпункт.

На этом «воспитание мужества «по Соломону Дадацкому» кончилось. Дело о взрыве благополучно замяли. В то время, мотострелковый полк был на хорошем счету. Поэтому, никто не хотел лишних проверок и дотошных расследований со стороны руководства. Ведь узнай наверху о том происшествии, тотчас начались бы репрессии.

Соответственно, никаких наказаний никто не понёс. Командир части довольно давно служил вместе с Дадацким. Они были большими друзьями и, как принято теперь говорить, компаньонами по «армейскому бизнесу». Так что, он лишь пожурил боевого товарища. На этом всё и закончилось.

Через пару часов, к кладовщикам вернулось сознание. В течение одной недели, они друг за другом выписались из госпиталя и продолжили ратную службу. Все стали чувствовать себя значительно хуже, но ведь это всё ерунда, в конце-то концов.

Так же, как все, Женя очнулся больничной палате. Голова сильно болела, гудела и постоянно кружилась. На какое-то время он совершенно оглох. Понемногу правая барабанная перепонка вернулась в прежнюю норму. Шум в голове и снижение слуха в левом ухе осталось на всю его долгую жизнь.

Мангугай

В конце июня 1967-го года, объявили о проведении очередных армейских учений. Так же, как в прошлый раз, взвод управления под командованием полковника Соломона Дадацкого опять не остался без внимания начальства.

Складские работники отлично запомнили, чем для них кончились предыдущие военные игры. Они печально вздохнули и вместе с другими стали готовиться к новым манёврам. Правда, теперь в поле отправились всего семь человек из двадцати четырёх. Остальные бойцы продолжали работать на складах.

Как и все подразделения полка, brave кладовщики получили оружие, «сухие пайки», а так же все прочие виды довольствия. Они без проволочки погрузились в машины и устремились на те позиции, что были для них обозначены штабом.

За этим последовали три часа ужасающей тряски по отвратительным грунтовым дорогам. Разбитые донельзя просёлки петляли между высокими крутобокими сопками.

Наконец, впереди показалась цель их похода – река Мангугай. В переводе с местного диалекта китайских наречий это значило что-то вроде – «строптивная или опасная».

Штаб полка уважал элитный взвод управленцев и выбрал для его размещения очень удачное место. Невысокий пригорок находился недалеко от левого берега небольшого пото-

ка. Его вершина была плотно покрыта какими-то большими деревьями с широкими листьями.

Не войсковые ученья тебе, а настоящий курорт. Вода и сушняк для костра находятся рядом. Есть тень, где можно укрыться от жаркого солнца. Сиди в ней и радуйся, своему положению.

Привычные к службе, солдаты перетаскали на холм тяжёлые ящики. Женя и шестеро его сослуживцев приказали им всё сложить в штабеля. Сами они тоже не сидели без дела и быстро разбили несколько десятиместных армейских палаток.

Перенесли под брезент продовольствие и снаряжение. После чего, занялись обустройством территории лагеря. К вечеру все работы были успешно закончены. Кладовщики поужинали теми консервами, что нашлись под рукой и отправились спать.

Ранним утром, начались войсковые учения. Несчастных мотострелков гоняли и в гриву и в хвост. Элитный взвод управленья полка тихо блаженствовал в тишине и покое.

Подразделение расположилось на вершине большого холма. Бойцы расселись на плоской макушке возвышенности и наблюдали за передвижением рот, словно из ложи в театре. Для полного счастья, им не хватало приличной стереотрубы с двумя окулярами.

Крохотные фигурки людей суетливо мелькали в широкой

низине. Они стреляли из автоматов холостыми патронами. Поджигали дымовые сигнальные шашки и швыряли их в разные стороны. Из взрывпакетов летели клубы серо-голубого тумана, которые быстро рассеивались.

Несколько средних танков «Т-54» утюжили землю во всех направлениях. Мотострелки рассекали долину на современных бронетранспортёрах «БТР-60». Боевые машины пехоты выпускали толстые струи чёрного солярного дыма и поднимали к синему небу облака мелкой пыли желтоватого цвета.

В самый разгар увлекательных воинских игр появились новые лица. На холм кладовщиков поднялся запыхавшийся молодой лейтенант. Его сопровождали двое сильно уставших солдат.

Гости пришли не пустые, а притащили с собой небольшую, но видимо, чрезвычайно тяжёлую ношу. Бойцы облегчённо вздохнули и положили на землю деревянную тару защитного цвета с двумя продольными ручками.

Бравый летёха построил взвод управления и уверенным голосом всем сообщил: – Через сорок девять минут, высота подвергнется нападению «синих». Перемещаться будут от туда, а так же, отсюда. – он показал направление атаки мнимых врагов и сурово добавил: – Приказываю, вырыть окоп для обороны холма с двух сторон. Выполняйте.

На этом праздная жизнь управленцев закончилась. Жене пришлось взять штыковую лопату и вспомнить то страшное

время, что он провёл в обычном взводе мотострелков. Там он служил в качестве второго номера станкового пулемёта «Максим», выпуска 1945 года.

Навыки землекопа высокой квалификации восстановились на удивление быстро. Все остальные товарищи, тоже прошли похожую школу. Поэтому, не подвели своего командира. Соломон Израилевич Дадацкий был бы ими очень доволен. Жаль, что он их в это время не видел.

Окоп Г-образной формы вырыли качественно и на удивление быстро. Летёха достал из планшета простую тетрадку и записал то время, за которое солдаты управились с данной работой.

Офицер поставил оценку «отлично» и разъяснил: – Со стороны оврага на вас наступают силы противника. Занять подготовленную вами позицию и открыть по врагам беглый огонь.

Все весело кинулся исполнять столь несложный приказ. Каждый из кладовщиков взял у летёхи по магазину холостых автоматных патронов. Прицепил его к своему автомату и расстрелял боеприпасы в белый свет, как в копеечку. Затем, пришла очередь других «оборонительных» действий.

Офицер построил бравых защитников сопки и пояснил: – Гранаты у нас боевые. Бросать их будете под моим наблюдением. Подходить ко мне по одному. По порядку номеров рассчитайся.

Крайним в строю оказался молодой боец Женя. Выкрик-

нув слово: – Седьмой! – он сделал шаг вперёд и бодро добавил: – Расчёт окончен.

Командир неторопливо спустился в окоп. Сопровождавшие лейтенанта, солдаты устремились за ним и водрузили на бруствер увесистый ящик. Рядом с тем местом росло дерево с широкой раскидистой кроной. Своей большой тенью оно закрывало меньшую часть недавно открытой траншеи.

День выдался по-летнему жаркий. Совершенно естественно, что молодой офицер устроился там, куда не попадали лучи дневного светила. Управленцы также спрыгнули на дно большого окопа. Вот только построились они на солнцепёке, в лучах дневного светила.

Сослуживцы Жени по очереди подходили к розовощёкому молодому начальнику, появившемуся неизвестно откуда. Он выдавал каждому кладовщику боевую гранату «Ф-1», которую в просторечии все звали «фенюшкой». К ней прилагался ещё и запал.

По приказу летёхи, солдат ввинчивал взрыватель в ручную, ребристый снаряд и ждал команду «Огонь». После чего, выдёргивал чеку из тёмно-зелёной «лимонки» и, хорошо размахнувшись, бросал небольшое устройство в глубокий овраг.

Потом, все дружно приседали в окопе. На дне ложбины бухал раскатистый взрыв и выбрасывал в воздух большой столб дыма и пыли. Выполнивший упражнение, солдат воз-

вращался в коротенький строй. Вместо него подходил новый боец.

Наконец, очередь дошла до солдата, что рассчитался под номером шесть. Стоявший в строю перед Женей, молодой человек сильно напрягся и даже слегка побледнел. Получив от офицера гранату с запалом, он трясущимися руками привёл её в состояние готовности к бою.

Вдруг, на бойца, накатил сильный страх. Он был настолько силён, что не позволил солдату долго держать чрезвычайно опасную штуку. Молодой человек страстно желал, как можно скорее отбросить её от себя. Причём, закинуть «лимонку» на максимально большую дистанцию.

Услышав команду летёхи, внезапно вспотевший солдат стремительно дёрнул чеку. Немедля ни единой секунды, он широко размахнулся и швырнул стальное яйцо.

Дальше всё случилось совершенно не так, как всем того бы хотелось. «Лимонка» вдруг выскользнула из широкой ладони, взмокшей от пота, и полетела не столько вперёд, сколько вверх.

Двигаясь под невероятным углом, она взмыла прямо к синему небу. Ударилась в ветку старого дерева, нависшую над глубоким окопом, и без промедления отскочила назад.

Женя увидел, что смертельно опасный предмет медленно кувыркается в воздухе и летит ему точно в лицо. Насколько знал парень, запал горел четыре с половиной секунды. Одна из них ушла на бросок. Так что, у воина ещё было время

сделать полшага назад.

Он стоял самым крайним в строю. Мог развернуться на месте и прыгнуть в соседнюю часть «Г»-образной траншеи. Женя был совершенно уверен, что успеет до взрыва укрыться за поворотом глубокого рва. Однако, он почему-то замер столбом и не сдвинулся с места. Зато все остальные, повели себя очень по-разному.

Лейтенант сбил шестого номера с ног, и накрыл его своим крепким телом. Кто-то рванулся в конец окопа, рухнул на землю и сжался в плотный комок. Другие выпрыгнули из траншеи, словно горячие гильзы из автомата и раскатились в разные стороны.

Не размышляя о том, что он творит, Женя выбросил правую руку наверх и, не жалея себя, ударил ладонью по летящей гранате. Он действовал так, словно бил по мячу в волейбольной игре.

Сильный удар заставил стальное яйцо изменить направление движения. Оно отлетело в сторону большого оврага и исчезло в его глубине. Парень тотчас опустился на корточки. Секунду спустя, где-то внизу прогремел приглушенный взрыв.

Лейтенант поднялся на ноги. Женя увидел, что физиономия у него была абсолютно белого цвета. Рядом с ним поднялся шестой номер из их короткого строя. Солдат был красный от большого смущения.

Офицер набрал воздух в грудь и стал орать на него. Через минуту, у обоих людей изменился цвет лиц. Летёха стал багровый от возмущенья и гнева. Провинившийся кладовщик пожелтел от смертельного ужаса. До него, как впрочем, и до всех остальных, наконец-то, дошло, чем всё это могло бы закончиться?

Начальник кричал ещё пару минут. Затем, слегка успокоился и спросил Женю, стоявшего рядом:

– Ты сможешь бросить гранату?

– Так точно! – не очень уверенно ответил боец.

Офицер взял из ящика лимонку с запалом и отошёл по окопу в то место, где над ним не висели ветки высокого дерева. Здесь он отдал боевой снаряд Жене. Тот быстро выполнил упражнение. Граната взорвалась там, где ей и было положено.

Лейтенант снял фуражку и трясущимися руками вытер обильный пот с мокрого лба. Потом сделал запись в тощей тетрадке и сказал всем на прощанье: – Если кто-то из вас, станет болтать всем о том, что здесь случилось, шкуру спущу!

Ординарцы подхватили свой ящик, который стал значительно легче. Спустились с пригорка вслед за своим командиром и исчезли в кустах. Кладовщики посмотрели им в след и облегчённо вздохнули.

После плотного ужина, командир подразделения выста-

вил часового. Шесть свободных от вахты, бойцов немного посидели без дела, и от нечего делать, стали пораньше готовиться к ночи.

В это время, на холм поднялся запыхавшийся вестовой. Слегка отдышавшись, он передал приказ командира полка: – «Подготовиться к срочной эвакуации!»

Чуть позднее, солдат объяснил, что выше по течению реки Мангугай, идут проливные дожди. К долине сейчас мчится большая вода. Через шесть, самое большее, восемь часов, уровень уреза воды резко поднимется. Поэтому, штаб прерывает войсковые учения и возвращает часть в места дислокации.

– За вами придут три бортовые машины. – бросил солдат напоследок и умчался неизвестно куда.

Долина, где проводились учения, прекрасно просматривалась с небольшого пригорка. Кладовщики хорошо разглядели, как их мотострелковый полк быстро сворачивает свой огромный бивак.

Звучали неслышные отсюда команды. Пехотинцы паковали и складывали воинское имущество и грузили его в кузова автомобилей. Тяжёлые тягачи строились в большие колонны. Машины разом трогались с места и одна за другой уходили на север.

Взводу управления не требовалось долгое время на подготовку к отъезду. Им нужен был только транспорт и солдаты для переноски множества ящиков. Поэтому, кладовщи-

ки спокойно сидели на вершине небольшого холма. Бойцы наблюдали за большой суматохой, царящей внизу, и ждали, когда же появятся обещанные грузовики?

Очень быстро стемнело. Военная техника включила мощные фары. Яркие лучи электрических ламп мгновенно рассеяли наступившую тьму. По склонам всех сопок заметались огромные тени, похожие на неведомых монстров. Благодаря этому, картина панических сборов, стала выглядеть совершенно фантастическим образом.

Постепенно, шум внизу затихал. Света от горящих прожекторов становилось всё меньше и меньше. К полуночи, последняя колонна машин выбралась из огромной долины и на неё опустилось безмолвие. Обещанные автомобили за взводом управления, увы, не пришли.

Ничего предпринять они не могли. Нельзя же бросить же войсковое имущество и бежать за войсками вдогонку. Начальник отделения дал самую простую команду: – Отбой. Всем отправиться спать.

Перед наступлением рассвета, Женя проснулся от какого-то шума. Солдат спустил ноги с походной железной кровати. Он немедленно почувствовал, что оказался по щиколотку в чём-то холодном и мокром.

Ошарашенный парень нашёл свои сапоги, лежавшие в луже. Вылил из них мутную воду. Обернул вокруг ступней сухие портянки и быстро обулся. Одевшись, солдат расстегнул

клапан брезентовой армейской палатки, в которой находились продукты. Вышел наружу и огляделся вокруг.

Он с изумлением увидел, что за короткую летнюю ночь река, возле которой стоял маленький холм, изменилась на удивление сильно. Причём, это преобразование произошло всего-то за пять-шесть часов.

Вчера, перед сном молодого солдата, Мангугай походил на широкий ручей и был глубиной не более, чем до колен. Теперь он сильно раздулся и шумно кипел, словно горный поток.

Женя пробежался по лагерю и разбудил сначала часового солдата, спящего на штабеле ящиков, а затем, и всех остальных сослуживцев. Взъерошенные бойцы высыпали из армейских палаток, где каждый спал возле имущества, вверенного ему командиром. Они завертели головами в разные стороны и замерли, словно античные статуи.

Оказалось, что скромный пригорок превратился в клочок земли, со всех сторон омываемый сильными струями. Большая долина, где вчера проводил учения полк со множеством техники, была доверху залита жёлтой водой. На её поверхности плавали клочья бело-коричневой пены, сучья деревьев и прочий мусор разного рода.

Меж тем, урез Мангугая всё повышался. С каждой минутой островок становился всё меньше и меньше. Ища выхода из сложившейся вдруг ситуации, солдаты испуганно затоптались на месте.

С первого взгляда на буруны, всем стало ясно, что попытка переплыть бурную реку, будет равна самоубийству. Оставалось взобраться повыше и надеяться только на то, что со временем всё изменится к лучшему.

Женя вернулся в палатку. Надел шинель и пилотку, схватил автомат и свой вещмешок. Парень вышел наружу и осмотрел вершину холма. Все деревья стояли на самой макушке. Было очень похоже, что все они одного года рождения.

– «Видимо, живущую здесь когда-то растительность, смыло лет тридцать, сорок назад». – сказал себе парень и полез на самый толстый тополь, торчащий в центре маленькой лиственничной купы.

Такому примеру последовали и другие бойцы. Каждый выбрал крупное дерево по личному вкусу, и принялся его обустраивать. Жене пришлось несколько раз спускаться на землю и бегать к палаткам за инструментом, материалами и другими вещами. Остальные тоже работали без перерыва, как хорошо заведённые роботы.

Используя обычный топор, а так же острый штык-нож, парень срубил несколько веток. Связал их вместе прочной верёвкой, которая к счастью, оказалась в палатке. Закрепил этот щит на трёх толстых сучьях и соорудил нечто похожее на гнездо шимпанзе. Такую постель он видел по телеку не очень давно. Боец бросил сверху ватный матрац, байковое

одеяло и прочую солдатскую утварь.

Убежище получилось довольно просторным. В нём можно было даже лежать, если свернуться калачиком. Оставалось только устроиться наверху поудобней, и ожидать развития грозных событий.

Завершив обустройство, Женя огляделся по сторонам. Деревья вокруг оказались усеяны такими же точно платформами, как у него. На многих ветках сушились намокшие вещи. Взвод управления стал походить на стаю обезьян с автоматами, которые среди раннего дня решили отдохнуть наверху.

Меж тем, вода всё прибывала. Очень скоро маленький лагерь затопило весь целиком. Грязные буруны клубились возле толстых стволов и довольно уверенно поднимались всё выше и выше.

С быстро растущей тревогой Женя смотрел на волнующуюся поверхность реки. Её уровень вырос ещё где-то на метр. Затем, остановился. Скорость течения начала замедляться.

Большая долина была залита толстым слоем воды. Вокруг трёх десятков деревьев образовалось огромное озеро. До ближайших к ним сопков оказалось не менее двух сотен метров. Кое-где, из грязной поверхности торчали верхушки армейских палаток. К счастью, они уцелели все до единой, и остались на месте.

Находиться в гнезде оказалось довольно комфортно.

Единственное, что сильно мешало, так это отсутствие возможности вытянуть ноги. Поэтому, Жене пришлось потрудиться и увеличить платформу под свой немаленький рост. Потом, оказалось, что время от времени, нужно ходить в туалет, как по малой нужде, и что самое неудобное, по той, что значительно больше.

Таким образом, управленцы сидели на верхотуре целые сутки. Когда кончилась еда в вещмешках, каждому воину пришлось спуститься на землю. Они оказывались по пояс в холодной воде и брели к шатру из брезента, в котором хранились консервы.

Там солдаты ныряли с головкой в мутную реку и хватали те банки, что попадались в дрожащие от холода руки. К счастью, кто-то нашёл плотно закупоренную двадцатилитровую ёмкость с питьевой водой. Общими силами её затащили на ближайшее дерево, привязали накрепко к ветке и по очереди наполнили опустевшие фляги.

На второй день, уровень Мангугая упал на метр с лишним. Возле самых деревьев появились клочки сильно размокшей земли. Ещё через сутки, у ближайшей к ним сопки появился плавающий танк. Насколько знал Женя, его изготовили в 1951-м году.

Скрежеща блестящими гусеницами, бронемашина выбралась из притихшей реки и встала на ровное место. Из башни выглянул молодой человек с биноклем в руках. Он, при по-

мощи оптики, стал осматривать близь лежащую местность.

Стараясь привлечь внимание танкиста, Женя и его сослуживцы начали громко кричать. Они дружно сорвали с ветвей подсохшие за солнце портянки и принялись ими махать, словно матросы, оказавшиеся на необитаемом острове.

Офицер увидел кладовщиков, что-то просемафорил руками и скрылся в низенькой башне. Машина неспешно сползла в мутную реку, чуть повернулась и направилась напрямиком к робинзонам.

«ПТ-76» выполз из воды рядом с деревьями. Открылся верхний продолговатый люк, похожий на эллипс. Из него высунулся командир и механик-водитель. Офицер сразу спросил: – Все живы ребята?

– Все! – радостно закричали солдаты.

– Хорошо. – облегчённо выдохнул он: – Приказываю, забрать всё оружие, личное обмундирование и по очереди грузиться на транспорт.

Семь кладовщиков радостно бросились выполнять команду старлея. Под руководством танкиста бойцы встали за почти сферической башней и оказались на плоской части длинного корпуса.

Затем, расселись по осевой линии лёгкого танка, схватились за скобы приваренные к бронелистам, и, как можно плотнее, прижались друг к другу. Не дай бог, по пути этот коробок опрокинется?

Амфибия аккуратно сползла в мутную воду и, весьма

осторожно, тронулась в путь. Слегка покачиваясь на низкой волне, «ПТ-76» шустро поплыл через широкое озеро. Минут через десять, он выбрался на совершенно сухую дорогу. К наступлению ужина, бойцы возвратились в родную военную часть.

Следующим утром, Дадацкий построил «архаровцев» возле центрального армейского склада. Полковник смущённо откашлялся и объяснил, что в суматохе ночной эвакуации части, взвод управления просто забыли.

Через четыре часа, полк прибыл на место своей дислокации. Усталые люди разошлись по казармам и спали до самого вечера. Затем, командиры провели переключку и с ужасом поняли, что потеряли семь человек.

На другой день, стали готовить в дорогу плавающий танк «ПТ-76». В связи с ремонтом, он выехал достаточно поздно. Лишь ближе к вечеру, вышел на поиски пропавших бойцов.

Так что, танкистам пришлось ночевать на берегу разлившегося во всю ширь Мангугая. Они ожидали, пока хоть немного схлынет вода. Поэтому, взвод управления нашли только на четвёртые сутки.

После непростых объяснений полковник облегчённо вздохнул. Затем, снова стал армейским чиновником и потребовал с кладовщиков, отчёта об утраченном военном имуществе.

Каждый боец составил список оставленных на сопке ве-

щей и продуктов, вверенных его попечению. После чего, отнёс бумагу в кабинет замполка по снабжению, где передал ему лично в руки.

Дошла очередь и до Жени Степанова. Парень подошёл к делу очень ответственно. Он скрупулёзно перечислил алюминиевые миски, ложки и вилки. Приложил к ним список ящиков с консервами разного вида и другими продуктами. Подведя полный итог, он вручил рапорт Соломону Дадацкому.

Полковник очень внимательно прочёл длинный реестр и озадаченно крикнул. Потом, взял шикарную самописную ручку с пером из чистого золота и принялся чиркать бумагу. Затем, вернул её Жене и приказал: – Перепиши и принеси быстрее ко мне.

Солдат взял документ. Козырнул и отправился снова в каптёрку. Парень явился к себе, уселся за стол и просмотрел изменения, внесённые отцом-командиром. Вместо грошовой посуды из алюминия, везде значились дорогие изделия из высококачественной нержавеющей стали.

Каждая цифра в списке брошенного у речки имущества тоже оказалась исправлена. Но Дадацкий сделал не так, как поступали все люди, работавшие на таком скромном месте, как он.

Мужчина не приписал нолик к каждому небольшому числу. Вместо подобной примитивной уловки, полковник использовал совершенно другую, более хитрую. Он перед каж-

дой позицией начертал единичку.

Браслет

Вернувшись из солдатской столовой, Женя зашёл в каптёрку продуктового армейского склада. Парень увидел напарника, сидевшего возле стола, и стал болтать с ним о пустяках.

Делать бойцам было особенно нечего. Все известные им анекдоты они рассказали друг другу по несколько раз. Осталось лишь обсуждать последние полковые известия.

Парень неожиданно вспомнил, что месяц назад ему довелось стать свидетелем одной странной сцены. Тогда он был сильно занят и не успел рассказать эту историю своему сослуживцу. Потом, как забыл про неё.

В тот знаменательный день, Соломон Израилевич Дадацкий отправился на ежеквартальный отчёт к руководству воинской части. Женя выполнял роль его ординарца. Вдруг придётся бежать за какой-то документацией в кабинет «любимого» шефа?

Почему-то, знакомая бойцу секретарша повела себя достаточно странно. Она не пустила полковника к военачальнику. Замкомполка по снабжению удивлённо покачал головой и уселся на жёсткий стул, стоящий в просторной приёмной.

Женя застыл рядом с ним, словно античная статуя. Си-

деть в присутствии старшего офицера советской армии ему запрещалось уставом. На это нужно было получить разрешение. Просить о такой ерунде парень не стал. Можно часок постоять, а там будет видно.

Внезапно, дверь широко распахнулась. В проёме возник неизвестный солдату генерал-лейтенант. Росту в нём оказалось не меньше двух метров. Широкий в плечах, статный, слегка поседевший красавец-мужчина, был облачён в новенькую, ладно сидящую, форму. Он стремительно пересёк просторную комнату и исчез в коридоре.

Увидев военного столь высокого ранга, Дадацкий вскочил так стремительно, словно в нём находилась отпущенная кем-то пружина. Небольшой толстячок, вытянулся во фронт и устоялся на небожителя со страхом в глазах. Уж не по его ли еврейскую душу прибыл сюда такой посетитель?

Следом за генералом, шёл командир пулемётного взвода полка. Это был тот лейтенант, который, не очень давно, «делал человека» из Жени. То есть, гонял его вместе с пулемётом «Максимом» по высоким окружающим сопкам.

За строевым офицером поспешал удивительный штатский. С первого взгляда всем было ясно, что он приходился роднёй генералу. Тот же рост, то же властное выражение в глазах. Да и лицо выглядело точной копией физиономии военачальника. Только выглядело лет на тридцать моложе.

На этом разительное сходство кончалось. Дальше шли очень большие различия. Тело парня покрыл толстый слой

подкожного жира, собравшийся крупными складками там, где только возможно.

Двадцатилетний молодой человек весил в два больше, чем его крупный отец, и тянул не менее чем, на двести кило. Передвигался он с грацией больного пингвина. Переваливался с одной ноги на другую и, как паровоз, отдувался при неспешной ходьбе.

Чуть позже, Женя встретил знакомого писаря и узнал от него кое-какие подробности данного случая. Оказалось, что генерал-лейтенант вместе с родною кровиночкой приехал в тайгу из далёкой Москвы. А привёз он сынка не на экскурсию по диким местам, а на радикальное исправленье характера.

Дело было всё в том, что из-за огромного веса, «жиртреста» не брали в советскую армию. Все уговоры отца о необходимости чуть похудеть, сын пропускал мимо ушей. Он продолжал жрать в три горла и толстеть с каждым днём.

Тогда, офицер позвонил в ближайший военкомат. Наорал там, на кого было нужно, и врачи признали сыночка «годным без ограничений» к воинской службе. На другой день, за толстяком прибыл усиленный армейский наряд. Бойцы взяли парня «за жабры» и под конвоем доставил в призывной пункт нашей доблестной армии.

Жена генерала тряслась над единственной деточкой и постоянно устраивала мужу такие истерики, что чертям стано-

вилось противно. Она обещала, что начнёт каждый день ездить в военную часть.

Причём, каждый раз, она будет возить дорогому ребёнку огромные сумки с деликатесной жратвой. Не мог же любимый сыночек есть ту грубую пищу, что и все остальные солдаты.

Несчастный супруг пораскинул мозгами и вспомнил о своём давнем друге. Тот служил командиром дивизии на советско-китайской границе. Генерал поговорил по телефону с бывшим соратником. Тот сообщил, что сделает всё, что возможно.

Вместе с толстым наследником, военачальник сел в транспортный самолёт «ЛИ-2», затем в «ГАЗ-69» и прибыл в мотострелковый полк, расположенный в далёкой тайге. По пути он соблюдал конспирацию и сохранил всю операцию в строжайшем секрете. Иначе, любвеобильная мамочка могла бы найти любимого отпрыска.

Командир лесного полка выслушал просьбу московского гостя и вызвал к себе чрезвычайно спортивного и выносливого лейтенанта вверенной ему воинской части. Полковник поручил офицеру заняться прибывшим молодым человеком и, чего бы это ни стоило, привести внушительный вес в нужную норму.

Не задавая вопросов, летёха вскинул руку к фуражке. Затем, вышел из кабинета начальства и бодрой походкой вер-

нулся в расположение взвода. Там он собрал несколько рослых выносливых воинов, объяснил ситуацию и поставил перед ними задачу, которую получил от командира полка. После чего, для них начались бесконечные кроссы по окружающей местности.

В первый раз, толстяк пробежал лишь пятьсот с чем-то метров. Остальные четыре с половиной версты солдаты тащили его на себе. «Тренеры» двигались с обеих сторон москвича. Они по очереди подхватывали «жиртреста» под руки и практически волоком перемещали вперёд.

Новобранцу пришлось лишь переставлять тумбообразные ноги, что он и делал, пребывая в полной прострации. После длинной пробежки беднягу втащили в казарму и, как мешок, бросили на железную койку. Утром всё повторилось сначала.

Через месяц подобных занятий, боец самостоятельно пробежал пятикилометровый отрезок дистанции. Он научился подтягиваться на турнике и за каждый подход десять раз отжимался от пола.

За столь короткое время, он похудел ровно вдвое и весил не более девяноста пяти килограммов. Теперь он походил на своего красавца-отца не только лицом, но и высокой ладной фигурой.

Вот только кожа на его большом теле не успевала утягиваться за быстрым убыванием веса. Она свисала по объёмному телу большими толстыми складками. Со стороны боец походил на большую собаку породы шарпей, вставшую на

задние лапы.

Заметив подобные сдвиги, солдата освободили от усиленной физподготовки и назначили в роте простым пулемётчиком. Там он служил вторым номером в расчёте станкового пулемёта «Максим» выпуска 1945 года.

Вместе с другими беднягами он таскал на горбу не менее пуда железа и продолжал постепенно худеть. Его сослуживцы рассказывали, что теперь он и сам очень радовался своей конституции.

Время подходило к концу, невероятно тёплого марта. Приближалось начало весны. Привычная «армейская лямка» тянулась своим чередом: работа на складе, наряды и прочие радости жизни.

В один из солнечных дней, в понедельник, раздался громкий звонок. Дежурный по взводу поднял телефонную трубку. Доложил, кто находится у аппарата и услышал, как полковник Дадацкий отдал громовую команду: – Рядовой, бери всех, кто там есть, и немедленно дуйте ко мне!

Через десять минут, шесть рослых солдат стояли навывтяжку перед своим офицером. Так уж случилось, что каждый из тех молодцов был ростом за метр девяносто. Лишь один только Женя оказался чуть ниже. Поэтому и стоял самым последним в коротком строю.

Они застыли рядом с сильно упитанным военачальником и возвышались над невысоким мужчиной больше чем

на полторы головы. Маленький, почти круглый полковник строго взглянул на вытянувшихся в струнку бойцов.

Прошёлся перед ними, словно Наполеон Бонапарт перед своей «старой гвардией». Откашлялся и приказал: – С этой минуты, до самого вечера, все вы поступаете в распоряжение товарища Ежи Бжезинского. – он кивнул в сторону какого-то штатского, сидящего возле стола.

Это был пожилой человек в прекрасно сшитом двубортном костюме. Человек выглядел очень интеллигентным и весьма представительным. Он обладал тем лёгким шармом, что позволял заподозрить в нём иностранца.

У Жени создалось впечатление, что мужчина недавно прибыл в Сибирь. Поэтому, ещё не успел потерять весь импортный лоск. Ничего, скоро чуть оботрётся и будет как все. Не лучше других.

– Сейчас вы пойдёте к завгару полка. Он выделит в ваше распоряжение грузовик, нужный вам инструмент и «Беларусь» с ковшом экскаватора. – продолжал говорить полковник Дадацкий.

– Машины поведут тракторист и шофёр. Польский товарищ вам скажет, куда нужно ехать. На месте он всё объяснит. Старшим в группе назначается Евгений Степанов. Выполняйте приказ.

Через двадцать минут, бойцы взвода кладовщиков уже покинули военную часть. Теперь они бодро тряслись в кузове боевого «палариса». Так в те времена, в советских войсках

назывался грузовой автомобиль «Зил 157». Их защищал от мороза тонкий, брезентовый тент.

Товарищ Ежи Бжезинский сидел в просторной кабине машины. Он показывал шофёру дорогу, ведущую через заснеженный лес. Следом за ними, катил «Беларусь», выкрашенный в «защитный», серо-оливковый цвет.

Благодаря свету весеннего солнца, снег сильно сел и хорошо уплотнился. Просёлок оказался отлично накатан. Наверное, он вёл в какой-то посёлок, расположенный где-то поблизости.

Боевая колонна мчалась вперёд, хоть и по очень узкому, но довольно неплохому шоссе. Жаль, что смотреть оказалось, в общем-то, некуда. Кругом сплошную стеной стояла глухая тайга.

Спустя один час, машина выехала на открытое место и остановилась на берегу какой-то извилистой речки. На правом, обрывистом берегу их ждал ветхий седой старичок.

Одет он был, словно старый солдат. На нём виднелись ватные штаны армейской расцветки, бушлат и валенки из того же комплекта. Видимо так, сказывалось близкое расположение воинской части.

Руководитель небольшой экспедиции чинно вылез наружу. Он привычно одёрнул дорогое пальто с меховым воротником из какого-то иностранного зверя. Немного прошёлся туда и сюда. Велел всем спуститься на землю и построиться

возле машины.

Команда кладовщиков чётко исполнила короткий приказ. Импозантный мужчина в трёх предложениях поставил перед ними задачу. Судя по небольшому акценту, мужчина прибыл из Восточной Европы. Там он со всеми общался совсем на другом языке.

Говорил он по-русски достаточно чисто. Правда, пользовался рублеными короткими фразами. Иногда коверкал слова и не всегда правильно ставил акценты и ударения в них.

– Перед вами находится старое польское кладбище. Вода быстро подмывает сей берег и грозит уничтожить многие захоронения. Вам необходимо эксгумировать шесть крайних могил и перенести их вдаль от реки.

Товарищ Бжезинский повернулся и пошёл вдоль неширокого русла. Солдаты безропотно двинулись следом. Командир говорил подчиняться весь день этому фраеру. Значит, делай, что он тебе приказал.

Женя всмотрелся в густую заросль бурьяна и каких-то кустарников, торчащих из глубокого снега. Среди них он разглядел ряды тёмных каменных стел. Рядом с бойцами шёл старый смотритель. Он рассказывал бойцам на ходу:

– В 1939 году Красная Армия рванулась на запад, навстречу фашистской Германии. Она встретила вермахт на середине польских земель и остановила его продвижение к нашим границам.

Так наша власть присоединила к СССР Западную Украи-

ну и Белоруссию. Многие шляхтичи были весьма недовольны таким положением дел. Естественно, что они стали болтать то, что думают по данному поводу. Мол, им лучше жилось бы при «цивилизованном» Гитлере. Так же, как к примеру, в Чехословакии.

НКВДешники арестовали таких трепачей. Этапировали их прямо в Сибирь и поселили в тихой деревне, расположенной недалеко от этого места. Поляки оказались людьми весьма непростыми. Все, как один, не из рабочих с крестьянами. Сплошь госчиновники и коммерсанты, владевшие раньше большим состоянием.

Вот только всё у них отобрали ещё в далёкой Европе. Так что, привезли их сюда, словно голь перекатную. Пахали в огородах и поле, как все остальные местные граждане.

Сначала плохо у них получалось. Так что, едва-едва сводили концы. Затем, понемногу привыкли и стали жить не хуже других. К сожалению, в наших суровых условиях многие из них перемерли от разных непривычных болезней.

Так продолжалось, считай, до конца пятидесятых годов. Потом, срок их ссылки закончился. Полякам разрешили вернуться на родину. Конечно, тем, кто из них остался в живых. Ну, а покойники так здесь и по сию пору лежат.

Приезжий мужчина указал на одну из могил, на которой стоял плоский камень с надписями на польском наречии. Все буквы были выбиты вычурным готическим шрифтом. Не враз, разберёшь. А если и прочитаешь, так всё равно ничего

не понять.

Солдаты подогнули к могиле маленький трактор с ковшем. С его помощью сняли увесистый памятник, большое надгробие и всё погрузили в кузов машины. Грузовик перевез их от реки на участок, расположенный в дальнем углу обширного кладбища. Там экскаватором вырыли новую яму под гроб.

После чего, наступил черёд самой эксгумации. «Беларусь» снял верхний полутораметровый слой мёрзлого грунта и собрался двигаться дальше. Вдруг, поляк вышел вперёд и остановил быстро идущий процесс.

– Стой! – приказал он трактористу: – Дальше копать будут вручную.

Женя и все остальные бойцы удивлённо вздёрнули брови. Переглянулись между собой. Печально вздохнули и с большой неохотой разобрали тот инструмент, что привезли с собою из части.

К радости молодых землекопов, почва оказалась сухой и песчаной. Воды в ней было на удивленье мало. Поэтому, она не превратилась в ледяной монолит. Её не нужно было долбить кирками и ломом. Хватало ударов обычной лопаты. Работа шла достаточно быстро. Не то, что при рытьё блиндажей в каменистых холмах.

Пока выбрасывали землю наверх, Женя с содроганием думал о том, что они скоро увидят внизу? Наверняка, наткнут-

ся на гнилые трухлявые доски, среди которых будет лежать рассыпавшийся на части скелет. Собирай его после в мешки и корзины и таскай на другой конец польского кладбища.

Скорее всего, на жутких останках окажутся лохмотья гнилой, жутко воняющей плоти. Хорошо, что сейчас на дворе стоит мороз минус пять. Пока будешь возиться с костями, не отравишься воздухом, насыщенным испарениями трупного яда.

К счастью кладовщиков, всё получилось совершенно иначе. Спустя полчаса, лопаты наткнулись на абсолютно целёхонький гроб, обитый старинной, очень толстой, оцинкованной жестию.

Сухая песчаная почва и надёжная стальная обшивка уберегли домовину от малейших следов разрушения. Она выглядела на удивление новой, словно оказалась в могиле всего полгода назад.

Массивный ящик быстро обвязали верёвками. Солдаты по очереди поднялись из большого раскопа. Потянули все разом и вытащили «деревянный бушлат» на дневную поверхность. Затем, погрузили останки в машину.

Лавируя между могилами, грузовик отвёз скорбный груз к новому месту. Там его опустили в глубокую яму и, с большим облегчением, снова зарыли. Всё-таки, как не верти, а возиться с давнишним покойником, дело весьма неприятное. Хорошо, что на слабом морозе, он совсем не вонял.

Мужчина достал из кармана пальто маленький требник. На тёмной обложке Женя увидел четырёхконечный крест католической церкви. Поляк прочёл небольшую молитву. Православные кладовщики дружно перекрестились. Печально вздохнули и принялись за установку надгробия с памятником.

Дотошный Бжезинский напряжённо следил за молодыми солдатами. Если ему вдруг казалось, что бойцы делалит, что-то не так, то он немедленно вмешивался в текущий процесс. Останавливал их и заставлял всё исправить по его разумению. Кладовщики тихо роптали, но с чужеземцем не спорили. Как-никак, а сейчас, он их командир.

Ближе к вечеру, вся работа успешно закончилась. Зондер-команда, что в переводе с немецкого означало – «специальный отряд», погрузился в холодный кузов грузовика. Товарищ Бжезинский вновь уселся в тёплую кабину к шофёру. Одним словом, он вёл себя, как все офицеры.

Седой старичок помахал уставшим солдатам на прощание рукой. Шагнул к узкой речке и исчез в густых зарослях прибрежных кустов. Растворился среди голых ветвей, словно таинственный леший.

Машина тронулась с места. Следом за ней затарахтел «Беларусь». Вместе со всеми, Женя отправился в «любимую» военную часть. К своему удовольствию, солдаты успели к наступлению ужина. Они быстро поели. Вернулись в казарму и в назначенный срок, отправились спать.

Конец той недели прошёл точно так же, как первый день, проведённый солдатами на старом польском погосте. Бойцы снимали тяжёлые, добротные памятники и каменные надгробия. Выкапывали большие гробы, обитые толстой оцинкованной жстью. Отвозили их подальше от речки и захоранивали в новых могилах.

Всё это время, рядом с кладовщиками находился товарищ Бжезинский. Здесь же крутился и ветхий мужчина, который оказался местным смотрителем данного кладбища. Он то и рассказал Жене историю одной из многих десятков могил.

По словам старика, в ней была захоронена очень красивая молодая полячка, сосланная из западного города Львова. Суровые зимы и крестьянские бытовые условия оказались непереносимыми для хрупкой, весьма избалованной женщины.

Ведь до переселенья в Сибирь, она жила в огромном дворце, что твоя госпожа. У неё было множество слуг и всё остальное, что пожелает душа. Здесь же ей приходилось ютиться в обычной избе, полной чужого народу. Пустого жилья здесь отродясь не бывало. Поэтому, поляков подселили к местным крестьянам.

Плюс ко всему, нужно было всё делать самой: готовить, стирать, работать в огороде и поле. Очень скоро она тяжёло заболела. Без пригляда врача, быстро угасла и тихо скончалась.

До прихода советской власти во Львов, её высокий супруг был ювелиром. Он продавал драгоценности различного рода. Причём, как говорили поляки, торговал золотишком в очень крупных размерах. Мужчина боготворил свою даму, но даже его пылкие чувства не смогли чем-то помочь несчастной паннычке.

В ходе её похорон безутешный вдовец наклонился к покойнице. Взял её правую руку. Поцеловал и, незаметно для всех остальных, надел на запястье широкий браслет. Браслет был очень тяжёлый, золотой, весь усыпанный дорогими камнями. Поверх того украшения супруг натянул рукав богатого платья.

Всё произошло так стремительно, что это видел лишь тридцатилетний крестьянин, стоявший недалеко от могилы. Он жил в соседней деревне и его вместе с соседом взяли чернорабочим для погребения женщины.

Двое местных людей быстро приколотили крышку гвоздями. Увесистый гроб обвили верёвками. С огромным трудом сдвинули с места, опустили ту домовину в глубокую яму и забросали песком. После чего, отложили лопаты в сторону. Установили сверху большое надгробие, а затем и каменный памятник с вычурной надписью.

– Прошло, почитай, больше полвека, – сказал Жене печальный старик: – а тот тяжёлый браслет всё никак не идёт из моей головы. До сих пор не пойму, как ювелир смог со-

хранить такой большой драгоценный предмет?

Ведь их все постоянно шмонали. НКВДешники при аресте во Львове, вертухаи в каждой тюрьме, охранники при пересылке в Сибирь. К тому же, то украшение стоило бешеных денег. Оно могло весьма облегчить ему ссыльную жизнь. Так нет же, мужчина не пожалел дорогую прекрасную вещь. Он надел её на руку любимой панны́чке.

За долгие годы своей бедной жизни, я много раз хотел придти тайно на польское кладбище. Выкопать потихонечку гроб. Взять драгоценность и привести могилу в прежний порядок. Но, почему-то, так и не смог этого сделать.

Дело всё в том, что, как только я соберусь придти на погост, мне ночью мерещится ужасающий сон. Будто я тёмной ночью отрываю могилу. Поднимаю крышку у гроба и вижу, что погибшая ссыльная выглядит так же, как полвека назад.

За столь долгое время, тление совсем не коснулось её богатой одежды, бледной кожи и тела. Руки, сложенные у неё на груди, тоже остались точно такими, как были когда-то.

Я беру её за запястье и, осторожно, словно боясь разбудить, начинаю снимать драгоценность. Чем дальше украшение скользит по её тонкой кисти, тем мне становится всё страшней и страшней. Я смотрю на лицо прекрасной покойницы и с ужасом вижу, что у неё начинают слегка подниматься дрожащие веки.

Как только браслет спадает с пальцев усопшей, она резким движением садиться в гробу. Её голова поворачивается

с отвратительным скрежетом. Внезапно распахиваются глубокие тёмные очи и в упор глядят на меня.

Рот у паннѣчки раскрывает так широко, что становится больше обычного в несколько раз. Вместо человеческих зубов я вижу острые волчьи клыки. Раздаётся оглушительный вой, от которого чуть ли не лопаются барабанные перепонки в ушах. Моё сердце хватает чья-то большая рука и сжимает его, словно в железных тисках.

Плоть женщины покрывается сеткой мелких извилистых трещин. Они очень быстро растут. Скоро кожа и мышцы с богатой одеждой рассыпаются в невесомую серую пыль. Мгновенье спустя, в гробу сидел уже совершенно голый скелет.

Он тянул вперѣд тонкие руки, состоящие лишь из белых костей. Хотел сжать моё горло и сломать мою шею. Я вдруг понимал, что он сделает всё, чтоб защитить свой браслет.

В этот момент, я всегда просыпался в обильном холодном поту. Чувствовал, что лежу мокрый, как мышь, искупавшая в кринке с водой. Меня сильно трясло, а зубы стучали от пережитого ужаса.

Печально вздохнув, смотритель встал со скамейки из камня, на котором сидел рядом с Женей. Не спеша повернулся и, сильно ссутулившись, пошёл по узкой тропинке. Отойдя на несколько метров, он обернулся и поманил парня пальцем.

Они прошли с десятков шагов. Старик указал на большой

тёмный памятник, украшенный искусной резьбой. На поверхности стелы Женя разглядел высокого стройного ангела с прекрасным печальным лицом.

– Здесь она похоронена. – сказал мужчина солдату: – За всю свою жизнь я так и не смог набраться отваги и решиться на то, чтоб потревожить могилу паннйчки. Может быть, вы окажитесь немного смелее?

Позови кого-нибудь из крепких парней. Приходите сюда в любой будний день. Поляки из нашей округи давно все уехали обратно в Европу. Местные своих мертвецов никогда не хоронят на католическом кладбище.

Теперь здесь, кроме меня, никого не бывает. Да и я сюда прихожу всего раз в две недели, в начале и середине каждого месяца. Кошу потихоньку траву и срубаю ветки кустов и деревьев.

Вы откопаете драгоценный браслет и приведете могилу обратно в порядок, чтобы вас не искала милиция за вандализм. Продадите где-нибудь золотую вещицу. Будете всю свою жизнь, как сыр в масле кататься. – старик набожно перекрестился. Печально вздохнул и ушёл вглубь обширного кладбища.

Стараясь, как следует запомнить данное место, Женя несколько раз обошёл большое надгробье и памятник. Внимательно осмотрел его с разных сторон и сам себе удивился.

Зачем он всё это проделал, солдат не мог объяснить. Ведь парень хорошо понимал, что по собственной воле он никогда

не станет тревожить чью-то могилу. Даже ради несметных сокровищ. Разве, что окажется в такой ситуации, когда без этого золота ему будет полный кирдык.

Тем более, по словам старика, дух умершей паннѳчки до сих пор находился поблизости. Всѳ не мог никак успокоиться. То ли от того, что её тело погибло в холодной неуютной Сибири? То ли, ещё охранял свой драгоценный браслет?

Складские воришки

Оказавшись во взводе управления полка, Женя узнал о советском армейском хозяйстве очень много всего интересного и чрезвычайно полезного. Как оказалось, любое стихийное бедствие, любая усушка, утруска и прочая порча продуктов, всѳ шло только на пользу ушлым, пронирыливым служащим. Особенно тем, что числились кладовщиками.

Иногда по приказу полковника, они в огромных количествах «списывали» пищевые продукты. От таких операций простым подчинѳнным не доставалось почти ничего. Зато, отцы-командиры не досаждали проверками и сквозь пальцы смотрели на мелкие шалости воинов.

После того, как Женя привѳл помещенье в порядок, полковник Дадацкий назначил солдата старшим кладовщиком. Помощником у него оказался очень хитрый узбек.

Боец давно там работал и показал Жене один верный трюк, к которому всегда прибегал. Он научил молодого сол-

дата, как воровать продовольствие в приличных размерах.

А дело всё в том, что на складах того славного времени пользовались весами грузоподъемностью в пятьсот килограммов. Все они были одной и той же, рычажной конструкции. Они представляли собой стальную платформу метр на метр.

С торца данной площадки располагалась коробчатая труба с передаточным механизмом внутри. На ней находилась большая линейка с частыми и глубокими рисками. Один конец мерной шкалы шарнирно крепился на стойке. Другой свободно двигался вверх или вниз, в пределах пяти сантиметров.

По длинной и тонкой пластине перемещался небольшой бегунок цилиндрической формы, размером с обычную конфету в обёртке. Его масса давила на стальную рейсшину.

Возникающее при этом усилие, передавалось через систему стальных рычагов, расположенных в вертикальной станине. Оно уравновешивало воздействие груза, лежащего на широкой платформе.

На колеблющемся конце мерной шкалы имелась короткая стрелка. Она должна была указать на специальную метку, нанесённую на неподвижную планку. Как только весы обретали баланс, нужно было глянуть на левый край бегунка и посмотреть, сколько килограммов он сейчас показал? Это и была тяжесть предмета, который лежал на платформе.

Чтобы отрегулировать весовое устройство, площадку

очищали от груза. Бегунок перемещали на циферку «ноль». Если указатель не совпадал с тонкой рисккой, то нужно было слегка подкрутить «ребристую гайку», закреплённую на конце подвижной шкалы.

При вращении «барашка» вправо и влево, он двигался параллельно земле вперёд и назад. Тем самым, уменьшал или, наоборот, увеличивал рычаг воздействия сил. Соответственно, он изменял положение стрелки.

– Когда ты получаешь крупную партию каких-то продуктов, – объяснил Жене бывалый узбек: – то не суетись, дарагой. Экспедитор, сдающий товар, сам проверяет точность весов и регулирует их, как можно точнее.

Ты в это дело не суйся. Стой себе в сторонке спокойно с независимым видом. Пусть он сделает так, как захочет. Не спеши, падажди какое-то время.

Потом, когда будут вешать товар, солдаты начнут таскать продукты туда и сюда и постоянно мелькать перед глазами хозяина. Тогда ты выбери нужный момент и незаметно крутни «ребристую гайку» так, чтобы весы показали чуть меньший вес, чем в натуре.

Только, прошу тебя дарагой, перед окончанием приёма товара, не забудь вернуть «барашек» в то положение, в котором он находился сначала. Некоторые экспедиторы довольно дотошные люди.

После передачи продуктов, они опять проверяют точность весов. Понял, да? – свои простые слова ушлый узбек сопро-

вождал ловким движением рук. Он наглядно показывал, что и как нужно делать.

Убедившись, что Женя всё отлично усвоил, учитель продолжил короткую лекцию: – Если ты отпускаешь товар, – тут «барашек» нужно крунуть в обратную сторону. Так, чтобы весы показали чуть больший вес, чем на них положили. Все излишки, которые возникнут от этого, мы потом продадим, или обменяем на что-то другое. Понял, да?

Старший, но неопытный пока, кладовщик внимательно выслушал криминальные инструкции своего подчинённого и согласно кивнул. Потом, немного подумал и внезапно решил, что не будет следовать им ни при каких обстоятельствах. Чистая совесть дороже.

К сожалению Жени, достаточно скоро он понял, что весьма ошибался на собственный счёт. Оказалось, что на складе всё время возникали недостачи продуктов. Этому было много причин. В первую очередь, воровство тех солдат, что привозили и увозили продукты.

Даже честным бойцам очень хотелось разнообразить то простое питание, что они получали в столовой. Поэтому, они шли на хищение банки консервов, яблока или десятка конфет.

Следом, шла необязательность господ офицеров, которые иногда забывали расписаться за взятый ими в спешке товар. Плюс ко всему, порча еды грызунами, усушка, утруска и про-

чие мелочи жизни. Да и самому очень часто хотелось съесть лишнюю банку сгущёнки или каких-то консервов. Всё это приходилось как-то скрывать от начальства.

Вот так и вышло, что несмотря на врождённую честность, Женя стал по чуть-чуть приворовывать то, что должен был охранять. Постепенно ему это даже понравилось.

Однажды узбек ушёл в увольнение в тихий посёлок, который находился недалеко от места расположения полка. К удивлению всех сослуживцев, он вернулся удивительно скоро. Мало того, боец с собою принёс новый ватный матрац.

– В подарок маме купил. – объяснил он друзьям по казарме и показал магазинный чек на покупку: – Отвезу домой, подарю. Ей будет очень приятно, что младший сын про неё не забыл.

Ошарашенный подобным презентом приятеля, Женя прямо сказал: – Насколько я знаю, в Узбекистане растёт много хлопка. Его там получают миллионами тонн. Разве у вас не продаются такие же точно матрасы?

– В магазинах всё есть. Да только пока я доеду до родины, у меня уже денег совсем не останется. Не хватит даже на скромный подарок. – кладовщик горестно покачал головой из стороны в сторону, словно китайский болванчик и уныло добавил:

– Ты же знаешь меня Женя-джан. Стоит немножечко выпить, как я продолжаю без удержу до полной отключки. Ско-

рее всего, я пропью в скором поезде всё до последней копейки и начну продавать свои вещи для опохмелки. Ну, а обычный матрац у меня вряд ли кто-то захочет купить.

Его не возьмут даже даром. С такой объёмной поклажей никто не захочет таскаться в дороге. Так что, при самом печальном раскладе, он так и будет при мне до самого дома.

Вот и выходит, что подарок я уже приобрёл и наверняка доведу его до своего кишлака. Поэтому, пусть пока находится в нашей каптёрке и ждёт моего скорого дембеля.

Узбек взял плотно стянутый мягкий рулон и бросил его на большой пустой ящик, стоящий в углу их казармы. Чек о покупке он, у всех на глазах, сунул внутрь плотно свёртка и объяснил: – Когда пойду из воинской части предъявлю его постовым, чтобы они не придрались. А то ещё скажут, что из казармы украл.

Сослуживцы слегка посмеялись над странным поступком узбека. Потом, все привыкли и перестали подкалывать парня. Вот и лежал необычный презент у всех людей на виду.

Так же, как и все остальные, Женя скоро забыл о том разговоре и долго не вспоминал про него. Так было до тех самых пор, пока он однажды не вернулся на продовольственный склад неожиданно для своего подчинённого.

Узбек увлечённо возился над распоротым сбоку матрасом и не услышал, как кто-то вошёл в помещение. Женя приблизился и с удивленьем увидел, чем так увлечённо занялся кла-

довщик?

Оказалось, что бок у мягкой подстилки немного распорот. Стеганая серая вата выступала наружу. Сослуживец действовал толстой иглой и ловко вшивал внутрь матраса толстую пачку червонцев.

Застуканный за столь странным занятием, узбек залезбил и начал жалостливо объяснять командиру: – Понимаешь, дорогой Женя-джан. Наша семья очень большая и живёт до ужаса бедно. Мне весьма повезло, что я попал в такое чудесное место.

Это моя единственная в жизни возможность хоть немного помочь моим старым родителям. За два с лишним года службы на складе я скопил немножечко денег. Но ведь, как ты понимаешь, их нужно ещё довести до самого дома.

Вдруг меня проверят на проходной нашей части, или патруль заберёт в комендатуру в каком-нибудь городе, или в поезде меня обворуют? Вот я и придумал зашить купюры в матрац. Думаю, никто на него не польстится в дороге.

Кладовщик чуть помолчал и спросил со слезою в дрогнувшем голосе: – Ты ведь меня Женя-джан не выдашь никому, дарагой?

Боец сильно смутился. Отрицательно покачал головой и, не найдя, что сказать, вышел из тесной каптёрки. Про себя он отметил, что, судя по внешнему виду матраса, в нём зашита далеко не одна и не две пачки денег.

Наверняка их там не меньше десятка, а то и значительно больше. Ведь хитрый напарник очень давно продавал продукты налево. Он и Женю когда-то, всему хорошо научил.

Как бы то ни было, но парень никому ничего не сказал. Спустя несколько месяцев, узбек демобилизовался из рядов советской доблестной армии. Боец нарявился, как должно в таком торжественном случае.

Ефрейтор, простился с друзьями-кладовщиками за руку и взял небольшой чемоданчик с вещами. Сунув под мышку матрац, свёрнутый в толстый рулон, он отправился в путь.

В полку были наслышаны, для чего парень купил полосатый тюфяк. Одно время, все сильно смеялись по данному поводу. Стоящие на проходной, часовые отпустили во след несколько шуток в честь его странной ноши, на этом всё дело и кончилось.

Узбек прошёл через пост в КПП и, без всяких проблем, покинул лесную мотострелковую часть. Причём, ушёл он с очень большими деньгами.

Какое-то время, Женя усиленно думал над опытом своего подчинённого и даже хотел последовать заразительному примеру узбека. Тем более, что бывшие клиенты его подчинённого намекали на продолжение выгодных сделок.

Солдат провернул несколько небольших операций. Выручил приличные по тому времени деньги и купил себе дорогой транзисторный всеволновый приёмник под названием

«Спидола».

Однако, он очень быстро потерял интерес к криминальному «бизнесу». Отказался от воровства продовольствия в крупных размерах и вновь стал вести простую честную жизнь.

При таких возможностях, какие имелись тогда у него, он «списал» только несколько ящичков разных консервов. Да и те не продал «налево», а в течении двух с чем-то лет съел с друзьями по складу. Так что, их можно попросту сбросить со счёта.

Окончание службы

Служба на складе оказалась простой, необременительной и довольно приятной. Не то, что на советско-китайской границе, не говоря о пулемётной роте в мотострелковом полку.

Достаточно часто он ездил за пищевыми продуктами в городок Благовещенск. Несколько раз был во Владивостоке, где как кандидат в мастера спорта представлял родную дивизию и выступал на соревнованиях по настольному теннису.

Усердные тренировки быстро наскучили Жене. Парень совершенно сознательно уступил своё первенство более амбициозным друзьям. Солдата сразу отчислили из роты спортсменов. Он с большим удовольствием вернулся в прежнюю часть.

Скоро ему пришлось поучаствовать в охоте на дальне-

восточных лосей. Высшие офицеры полка взяли автоматы «Калашникова», прихватили нескольких своих подчинённых солдат и отправились в лес. С помощью егеря, они выследили и подстрелили сохатого. После чего, решили хорошо отдохнуть.

Кладовщики освеживали огромного зверя, накрыли «поляну» и стали жарить шашлык. Ближе к вечеру, пикник завершился. Бойцы погрузили «пьяных в умат» командиров в машины, бросили в кузов добычу и благополучно вернулись в расположение части. Мясо потом, разобрали жёны охотников.

Как-то раз, жарким летом, Женю послали в командировку по делам службы снабжения. Так он оказался в небольшом городке Уссурийск. Солдат прибыл на армейскую продуктовую базу и получил всё, что было положено по документам, подписанным командиром Дадацким.

Солдат собрался уже возвращаться в военную часть и тут, узнал интересные новости. Оказалось, что по дороге обратно ему нужно заехать в лагерь аквалангистов, что расположен на самом берегу океана. Там ихтиологи, по заданию Министерства обороны советской республики, изучали Амурский залив.

В кузов «палариса» погрузили мешки, какие-то ящики и кусок замороженной туши свиньи. В кабину сел молодой лейтенант. Офицер открыл планшет и показал на карте то

место, куда им нужно попасть.

Сначала, машина шла по шоссе в направлении селенья Славянка. Потом, свернула на таёжный просёлок, уходящий налево. Долго петляла по разбитой грунтовке.

Наконец, впереди появились палатки, стоявшие на невысоком пригорке. «ЗиЛ-157» проехал ещё сотню метров и затормозил. Он прибыл к лагерю небольшой научной команды.

Под руководством летёхи, водитель и Женя выгрузили привезённый товар. Перенесли всё под навес из брезента и сложили так, как им приказали. День выдался удивительно жарким. Солдаты перегрелись на солнце и решили искупаться в заливе.

Красота подводного мира очаровала молодого солдата. Это было первое и, к огромному сожалению Жени, единственное погружение в море, которое он совершил. Зато парень запоминал то приключение на всю свою долгую жизнь. Он часто рассказывал об этом друзьям.

Единственным неудобством в армейской жизни Евгения было отсутствие «зелёных салаг» на продовольственном складе. Полковник Дадацкий специально набрал в своё подчинение солдат одного года рождения. Причём, взял физически крепких, спортивных ребят ростом не ниже метр восемьдесят пять. У всех бойцов имелись разряды, были два-три КМС и один мастер спорта.

Поэтому никакой дедовщины у них не возникло. Так что

к концу срока службы ефрейторы и даже сержанты их взвода ходили по-очереди во все наряды и сами мыли полы. Однако, к этому все относились совершенно спокойно.

Ещё на «гражданке», парень встречался с одной славной девушкой. После призыва он стал писать ей каждые несколько дней. В многочисленных весточках, они договорились о свадьбе и оба с нетерпением ждали окончания службы солдата.

Однако, за три месяца до скорого дембеля невеста вдруг прекратила ему отвечать. Парень слал ей депеши по три раза в неделю, но не получил никакого ответа.

В положенный срок, он демобилизовался из армии. Сел в скорый поезд, что шёл от океана к широкой реке по имени Волга, и семь долгих суток ехал в купейном вагоне. Благо, что он работал на продовольственном складе и у него имелись лишние деньги. Иначе бы трясся в плацкарте почти две недели.

Наконец, парень приехал в родную Самару. Всего на минутку парень примчался домой и увидел, что родители ещё на работе. Он бросил полупустой чемодан и, не снимая военную форму, рванулся к любимой.

Дверь открыла её сильно сдавшая мама. Она увидела Женю и очень горько заплакала. С огромным трудом, парню кое-как удалось успокоить поседевшую женщину.

Из сбивчивых объяснений старушки он понял, что квартал назад, Татьяна, как обычно ушла на работу, но домой

уже не вернулась. Ни самостоятельные поиски безутешных родителей, ни обращение в милицию, ничего не смогли прояснить. Невеста пропала бесследно.

Словно сомнамбула, Женя вернулся домой и переоделся в гражданскую рубашку и треники. Он побродил по квартире и вышел на узкий балкон, смотрящий на заброшенную, чахлую рощицу.

Парень немного подумал и с горечью понял, что не перед кем ему теперь красоваться. Он взял свой дембельский китель, украшенный аксельбантами и значками самого разного вида. Широко размахнулся, и швырнул армейскую форму на землю.

Из ближайших кустов выскочил какой-то чумазый десятилетний пацан. Он подхватил обмундирование, брошенное расстроенным парнем. Тут же напялил его на себя и куда-то умчался со счастливым лицом.

Шинель Женя бросить не смог. Просто не поднялась рука. Дело было всё в том, что когда новобранцы получали верхнюю строевую одежду, она имела не обработанный край, идущий вниз.

Согласно строгому армейскому правилу, каждый боец, должен был сам отрезать длинные полы. Причём, сделать всё так, чтобы от них до земли оказалось около тридцати сантиметров.

В ту пору, совсем неожиданно, в моду вошли полупаль-

то, которые заканчивались значительно выше колена. Многие молодые солдаты поддались подобному веянию и отчекрыжили полы до середины бедра. За такую новацию, все они получили нагоняй от начальства и по несколько нарядов «вне очереди».

Один только Женя не поддался дурному поветрию и оставил шинель той длины, какой её сшили на фабрике. Поэтому, стоя в строю, он выглядел, словно чекист Феликс Дзержинский, изображённый на известном всем памятнике. (В те времена, большой монумент возвышался в Москве, в центре большой круглой площади. В данные дни, её опять называют Лубянской.)

Всё лето и осень над парнем смеялись все сослуживцы, щеголявшие в коротких обновках. Потом, начались крепкие заморозки, а затем наступила зима. Заступавшие в ночное дежурство, солдаты немного помёрзли. Потом, они стали просить у товарища его не изуродованное «пальто».

Поэтому, Женя не стал сбрасывать вниз такую отличную вещь. Он отвёз её на дачу отца. Там шинель долгое время играла роль верхней тёплой одежды. Все её обычно использовали в случае внезапного похолодания воздуха.

Спустя один год, после возвращения из армии, пришло вдруг письмо из одной юго-восточной республики. Оказалось, что его прислал тот узбек, что был помощником Жени по армейскому складу. Тот самый, что спрятал деньги в

матраце.

В нём сослуживец коротко рассказал о себе и пригласил Женю прибыть к нему в гости. Парень не стал откладывать эту поездку. Он взял на работе положенный по законодательству отпуск и отправился в путь.

Бывший соратник встретил его на вокзале и устроил королевский приём. За время, прошедшее после благополучного дембеля, он выстроил себе замечательный дом. Весьма располнел и превратился в весьма уважаемого человека своего поселения.

Он постоянно водил Женю от одних друзей и знакомых к другим. Всем представлял его, как своего большого начальника в армии. Всеобщий почёт и уважение людей, оказываемое богатому родичу, распространилось и на прибывшего русского гостя.

– «Скорее всего, они все тут думают,» – размышлял про себя смущавшийся Женя: – «что если мой подчинённый разбогател на воинской службе, то уж я-то, наверняка, заработал значительно больше. Если бы они только знали что, я уехал из Владика с сотней рублей в кармане штанов и приемником «Спидола» в небольшом чемодане. Да и ту, кто-то украл, где-то возле Урала».

Целый месяц Женя жил в хлебосольной узбекской деревне. Он чувствовал себя, словно бай, прибывший в исконную вотчину. Затем, молодой человек простился с соратником и вернулся в родную Самару.

Парень быстро забыл о «великих возможностях», которые не использовал в армии, и стал очень спокойно жить себе дальше...

На Дальнем Востоке часть 2

Военная проза. Повесть «На Дальнем Востоке часть 2»

Издана в сборнике «Мастерская при храме», издательства «Перископ», Волгоград. 2021 г., стр.93...112

Путина

Наступила весна. Растаяли большие сугробы, лежавшие здесь с первых декад октября. Сошёл толстый лёд, сковавший реку ещё в сентябре. Тихоокеанский лосось вернулся из океана к восточной окраине СССР. Огромные рыбыны устремились к верховьям родных для них рек и речушек. Началась большая путина.

Командир полка, стоявшего у границы с Китаем, узнал об этом великом событии. Офицер снял телефонную трубку. Он позвонил заму по снабжению воинской части продуктами и приказал запастись свежей рыбой на зиму.

Нужно сказать, что в тех далёких местах это было самое обычное дело. Подобная практика позволяла разнообразить пищевой рацион служащих армии советской страны.

Полковник Дадацкий выслушал распоряжение начальства

и взял под козырёк. Он уже много раз организовывал подобные вылазки. Поэтому знал, что к чему, и велел завтра с утра, отрядить на такую работу пять человек. Среди них оказался и Женя. Вот так и случилось, что в тот примечательный день, ему не пришлось дежурить на складе.

По окончании завтрака, «рыбакам» дали бортовую машину «Зил-157» с крепким, веселым солдатом-водителем. Тогда в советских войсках эту машину все почему-то называли «паларисом». Это был большой вездеход, имевший три ведущих моста и подкачку пробитых пулями шин. Он с лёгкостью вёз пять тонн различного груза.

Зав.гар полка сунул водителю подробную карту окрестностей. Седовласый мужчина ткнул пальцем в бумагу и объяснил молодому шоферу, как можно подъехать к берегу нужной реки.

Со слов капитана все поняли, там ещё много замечательной рыбы. В течение дня солдаты наполняют машину почти что, до верха. К позднему вечеру, вернутся обратно. Убедившись, что подчинённый всё понял, офицер приказал выполнять распоряженья начальства.

Рядом с воинской частью тоже имелась бурная горная речка. К сожаленью бойцов, за многие годы всю живность там извели. Во время прохода горбуши там почти не ничего не удавалось поймать. Встречались лишь редкие, достаточно мелкие особи. Так что, пятерым «рыбакам» предстояло направиться в какую-то несусветную глушь, буквально, на край

географии.

Старослужащий бравый сержант порылся в каптёрке и дал Жене старый свёрнутый бредень. Вместе с четырьмя сослуживцами, боец залез в кузов высокой машины. Парень использовал сеть по своему назначению. Он сразу сел на неё. Ведь так будет значительно мягче филейным частям.

Шофер убедился, что все его пассажиры опустили на пол деревянной платформы и вернулся в кабину. «Зил-157» громко взревел, плавно тронулся с места, и поехал к железным воротам, украшенных красными звёздами.

В восемь утра, экспедиция из пяти «фуражиров» отправилась в путь. Нужно было добыть весомый приварок к рациону советских солдат. Зима она очень длинная в этих краях, в сусеках всё подберёшь.

В те давние годы, на территории части находилось несколько старых, давно списанных танков военных времён. Чтобы не мучаться с переплавкой машин, руководство страны решило использовать их в качестве «долговременных огневых точек», в сокращении «ДОТов».

То есть, разместить их на путях возможного наступления вероятного врага и закопать в твёрдую землю по самую башню. К этому дню, с них уже сняли двигатели с тяжёлой трансмиссией.

Бронемшины теперь не могли самостоятельно двигаться. Лишь поворачивали орудие в разные стороны. Эти «короб-

ки» цепляли прочными тросами к исправному танку под названием «ИС-2» и везли куда надо.

Сидевший в таком тягаче, механик-водитель посмотрел в небольшое окошко, прорезанное в толстой броне. Юный солдат убедился, что впереди нет ни единой души. Он дёрнул за рычаги и вдавил ногою педаль.

Мощный дизель угрожающе рыкнул. К небу взлетел султан чёрного плотного дыма, вырвавшегося из задней трубы. Пятидесятитонная боевая машина. рывком прыгнула с места.

В этот момент, путь пересёк мчащийся «Зил» с «рыбаками», сидевшими в кузове. Своим прочным лбом «ИС-2» врезался в бок летящей машины. Хорошо, что пушка оказалась задрана к небу. Иначе, автомобиль был нанизан на ствол, как на длинный шампур.

Никто не успел ничего разглядеть. Раздался треск рвущейся стали. Прочная рама «палариса» согнулась под сильным углом. Тупой клин, торчащий из носовой части танка, застрял в измятом железе. Он завяз там, как рог носорога в брюшине слона.

Бортовой грузовик легко сдвинуло с места и, без всяких усилий, потащило по бетонному плацу. Раздались глухие хлопки. Все шесть покрышек мгновенно слетели с колёс.

Сидевшие в кузове, воины сплелись руками-ногами в огромную кучу-малу. Стараясь за что-то схватиться, они с громким криком покатались к противоположному, деревян-

ному борту.

Дизель у танка немедленно смолк. Сцепившиеся насмерть машины застыли, как большой монумент. Теперь его можно было поставить на месте героических сражений, под Прохоровкой, на знаменитой Курской дуге.

Испуганные «рыбаки», словно горох посыпались наземь. Они дружно вскочили на ноги и кинулись в разные стороны. Обе дверцы кабины заклинило. Все стёкла рассыпались в мелкую крошку. Шофёр рванулся к проёму, расположенному напротив пассажирского кресла. Щучкой выпал наружу, скользнул по капоту на плац и отбежал метров на десять-двенадцать.

К счастью невезучих солдат, удар пришёлся не в бензобак. Полковые машины не вспыхнули, словно яркие факелы. Из совершенно невредимого танка медленно вылез дрожащий, как лист механик-водитель. Он был бледен, как снег.

К месту аварии, подбежал испуганный молодой офицер танковой роты. Он быстро выяснил, что люди, в общем и целом, в порядке. Сидевшие в кузове, воины получили лишь несколько ссадин. Шофёр слегка поцарапался, когда, как обезьяна выбирался наружу.

Лейтенант бросился к водителю танка и обрушился на дрожащего парня с матерной бранью. Тот лепетал, что обзор в бронемашине весьма ограничен, а все триплексы в перископе, давно уж разбиты. Они все полопались от долгой эксплуатации.

На этом, собственно, разбирательство кончилось. Прибывший на шум, завгар увидел, что случилось с грузовиком, и побагровел от вскипевшей в нём злости. Он приказал всем заткнуться. После чего, велел оттащить несчастный «палларис» в ремонтную зону, находящуюся недалеко от этого места.

Танк рывком отъехал назад. Его передняя часть с громким скрежетом вырвалась из бока автомобиля. «Зил-157» прицепили к виновнику страшной аварии. Могучий «ИС-2» поволок грузовик по нужному адресу.

Карданный вал отломился от задних мостов. Обнажившиеся обода дружно жевали покрышки и камеры. Задняя часть автомобиля была согнута по отношению к передней под сильным углом. Четыре стальных колёса скрежетали по бетонному плацу.

Ошеломлённые воины со свёрнутым бреднем двигались следом притихшей толпой. В гараже их посадили в другую машину и снова отправили на рыбную ловлю. В этот раз, они благополучно покинули территорию воинской части, выбрались на нужный просёлок и двинулись в пункт, указанный им командиром.

Экспедиция из пяти «фуражиров» отъехала от ворот на пяток километров. Дорога сильно петляла меж высокими сопками, поросшими реденьким лесом. По всему выходило, что добираться до места придётся немало часов. А там

ещё им предстояло ловить крупную рыбу в холодной реке и столько же времени возвращаться обратно.

Неожиданно Женя припомнил одного старика, жившего в соседнем с воинской частью селе. Солдат познакомился с ним совершенно случайно, но почему-то почувствовал расположение к седому мужчине. Каждый раз, когда боец приходил в тот посёлок по какой-либо надобности, то сталкивался с пожилым человеком на улице и начал с ним даже здороваться.

Однажды, они встретились возле сельпо, где солдат покупал какую-то мелочь. То ли приличные лезвия к станку для бритья, то ли лосьон для смягчения кожи. Торопиться обоим было, в общем-то, некуда. Они сели на лавочку, стоявшую у магазина. Ветеран стал вспоминать свою прежнюю жизнь. Женя вежливо слушал.

Вот тогда, старик рассказал молодому бойцу такую историю. Оказалось, что в двадцатых годах прошлого, двадцатого века, японцы заняли Дальний Восток. Самураи считали, что России уже не когда не станет сильной державой. Они собирались там остаться на долгое время и начали большое строительство.

В первую очередь, оккупанты проложили узкоколейные железнодорожные ветки и автомобильные трассы. Причём, были и такие шоссе, что пролегали по дну широких водных артерий.

Делалось это достаточно просто. Реку перекрывали

небольшую плотиной, а бурную воду отводили параллельным путём. Ровняли бульдозером грунт в главном русле и по сухому песку укладывали огромные плиты из местного камня.

Потом, горный поток снова пускали в старое ложе. Строители перемещались вверх по течению. Так они поступали несколько раз и постепенно поднимались к намеченной точке. Туда, откуда могли двигаться в нужном им направлении. В те времена, старик был мальцом. Он с любопытством следил, как ведутся работы.

По словам собеседника, одно такое шоссе шло по дну той самой реки, возле которой располагалась военная часть. Женя взял у водителя карту. Быстро в ней разобрался и понял очевидную вещь.

Если проехать по «тайной дороге», то можно значительно укоротить себе путь. Потом опять вырулить на узкий просёлок и по нему, очень быстро добраться до места. Ведь только для этого, в давнее время, японцы всё и затеяли.

Шофер внимательно выслушал молодого солдата. Немного подумал, поколебался и решил, что всё-таки стоит попробовать. Уж очень ему не хотелось сидеть за баранкой несколько лишних часов.

Машина свернула к хорошо знакомой реке, и осторожно скатилась с пологого каменистого берега. Как и говорил тот старик, дно оказалось достаточно ровным, а поток совсем неглубоким. Вода лишь кое-где доходила до ступиц высоких

колёс.

«Паларис» повернул носом к горам, синееющим далеко впереди. Мотор громко взревел. Грузовик бодро помчался вверх по течению. Иногда под широкие шины попадались какие-то камни и затонувшие обломки деревьев.

Однако, мощный тягач без большого труда переваливал через эти препятствия. Он летел дальше так, что огромные веера радужных брызг разлетались в разные стороны. Со стороны автомобиль смотрелся весьма необычно.

Всего за час с небольшим, грузовик докатился до точки намеченной Женей. Там находился удобный галечный пляж. Без всяких проблем «Зил» выбрался на нужный просёлок. Ещё через сорок минут, экспедиция оказалась у цели.

Натужно ревя, «паларис» выехал на высокий пригорок и замер на нём, словно вкопанный. Бойцы встали на ноги в кузове и посмотрели вокруг. Впереди, в узкой теснине, протекала та самая речка, куда их направляли отцы командиры.

Как и говорило большое начальство, вода в ней буквально кипела от рыбы, идущей к верховью на нерест. Не асфальтированная дорога резко ныряла в долину, зажатую с обеих сторон высокими скалами. Грунтовка пересекала неглубокий поток и поднималась на склон, лежавший напротив стоящей машины.

Автомобиль аккуратно скатился в ложбину. Мощный двигатель смолк. «Рыбаки» вылезли из высокого кузова и

быстро разделись. День стоял по-летнему жаркий. Так что, солдаты сняли гимнастёрки и брюки, оставили на себе лишь трусы синего цвета, да ещё сапоги. Иначе, поранишь голые ноги об острые камни.

Затем, «фуражиры» достали из кузова и развернули небольшой бредешок. Они вошли в холодную воду и стали ловить маленькой сеткой крупных лососей. Его было так много, что солдаты были уверены, они очень быстро справятся с данной работой. Всего-то и нужно, что набрать тонну горбуши.

Через пару минут все неожиданно поняли, что из этой затеи ничего не выходит. Огромные, сильные рыбы с неслышанной лёгкостью вырывались из очень коротких ловчих снастей, которыми их снабдили на складе. Обитатели водных пучин немедленно возвращались в родную стихию и продолжали свой путь к верховью реки.

Промучившись с четверть часа, солдаты смогли наловить и забросить в машину всего лишь несколько отличных лососей. Немного подумав, «фуражиры» решили, кое-что изменить.

В этот раз, бойцы сошли с узкого брода и спустились метра на три вниз по течению. К счастью там оказалось не глубже, чем на самом переезде. Тем временем, шофёр загнал грузовик на пригорок. Там «Зил» развернулся и, взревев мощным двигателем, тяжёлым снарядом помчался к реке.

«Палларис» влетел в воду на бешеной скорости. Тучи брызг взвились в воздух сияющим шлейфом. Высокие волны пошли от него в разные стороны. Машина промчалась по каменистому дну и по инерции выскочила на противоположный пригорок.

Как и ожидали солдаты, благодаря очень прочным, мокрым и скользким чешуйкам, лососи удивительно ловко ушли из-под широких колёс вездехода. Однако, резкое столкновение автомобиля с водой не прошло для них всё-таки даром.

Оглушённые сильным ударом, огромные рыбы потеряли сознание и, едва шевелясь, поплыли вниз по течению. Бойцы тотчас растянули коротенький бредень. Поймали пару десятков крупных горбуш и быстро утащили на берег весомый улов.

Недалеко от уреза воды Женя нашёл углубление в почве, густо заросшее высокой зелёной травой. Всю рыбу бросили в эту удобную яму и немедля вернулись к путине.

Используя трёхосный армейский «палларис» и коротенький бредень, рыбаки всего за пару часов, наловили так много рыбы, что она с трудом помещалась в скромном хранилище.

Горбушу быстро перекидали в машину. Солдаты с облегчением узнали, что их добыча до половины наполнила кузов. Ещё не «уснувшую» рыбу закрыли тканевым тентом, который обильно полили водой.

Сидеть на мокром брезенте было весьма неприятно. Бойцы нашли у реки обломки деревьев, принесённые сверку по-

током. Устроившись сверху на небольших чурбаках, они тем же путём, направились к тайной «японской» дороге. По ней, помчались к воинской части.

Оказалось, что рыбная ловля завершилась удивительно скоро. На всё, про всё, ушло шесть часов с небольшим. Поэтому, у пятёрки солдат осталось немного свободного времени.

«Фуражиры» подумали, что не стоит возвращаться на службу так рано. До ужина ещё далеко. Тебе могут найти там другую работу. Они дружно решили устроить себе небольшой пикничок.

Ведь, как не верти, они справились с заданьем начальства. Теперь можно было чуть-чуть отдохнуть. Не доезжая пяти километров до части, солдаты нашли у дороги небольшую полянку в лесу.

Как по приказу волшебника, из прихваченных с собой вещмешков, появились консервы и хлеб. Кто-то очень умело развёл небольшой костёр. На углях быстро пожарили несколько крупных лососей. Все с большим удовольствием взялись за еду. Так, пять «рыболовов» с шофёром, провели на природе четыре часа.

Во время короткого отдыха Женя лежал на примятой траве. Парень заметил, как лучи дневного светила сфокусировались в мелком осколке, кем-то разбитой бутылки. Солнечный зайчик попал на сухой стебелёк. Он тотчас задымился.

Через секунду вспыхнула слабая искорка. Язычок небольшого огня ринулся вверх и перекинулся на другую былинку. Женя увидел, что скоро начнётся пожар. Он поднялся на ноги и затоптал слабое пламя, быстро набиравшее силу.

Как и говорил капитан, бойцы отправились в путь, ближе к позднему вечеру. Они зачерпнули ведро чистой воды из ближайшей речушки. Залили прогоревшие угли костра и поехали в полк.

Ещё через час, они сдали улов на продовольственный склад, а сами отправились ужинать в столовую части. Другие солдаты принялись потрошить богатый улов и засаливать в бочках из дерева.

После плотной еды, усталые, но очень довольные, «фуражиры» вернулись в родную казарму.

Охота в тайге

В середине жаркого лета, полковник Дадацкий вызвал Женю в свой кабинет. Он приказал: – Приготовь всё, что нужно для пикника. Отправляемся завтра с утра. Кроме меня, там будет нач.штаба и ком.полка.

После завтрака, возьмёшь трёх человек из тех, кто свободен от боевого дежурства. Вместе с ними пойдёшь на оружейные склады. Получишь там четыре «калашниковы» и четыре полных подсумка. Каждый на три рожка с боевыми патронами. У начальства я всё утвердил. Оттуда, нигде не за-

держиваясь, прямо сюда. Понял боец?

– Так точно! – по-уставному откликнулся Женя. Он вернулся на продовольственный склад и стал собирать инвентарь и продукты, которые могли пригодиться в поездке на лоно природы: консервы разного вида, миски, кружки, ложки, ножи, шампуры и много других очень нужных вещей. Ведь поедут они на машине. Значит, не придётся всё тащить в рюкзаке.

Женя доподлинно знал потребности трёх армейских полковников в крепких напитках. Он щедрой рукой налил три полулитровые бутылки медицинского 96-градусного спирта.

Парень немного подумал и, на всякий случай, взял ещё и двадцатилитровую жестяную канистру. Горючая жидкость наполняла её более, чем в половину. Кто его знает, как всё там повернётся на свежем-то воздухе? Вдруг офицерам покажется мало?

Следующее утро, прошло именно так, как приказывал полковник Дадацкий. Получив боеприпасы с оружием, Женя с другими бойцами вернулся к продуктовому складу.

Возле открытых ворот он увидел бортовой «Зил-157». Рядом с ним стоял «ГАЗ-69» с четырёхдверным пятиместным металлическим кузовом и с задним сиденьем, рассчитанным на трёх человек.

Старшие офицеры сели в комфортабельный «газик». Комполка впереди, начштаба с Дадацким за ним. Солдаты

залезли в кузов автомобиля, где лежали припасы, приготовленные для долгой поездки.

Командирский автомобиль резво тронулся с места и направился напрямиком к КПП. Следом за ним устремился громоздкий «паларис». Небольшая колонна выехала с территории воинской части. Свернула на едва заметный просёлок и углубилась в тайгу.

Около часа, машины петляли по сильно разбитой грунтовке. Потом, остановились возле ручья. Их встретил какой-то мужчина среднего возраста. Он был в засаленной кепке, поношенной воинской форме и сапогах из кирзы. За плечом у него находился потёртый боевой карабин оружейника «Симонова».

Со слов комполка, солдаты узнали, что это местный лесник. Он поздоровался за руку с тремя командирами и сообщил, что выследил то, что им нужно. Сейчас зверь пасётся в километре отсюда.

Водители и двое кладовщиков стали устраивать временный лагерь. Они собирали по лесу валежник и разводили приличных размеров костёр. Офицеры взяли по автомату «Калашникова». Четвёртый они предложили «хозяину леса».

Тот без эмоций ответил, что предпочитает оружие, к которому сильно привык. Стараясь ступать, как можно тише, люди цепочкой отправились в лес. Впереди, совершенно неслышно, шёл крепкий егерь.

Следом двигались подтянутые ком.полка и нач.штаба. За ними пыхтел тучный зам. по снабжению, Дадацкий. Женя и его сослуживец замыкали небольшую процессию.

Мотострелковый полк находился в приграничной зоне СССР. Она была совершенно закрыта для доступа обычных людей. Тем более, для граждан Китая. В те времена, там водилось много разных зверей. Их не беспокоили лихие туристы или те же охотники.

Местных жителей вокруг обитало на удивление мало. К тому же, они не совались в тот лес, что примыкал к воинской части. Мало ли что, там может случиться? Например, начнутся учения, где начнётся стрельба боевыми патронами. Глядишь, ни за что и убьют.

Спустя полчаса, проводник взмахнул левой рукой. Знак говорил, чтобы все двигались совершенно бесшумно. Военные пошли почти что, на цыпочках. Вернее сказать, начали ставить подошвы так осторожно, чтобы сухие ломкие ветки не попали под их сапоги.

Ещё через десять минут, экспедиция оказалась на невысоком пригорке. Перейдя на тихий шёпот, егерь приказал офицерам пригнуться. Растянуться в короткую линию, перпендикулярную ходу движения. Взять оружие наизготовку и подойти к той опушке, где росли густые кусты. Под конец, он напомнил, что стрелять можно будет лишь по его указанию.

Повторяя движения трёх офицеров и егеря, солдаты осто-

рожно шагали за ними. Бойцы спрятались за большими деревьями. Посмотрели сквозь завесу листвы и увидели широкую лесную прогалину. Среди обширного луга стоял крупный лось. Никуда не спеша, он жевал зелёные стебли высокой травы.

На взгляд Жени, расстояние до зверя составляло всего сотню метров. Матёрый сохатый оказался величиною с быка. Вот только, своей конституцией он больше походил на оленя благородных кровей. Весил самец чуть менее тонны. Массивную голову украшали большие рога. Их размах достигал роста мужчины.

Четыре охотника подняли оружие и навели все стволы на дикого зверя. Егерь крикнул: – Огонь!

Загрохотали очереди трёх автоматов. Множество пуль зашвистело вокруг ошеломлённого лося. Он сильно дёрнулся несколько раз. Скорее всего, пара тяжёлых зарядов, всё же нашли свою цель. Однако и эти ранения не сбили животного с ног. Они не помешали самцу мощно прыгнуть вперёд и улететь на несколько метров.

Раздался выстрел из карабина. Кусочек свинца ударил сохатого чуть ниже левого уха. Пробил череп и разрушил часть мозга. Голенастые ноги у лося вдруг подломились. Он упал грудью на землю и покатился по траве кувырком.

Расстреляв все за пару секунд, военные взялись за подсумки. Офицеры выхватили из них магазины с запасными патронами и принялись заряжать боевое оружие.

Трясущиеся от возбуждения, руки действовали весьма неуверенно. Они не позволяли попасть железным рожком в приёмную щель автомата. Егерь спокойно передёрнул затвор карабина и выстрелил снова. Пытавшийся подняться, сохатый бессильно рухнул в траву и застыл на земле.

Наконец-то, полковники справились с перезарядкой. Офицеры подняли головы и, с большим сожалением поняли, что всё уже кончилось. А им так хотелось ещё попалить в белый свет, как в копейку.

Лесник поставил оружие на предохранитель и привычным движением забросил его за плечо. Мужчина спустился с пригорка. Пересёк всю поляну и подошёл к сражённому пулею лосю.

Егерь достал из кожаных ножен короткий кинжал с широким обоюдоострым клинком. Взялся за большие рога убитого зверя и повернул его голову так, чтобы она упала на бок.

Затем, полосонул по незащитно открытому горлу и отступил в правую сторону. В землю ударила тугая струя тёмной жидкости. По мышцам прошла последняя судорога. Жизнь очень быстро покинула мощное тело животного.

Солдаты помогли леснику освежевать огромного зверя. Женя тоже участвовал в таком сложном деле. Он насчитал в толстой шкуре сохатого всего три пробоины. Все они проскочили навывлет и не затронули важных внутренних органов.

Так что, эти ранения, не являлись фатальными. Если бы не точные выстрелы егеря, то, скорее всего, зверь удрал в ближайшие заросли. Там, забился в непроходимую чащу и, может быть, даже не умер, а успешно продолжил жить себе дальше.

Вырезав большую часть тёмного мяса, солдаты завернули его в плащ-палатки. Затем взялись за края прочной накидки и направились к автомобилю, стоявшему в километре от широкой поляны. Так, они перенесли всю добычу к машинам.

Запыхавшись от тяжёлой работы, кладовщики вернулись из последнего рейса. Костёр, который развели два водителя, уже прогорел. Солдаты нанизали мясо на шампуры и устроили его над углями.

Затем, отправились к небольшому ручью. Вымыли руки с хозяйственным мылом и занялись сервировкой. Складной стол и стулья привезли из столовой. Их разместили прямо в высокой траве.

Полковники сели к накрытой «поляне» и подняли тост за удачную охоту на лося. Офицеры махнули по полстакана разведённого спирта. Закусили жареным мясом и повторили всю процедуру ещё несколько раз.

Скоро все охмелели и начали бессовестно хвастаться. Они громко спорили. Каждый убеждал двух друзей, что только его точный выстрел свалил большое животное. Каждый обращал свой взгляд к леснику. Мол, хоть ты им об этом скажи.

Егеря пил очень мало. Он с усмешкой смотрел на всюю

разошедшихся спорщиков, но упорно молчал. Видно, лесник часто ездил в тайгу с офицерами и доподлинно знал, что можно от них ожидать.

Мужчина давал трём военным истратить уйму патронов, но сам не стрелял. А вот если все они промазали, то одной-двумя пулями добивал несчастного зверя.

Ближе к вечеру, пикник всё же закончился. Уставшие за день, солдаты посадили пьяных полковников в «газик». Бросили вещи и мясо в кузов «палариса» и направились в расположение полка.

На обратной дороге заехали на добротный кордон лесника. Там, во дворе, сгрузили четвёртую часть разрубленной туши. Помня наставленья Дадацкого, Женя отдал проводнику две бутылки медицинского спирта.

Добравшись до части, кладовщики развезли всех начальников по их просторным коттеджам. Сдали вялых мужчин весьма недовольным супругам, а в качестве приза, вручили каждой из них по центнеру свежего мяса.

После чего, солдаты вернулись в казарму. Там они выяснили, что опоздали на ужин в солдатской столовой. Парни не сильно расстроились. Они быстро переоделись в чистую форму и стали готовить еду на скорую руку.

Так уж случилось, что в этот памятный день, у них и у двух шоферов, было вволю жаренной на сковородке лосятины. Свежее мясо запивали разбавленным спиртом. Вечер

прошёл на удивленье приятно.

На берегу океана

Как-то раз, жарким летом, Женю послали в командировку по делам службы снабжения. Так он оказался в небольшом городке Уссурийск. Солдат прибыл на армейскую продуктовую базу и получил всё, что было положено по документам, подписанным командиром Дадацким.

Солдат собрался уже возвращаться в военную часть и тут, узнал интересные новости. Оказалось, что по дороге обратно ему нужно заехать в лагерь аквалангистов, что расположен на самом берегу океана. Там ихтиологи, по заданию Министерства обороны советской республики, изучали Амурский залив.

В кузов «палариса» погрузили мешки и какие-то ящики и кусок от замороженной туши свиньи. В кабину сел молодой лейтенант. Офицер открыл планшет и показал на карте то место, куда им нужно попасть.

Сначала, машина шла по шоссе в направлении селенья Славянка. Потом, свернула на таёжный просёлок, уходящий налево. Долго петляла по разбитой грунтовке. Затем, выскочила на пустой, длинный пляж, тянувшийся вдоль бескрайнего простора воды. Это и был тот большой океан, который, с чей-то лёгкой руки, все знали, как Тихий.

Голубая вода уходила за край горизонта. На берегу на-

ходился абсолютно чистый песок. Лишь кое-где темнели некрупные камни и стволы старых деревьев, что вынесли волны на берег.

Нигде не было видно даже следа человеческой деятельности. У Жени создалось впечатление, что на всей планете нет никого, кроме них. Остались лишь три человека, катившие в грузовике прямо на юг.

Наконец, впереди появились палатки, стоявшие на невысоком пригорке. «Зил-157» проехал ещё сотню метров и затормозил. Он прибыл к лагерю небольшой научной команды.

Под руководством летёхи, водитель и Женя выгрузили привезённый товар. Перенесли всё под навес из брезента и сложили так, как им приказали. День выдался удивительно жарким. Солдаты перегрелись на солнце и решили искупаться в заливе.

Благо, что теперь у них имелась причина для подобной задержки. Как-никак, они не ушли в самоволку, а выполняли указание начальника уссурийского армейского склада. На это у них имелась бумага с печатью.

С большим облегчением, бойцы сбросили пропотевшую форму и подошли к краю берега. Тут из огромного моря вылезли три аквалангиста. Как оказалось, они собирали образцы морской живности.

Женя помог им вытащить на сушу тяжёлые сетки с добычей, а так же снять снаряжение и резиновые гидрокостюмы. Понемногу он разговорился с одним ихтиологом. Тот сооб-

шил, что через час, ему нужно снова лезть в солёную воду. Осмотреть там десяток ловушек и взять то, что в них попадётся.

Парень отличался редкой коммуникабельностью. Каким-то таинственным образом, он у всех окружающих вызывал доверье к себе. Кладовщик умело использовал свойства своего «золотого» характера.

Ему удалось убедить молодого ныряльщика взять его с собой в глубину. Тот немного поколебался, но поддавшись обаянию парня, согласился исполнить просьбу солдата.

Подошёл срок отправляться в подводное плавание. Ихтиолог помог парню надеть гидрокостюм и вскинуть на спину заряженный кислородом баллон для дыхания. Молодой человек объяснил и показал, что и как нужно делать, чтобы не задохнуться в пучине.

Ещё он велел не удаляться от берега больше чем на семь-восемь метров и не погружаться глубже пяти. Затем, зашёл вместе с Женей в Амурский залив. Убедившись, что новичок всё делал правильно, аквалангист занялся своими делами.

Красота подводного мира очаровала молодого солдата. Там он смотрел на множество разнообразных животных: крабов, колючих ежей, морских огурцов и разноцветных моллюсков.

Развесистые ветви кораллов и всяческих водорослей торчали из песчаного или каменистого дна. Пятиконечные звёз-

ды ползали между ними, никого не боясь. Это было весьма необычно и находилось в непосредственной близости. Всё, кроме стремительных рыб можно было потрогать руками.

Женя увидел всё то, что через несколько лет, стали показывать в кинотеатрах и в телевизорах СССР. Речь идёт о тех самых фильмах, что снял знаменитый исследователь подводных глубин Жак Ив Кусто.

Это было первое и, к огромному сожалению Жени, единственное погружение в море, которое он совершил. Зато парень запоминал то приключение на всю свою долгую жизнь. Он часто рассказывал об этом друзьям.

Вернувшись на берег, Женя узнал, что ихтиологи уже приготовили ужин. Гостей пригласили к большому столу, сколоченному из широких досок. Кладовщик и шофёр поколебались чуть-чуть, но всё же решили откинуть условности.

Раз офицеры приглашают солдат поесть вместе с ними, то нечего тут им стесняться. Женя сходил к грузовику и принёс две бутылки медицинского спирта. Их он, на всякий пожарный, прихватил с собою в дорогу.

Все обитатели лагеря приняли презент на ура. Они опрокинули по полстакана живительной влаги и дружно взялись за еду. Ныряльщики работали в заливе довольно давно. Они уже смотреть не могли на деликатесные морепродукты.

С большим удовольствием ихтиологи ели то мясо, что привезли Женя с шофёром. Солдаты чувствовали совершенно обратное. Они налегали на рыбу, креветок и крабов. Сви-

нина им надоела в столовой.

Утром нового дня, бойцы поднялись на рассвете. Они быстро позавтракали и двинулись в свою военную часть. Водитель получил подробную карту маршрута, но, к удивлению Жени, не уселся за руль.

Он плюхнулся на соседнее, пассажирское кресло. Свое поведение шофёр объясни странным образом: – На пляже сейчас нет ни единой души. Ты ни на кого не наедешь. Поэтому, можешь потренироваться в вождении.

После чего, объяснил, что нужно делать, чтобы «паларис» тронулся с места. Женя выполнил все наставления и они, никуда не спеша, поехали по совершенно пустому берегу моря. Парень быстро освоился с тяжёлым грузовиком и вёл его около десяти километров.

Затем, своё место занял водитель. Они свернули с песчаного берега и углубились в тайгу. Выбрались с небольшого просёлка на шоссе Уссурийск – посёлок Славянка, а ближе к обеду, добрались до места.

Истории трёх поколений

Военная проза. Подборка рассказов «Истории трёх поколений»

Рассказы «Золотоискатель», «Солдат Первой мировой» и «Танкист Великой Отечественной»

Кроме того, рассказы вошли в роман о войне «Пылающий 42-й. От Демянска до Сталинграда» издательство ЭКСМО май 2017г.

Золотоискатель (прадед)

Всё началось ещё с прадеда. Первого октября 1880 года Василий Николаевич Первов встречал знаменательный день. Ему тогда стукнуло тридцать пять лет от рождения. Как и положено, в такой ситуации, мужчина знатно отметил свой юбилей и крепко принял на грудь. Упившись до положения риз, именинник свалился на пол и проспал до полудня.

Ближе к обеду он всё же открыл опухшие от пьянки глаза и кое-как поднялся на ноги. Он, проглотил жбан огуречного крутого рассола, который жена принесла с ледника, заел ложкой гречишного мёда и лишь после этого, наконец-то проснулся.

Мужчина немного очухался и посмотрел мутным взглядом вокруг. Он увидел добротное хозяйство крестьянина, что было нажито упорным трудом, и внезапно для всех, впал в глухую тоску.

К настоящему времени, он получил уже всё, чего сильно желал в ранней юности. У него имелась здоровая, очень красивая, работающая молодая жена. Пятеро крепких и умных

детей, в которых уже проявились черты их родителей. В хлевах находились три прекрасных коровы, а также лошадь со всей нужной упряжью и новой телегой. Плюс ко всему, был полный двор мелкой живности и всяческой птицы: овцы и свиньи, гуси, утки и куры.

Василию Николаевичу оставалось поддерживать большую усадьбу в должном порядке, растить своих отпрысков и копить приличные деньги на их отделение от крепкой семьи. Ведь всем его девкам нужно справить приданое. Ну, а парням он должен помочь обзавестись приличным двором. Там они, они все, начнут свою семейную жизнь.

Родные и близкие люди смотрели на справного всегда мужика и с раздражением думали: – «И чего дурию-то мается? Всё у него как у людей, и даже чуть больше, чем должно. Так нет же, ему вдруг, захотелось ещё неизвестно чего!»

А страдал Василий от мысли, что ничего нового в его тихой жизни уже не случится. Всё определено на многие годы вперёд и будет двигаться дальше по навсегда заведённому правилу.

В те давние годы, дедушка Доли жил в селении Княгинино. Оно расположено в полтораста верстах от Нижнего Новгорода и в семнадцати от поселения Большое Мурашкино. Места эти весьма примечательные и встречаются в летописях давних времён. Кроме того, именно здесь происходили события, которые так хорошо описал Мельников-Печерский в своём толстом романе о старовегах. В первой книге – «В

лесах» и второй – «На горах».

Со времён монголо-татарского ига в Большом Мурашкино регулярно шумели крупные ярмарки. На них съезжались купцы из других волостей и сообщали знакомым множество интересных историй. Болтали о тех странных местах, где они побывали, о тех приключениях, что испытали в дальней, опасной дороге.

Именно там Василий узнал, что в глубине далёкой Сибири расположилась губерния, которая именуется Томской. Она такая огромная, что раз в двадцать больше, чем Нижегородская. Посреди непроходимых лесов расположен внушительный город, что зовут Мариинск. Именован он так в честь жены Александра II – Марии Александровны и стоит на берегу широкой реки со странным прозвищем – Кия.

А по-над руслом потока расположены прииски, где местные люди моют песок и добывают несметное количество золота. Дорогого металла так много, что какой-то шалый промышленник заказал из него большую медаль, что потянула все двадцать фунтов. А это, почитай, что полпуда!

– Носить её постоянно, конечно, нельзя – шея быстро отвалится, но показаться во время торжеств – одно удовольствие, – говорил богачей всем своим домочадцам. – Пусть люди глядят на меня, да завидуют!

Другой ушлый купец раздавал всем желающим свои визитные карточки. Причём каждая из них состояла из «рыжи-

вья» и стоила столько, что можно купить неплохую корову. Знающие люди болтали, что кое-кому из счастливцев попадают богатейшие россыпи. Там драгоценный песок можно грести совковой лопатой, а иногда, найти самородки размером с баранью башку.

Наслушавшись подобных рассказов, тридцатипятилетний Василий внезапно решил тронуться с места. Мужчина собрал котомку с вещами и простился с семьёй, Человек присоединился к артели из таких же, как он, беспокойных, неусидчивых чудиков, сел с ними в поезд и уехал в Сибирь. В то давнее время, железную трассу не дотянули до самого Мариинска. Часть большого пути пришлось пройти на телеге, а кое-где, перемещаться пешком.

Более двух долгих лет, о Василии не было ни слуху, ни духу. На третий год, мимо его крепкого дома ехал мужик, жил в их поселении. Он недавно вернулся с крупного торго, проходившего в ближайшем селе. Крестьянин увидел хозяйку, хлопотавшую возле крыльца, подозвал молодуху к забору и рассказал ей такую историю:

– Я прибыл в Лысково вчера поздним вечером. С утра быстро продал весь мой товар и собрался уже возвращаться назад. Перед дальней дорогой я решил хорошо закусить.

Зашёл в приличный трактир, стоящий у пристани Волги, занял удобное место и вижу такую картину. Дверь широко открывается, а на пороге стоит ваш Василий. Одет он был,

очень добротню, в отличных портах и поддѣвке. На ногах сапоги из очень блестящей яловой кожи. На голове новый картуз с козырьком.

Мы поздоровались, и я пригласил его, сесть ко мне. Он сильно обрадовался неожиданной встрече и устроился рядом. Затем, подозвал полового и заказал миску мясных наваристых щей с пирогами из рыбы, да рюмочку водки.

Пока халдей бегал на кухню, ваш муж сообщил, что все остальные артельщики остались работать в Сибири. Деньги они там загребали немалые, но ему надоела несусветная глушь, куда они все забрались. Мол, там, на множество вѣрст не было ни одного человека. Только глухая тайга да дикие звери.

Василий собрал всё, что сумел накопить, простился с друзьями по промыслу и по Транссибирской железной дороге вернулся назад. Доехал он до реки Керженец, сел на плоскодонную баржу, гружѣнную льном, и спустился до Волги. Потом, переправился через неё на пароме, вошёл в этот кабак, и встретил меня.

Мы пригубили за встречу по маленькой и, хорошенько поели. Я рассказал, что прибыл сюда на телеге, и предложил, подвезти его до села. Ваш муж сообщил, что почитай, доехал до дома. Поэтому ему некуда больше спешить. Он сильно соскучился по хорошему обществу, и какое-то время здесь ещё посидит.

Он опять подозвал полового. Заказал полуштоф полугара, а с ним большой гранёный стакан. Почти не закусывая, Василий выпил бутылку в три быстрых приёма и, естественно, тотчас охмелел.

Он достал из кармана бумажник, что походил на толстую книгу и показал его всем окружающим. Потом, похвалился, заработанными в Сибири деньгами, и принялся угощать всех подряд. Сколько я не просил вашего мужа, поехать со мной, он ни в какую. Встал на своём и ни с места.

Кончилось тем, что Василий кликнул хозяина того заведения, взял ведро водки и большую корзину разной закуски. После чего, позвал всех, кто находился в трактире, сходить вместе с ним к берегу Волге. Мол, он желает проветриться.

Он велел половому отнести полугар и закуску на берег, встал из-за стола и, качаясь из стороны в сторону, вышел на улицу. Выпивохи вокруг заголосили, как на базаре. Они схватили свои картузы и кинулись следом.

Я хотел увезти вашего мужа домой, шёл за ним следом и просил его сесть в мою пустую телегу. Василий делал вид, что не слышит меня. Несмотря на мои уговоры, он повёл всех гуляк прямо к реке. По дороге наткнулся на табор цыган с гитарами, бубнами и бурым медведем и тоже позвал их с собой.

Оказавшись на пристани, Василий увидел большой пароход, стоявший у пристани. Он поговорил с капитаном того корабля, заплатил ему кучу денег и арендовал колёсное суд-

но до Астрахани. Затем, пригласил собутыльников и весёлых ромалов с их причиндалами.

Музыканты поднялись на палубу. Ударили в бубны и струны, и начались громкие песни и дикие пляски. Корабль дал длинный прощальный гудок. Отчалил от берега и отправился вниз по течению Волги.

Услышав эту историю, жена золотоискателя заголосила так громко, словно любимый супруг не уехал по Волге с цыганами, а его бедолагу, убили разбойники в далёкой Сибири.

Она схватила полено, лежавшее возле забора, и бросилась на человека, принесшего недобрую весть. Тот едва смог отбиться от обезумевшей бабы, хлестнул лошадей и бросился прочь от негостеприимного дома.

Матрёна бежала вслед за телегой и громко кричала на всю широкую улицу. Она голосила о том, что сосед должен был, силком привезти пьяного мужа, а не спокойно смотреть, как он нанял пароход.

Хорошо, что крестьянин с Василием жили на разных концах большого села. Скоро женщина сильно отстала. Она запыхалась и поняла, что не сможет догнать бегущую лошадь. Тихо рыдая, Матрёна вернулась назад. Все вокруг посмеялись над её неожиданным горем и вернулись к делам. Коварная жизнь пошла себе дальше.

Месяц спустя, голодный, ужасно худой и почерневший от

солнца, Василий вернулся в селенье Лысково. То есть, явился туда, откуда он начал вояж на пароходе с цыганами.

Только сегодня он прибыл не с холодного севера, а с жаркого юга. Он оказался босым, сильно оборванным и без копейки денег в кармане. «Удачливый золотоискатель» зашёл к мужику, с которым он проворачивал кое-какие дела. Он объяснил своё положение и, не заходя на крыльцо, попросил у товарища в долг полрубля серебром.

Дородный хозяин слышал историю, что учудил его старый приятель месяц назад. Поэтому он ссудил ему деньги, а заодно, предложил миску наваристых щей и чарочки водки, так сказать, для начала другого загула.

Василий отверг его предложение злыдня и прямым ходом рванул на базар. Он заглянул к одному из знакомых купцов. Там выложил добытые гроши, и взял небольшие гостинцы для всей своей дружной семьи: ситцевые платки для старенькой матери и красивой жены, а так же игрушки для любимых детей.

Мужчина сложил всё в узелок, повесил его на небольшой батожок за спиной и уверенным шагом устремился к родному селу. Он отмахал одним духом двадцать семь верст по просёлку и, наконец-то, добрался до нужного места.

После «золотого» вояжа в Сибирь, человек вдруг успокоился и стал опять исправным хозяином. Мало того, с тех самых пор, Василий не уезжал из селенья Княгинино, больше чем на несколько дней. Так и прожил там всю жизнь до кон-

ца. Ну, а скончался старик, когда его внушительный возраст перевалил немного за восемьдесят. Большая усадьба перешла к его старшему сыну по имени Фёдор.

Солдат Первой мировой (дед)

Так же, как и всем памятный прадед, Фёдор Васильевич был весьма непростым человеком. Он родился в 1887 году, через три года после того, как Василий вернулся из путешествия на золотые прииски Сибири. По словам односельчан, дед славно поработал в тайге. Он привёз кучу денег и, по прибытии в родные места, закатил грандиозный кутёж.

Вы хорошо понимаете, что на такой необычный поступок смог бы решиться не каждый мужчина. Это мог сделать лишь тот человек, кто имел авантюрный характер. Кроме того, он прихватил с собой табор цыган с гитарами, с бубнами и бурым медведем. Нужно ли говорить, что подобный загул вошёл в устную летопись края и остался там на века.

К восемнадцати годам от рождения, отец Доли влюбился в красивую девушку из очень большой, но бедной семьи. Фёдор пришёл к грозному батюшке, немного помялся и, набравшись отчаянной смелости, попросил, заслать к зазнобе сватов.

Василий же думал, что не стоит родниться со столь худыми соседями. Он выложил сыну всё то, что думает о нищетах, и отказал ему наотрез. Фёдор был горячим в отца, и

пришёл в сильную ярость. Он в пух и прах разругался с отцом и пригрозил, обвенчаться без благословенья родителя.

Услышав такие слова, отец твёрдо сказал:

– Если меня не послушаешься и не сделаешь так, как ве-
лю, то вычеркну тебя из своего завещания и ты не получишь
участок земли.

В те далёкие годы, оставшийся без надела крестьянин ли-
шался всех средств пропитания. После чего, у него остава-
лось лишь три варианта – идти в батраки к богатым соседям,
отправляться на заработки в какой-нибудь город, или ехать
в Сибирь, на поиски золота.

Сын пререкался с отцом несколько дней, а тем време-
нем, злодейка-судьба распорядилась по-своему. Родители
избранницы Фёдора сговорились с другими людьми и выда-
ли дочь за вдового пожилого крестьянина.

Он оказался очень немолод, имел пять малых детей, и вла-
дел очень богатой усадьбой. Девушку он не любил, но ребят
нужно было кормить, одевать, обихаживать, да и лишние ру-
ки в хозяйстве, ой как нужны. О том, хочет ли девушка, жить
с таким стариком, её почему-то забыли спросить.

Узнав, что зазнобу отдали другому мужчине, Фёдор со-
вершенно расстроился. Он собрал в узелок свои вещи и от-
правился неизвестно куда. Молодой человек вышел из села
под названьем Княгинино, отмахал пешком более ста кило-
метров, а через два долгих дня добрался до Нижнего Нов-

города. Он пересёк городскую заставу, и начал искать хоть какую работу.

Какой-либо профессией он не владел, а в косарях или пахарях, там нужды не имелось. Фёдор стучался в конторы многих заводов и фабрик и везде получил лишь отказ. Под конец долгого дня, парень пришёл на ближайшую волжскую пристань.

Уже много веков, там трудились те люди, что остались без средств к существованию. Большую часть из них, составляли неграмотные татары, приехавшие сюда из-за Волги.

Фёдор побродил по песчаному берегу и скоро узнал, что работа есть только у крючников. В то далёкое время, так называли простых крепких грузчиков. Они носили мешки или ящики с баржи на берег, или обратно.

Необходимым условием найма была огромная сила и недюжинная выносливость. Ведь, работали с темна до темна, а из всех механизмов у них имелись лишь два удивительных штуки.

Во-первых, верёвочная портупея, крепившая на поясницу подставку из дерева. Её звали седёлкой и опирали сверху тяжёлую ношу. Во-вторых, короткий металлический крюк на ременной петле. Им подцепляли увесистый груз и клали на собственный горб.

Носильщики трудились с восхода и до заката, и за световой долгий день, каждый из них перетаскивал от двух до четырёх сотен кулей. Причём, огромные упаковки товара ве-

сили от семидесяти до ста килограммов. Купцы всегда торопились с отправкой собственной баржи. Поэтому крючники передвигались мелкой побужкой.

Нужно сказать, что в хорошей артели, да в сухую погоду, удавалось сшибить достаточно много – до пяти полновесных рублей за полную смену. Но едва проливались дожди, как разгрузка-погрузка тотчас прекращалась, и начинался простой. Какое-то время, все мучились от безделья «всухую». Затем, принимались понемножечку пить, и все деньги у них уходили в ближайший кабак.

Так и работал Фёдор Васильевич в городе Нижнем более восемнадцати месяцев. Летом он крутился на пристани, зимой чистил снег во дворах горожан и колол дрова всем желающим.

Затем, в Княгининской волости объявили военный призыв. Молодой человек был младшим сыном в семье. Поэтому, на него пала почётная участь – идти служить в русскую армию.

Фёдору ещё повезло. Он жил в зажиточной крестьянской семье. Ещё в раннем детстве, отец отдал сына в церковно-приходскую школу, где он окончил четыре класса, положенные по тогдашним законам.

Власти учли полученное Фёдором образование, и парня должны были «забрить» всего на три года, а не на шесть, как это делали с совершенно неграмотными молодыми людьми.

Узнав о призыве, прадед Василий приехал в столицу губернии и непререкаемым тоном сказал непутёвому сыну: – Немедленно возвращайся назад!

К этому времени, Фёдор уже успокоился по поводу не случившейся свадьбы и совершенно наелся вольных хлебов. Он молча собрал небольшую котомку, прыгнул в телегу и поехал в село. По дороге, отец объявил ему свою волю. С его слов выходило, что перед уходом в русскую армию, сын должен жениться.

На вопрос: – Зачем это нужно?

Последовал жёсткий ответ: – Тебя не было дома более полутора лет. Всё это время, у нас не хватало одной пары рук. Теперь тебя забирают ещё на три года. То есть, наше хозяйство будет и дальше постепенно хиреть.

Поэтому, я велю тебе обвенчаться. Пока ты будешь тянуть армейскую ляжку, вместо тебя станет пахать твоя молодая жена. Вернёшься со срочной, а там всё наладится. Стерпится, слюбится! – в заключение, дед повторил ту же угрозу, что и раньше: – Ослушаешься, лишу земляного надела!

Поработав на пристани крючником, Фёдор отлично усвоил, почём же он фунт российского лиха. Так что, остаться без крупного, по тем понятиям, наследства ему совсем не хотелось.

Парень скрепил своё сердце и согласился жениться на той самой девушке, которую выбрал бережливый отец. Как он

и думал, скорая свадьба не принесла ему счастья, а только добавила новых забот.

В памяти парня постоянно всплывала дорогая ему Евдокия, которую выдали за пожилого крестьянина. Молодая супруга, ему опостылела, и чтобы бедняга не делала, всё было не так и не эдак.

Промучившись с нелюбимой женой две недели, он со спокойной душой, оставил её. Фёдор собрал вещмешок и ушёл с новобранцами в русскую армию. Несчастливая новобрачная осталась работать вместо него.

Оказавшись в рядах царской армии, будущий отец Доли, Фёдор Первов сразу втянулся в новую жизнь. Дела быстро наладились и очень скоро, он проявил свои лучшие качества. Всё получалось так здорово, что к концу третьего года, солдат вырос до унтер-офицера. После этого, он немного подумал, решил не возвращаться в село и остался в войсках на сверхсрочную службу.

В 1914 году началась Первая мировая война или, как тогда писали в газетах: – «Вторая Отечественная». – ушлые журналисты имели в виду, что первой называлось «битва с сорока языками», случившаяся столетие назад, в 1812 – 1814 годах.

Тогда Россия тоже сошлась в поединке с захватчиками. В тот давний раз, она столкнулась с войсками Европы, которые Наполеон объединил под своим руководством.

Кавалерийский полк, где служил Фёдор Первов, срочно сняли с хорошо обжитого места и, одним из первых, направили на Юго-Западный фронт. Воевал парень очень умело. Много раз отличался в боях, за что был многократно отмечен начальством. За свои ратные подвиги, он получил серебряные награды солдат четвёртой и третьей степени, плюс к ним, золотой крест второго разряда.

Ему оставалось совсем ничего – получить золотую медаль первой ступени и тогда, он стал бы полным «Георгиевским кавалером». А в те времена это было очень почётное звание в царской России. Владельцы наград получали денежные поощрения, им назначалась пожизненная, довольно приличная пенсия.

Но злодейка-судьба распорядилась иначе. В начале августа 1915 года, русские военные части перешли под командование генерала Николая Иудовича Иванова. Они снялись с места, пошли в наступление и сошлись с австро-венгерскими армиями. Ими тогда управлял эрцгерцог Фридрих Австрийский.

Началась широкомасштабная Галицийская битва. Как всегда бывает в бою, удача в тот раз, оказалась на стороне сильнейших бойцов. Противник не устоял под натиском наших отрядов, откатился назад и оставил Восточную Галицию и большую часть Буковины.

В ходе преследования отступавших врагов, эскадрон Фёдора оказался на широком лугу. Он попал под массирован-

ный артиллерийский обстрел, потерял половину состава и попытался уйти из-под огня.

Едва стихли разрывы, как появилась иноземная конница. Из небольшого лесочка вылетел эскадрон венгерских гусар, одетых в тёмно-голубые мундиры и ярко-красные брюки. Они достали из ножен длинные кавалерийские сабли и атаковали оглушённых противников. Большую часть зарубили на месте, а с десятков драгун взяли с собой. Среди выживших воинов, оказался и Фёдор Первов.

Их переправили в лагерь, расположенный на территории Австрии. Фёдор попал в совершенно иные условия, и началась другая пора – жизнь заключённого. Охраняли всех пленных, спустя рукава. За один только год, кавалерист трижды пытался удрать.

В первом случае, он без всяких проблем вышел из зоны и устремился в сторону Родины. Молодой человек пересёк границу Чехии, был пойман и вновь возвращён за колючую проволоку. Во время повторной попытки, его задержали почти в центре Словакии. В третий побег, перехватили уже на востоке вражеской Венгрии.

Так уж случалось, что каждый раз, его ловили те патрули, что состояли из солдат данной державы. Они допрашивали беглеца и отправляли в лагерь военнопленных, находящийся под их юрисдикцией. Из австрийского лагеря, он попал в немецкий, оттуда в румынский, а затем, был переведён в

итальянский.

К этому времени у Германии, Австрии и всех их союзников, начались большие проблемы. Почти все мужчины оказались на фронте. Так что в тылу, не кому стало работать. Как и другие правительства, наследники цезаря оказались точно в таком положении.

Чтобы поправить дела в экономике, они решили использовать труд военнопленных. Их посадили в вагоны и отправили на свою территорию. Вместе с другими солдатами, Фёдор оказался на полуострове который зовут Апеннинским. Он попал в каменоломни, расположенные в Апуанских Альпах, и стал добывать белый мрамор.

В 1917-м, в Петрограде случился переворот, а вслед за ним, по всей Европе прошла волна революций. Экономика воюющих держав вдруг зашаталась, а затем, вовсе рухнула. Национальные правительства стран не хотели держать в своём доме сотни тысяч озлобленных пленных и попытались от них поскорее избавиться.

В числе других заключённых, Фёдора вывели из карьера, где он пробыл больше года. Их погрузили в вагоны для перевозки скота и отослали домой. До России они не доехали, а застряли в Венгерской республике.

К тому времени, всё изменилось и пленных перестали держать в лагерях за колючкой. Как и все остальные, он оказался «на поселении» в скромной деревне. Красивый моло-

дой человек познакомился с девушкой, жившей поблизости, и страстно влюбился в неё.

Недолго думая, он попросил у родителей руку юной престленицы. Здоровых парней в стране не хватало, и он получил благословенье на брак. Фёдор женился и завёл двух деток-погодков.

После окончания Германской войны начался обмен военнопленными, и вскоре выяснилось, что с обеих сторон насчитывается более двух миллионов бойцов. Такое количество граждан нелегко отправить на родину и процесс депортации затянулся на несколько лет.

Благодаря этому, Фёдор оказался в России только в начале 1920-го. Он пересёк южный рубеж бывшей империи и очутился в стране, в которой гремела гражданская бойня.

Он познакомился со сложившейся вокруг ситуацией и сразу понял, что никогда не принадлежал к богачам. Поэтому, Фёдор решил, что не стоит ему защищать их интересы. Парень немного подумал и примкнул к «красным» отрядам.

Используя опыт предыдущих боёв, он быстро стал командиром эскадрона Будёновской армии. Он снова и снова отличался в боях. Воевал то с «анархистами», то с «белыми», а то с «зелёными», за что получил большую награду.

Правда, ему и теперь не дали Георгиевского креста. Комиссар их полка вызвал парня из строя и на глазах кавалеристов вручил ему шашку с рукоятью блистающей золотом.

На дамасском клинке имелась дарственная гравировка. В

ней говорилось о воинской доблести, проявленной Фёдором, в борьбе за установление Советской власти на юге страны. К дорогому оружию прилагались прекрасные ножны, богато украшенные самоцветами и золотыми накладками.

Он воевал ещё несколько месяцев. Затем, получил серьёзную рану и был «списан вчистую» из рядов Красной Армии. Фёдор вернулся в родную деревню и, к своему удивлению и радости, застал пожилого отца живым и здоровым.

Деду Василию перевалило за восемьдесят, но он оказался достаточно бодрым и крепким. Старик обладал ясным умом, цепкой памятью и по-прежнему хлопотал по двору.

Вернувшись домой с гражданской войны, будущий отец Доли Первова пообщался с соседями и с удивленьем узнал, что многое в старинном селе изменилось. Причём, очень сильно.

После революции в Питере, его молодая супруга, с которой он обвенчался по принуждению отца, вдруг обрела собственный голос. Она заявила, что не хочет и впредь оставаться бесправной батрачкой. Поэтому, девушка собрала свои вещи, бросила дом постылого мужа и вернулась к родителям.

Фёдор её совсем не любил и сразу решил, что не стоит налаживать с ней отношения. Он поселился в доме отца и занялся ранее крепким хозяйством. За годы войны, оно пришло в полный упадок.

Скоро Фёдор узнал, что молодая зазноба, выданная за по-

жилого крестьянина, давным-давно овдовела. Она в одиночку вырастила детей старика и теперь жила вместе с ними.

Демобилизованный красноармеец пошёл в ту деревню. Он встретился и поговорил с Евдокией. Она немного подумала, собрала небольшой узелок и переехала к бывшему своему жениху. Не совсем молодые, влюблённые люди тотчас расписались в сельском совете и, с опозданием в дюжину лет, начали новую семейную жизнь.

Спустя несколько месяцев, Фёдор приехал в Нижний Новгород по каким-то делам. Он вышел на центральную улицу и совершенно случайно встретил бывшего однополчанина. Не очень давно, они воевали против белогвардейцев на юге страны.

Бывший хорунжий весьма отличился в сражениях за народное дело. Он благополучно вернулся домой и стал третьим секретарём губернского горкома ВКП(б). Взлетев на такие высоты, он не забыл старого боевого товарища, немедленно устроил мужчину к себе, и назначил заведовать отделом снабжения.

Самые трудные годы Фёдор работал на значительной должности, но не взял из закромов государства даже пригоршню зерна. Как и другие партийцы, он получал приличный паёк. Благодаря этому, его небольшая семья не голодала так сильно, как прочие жители юной республики.

Неугомонное время летело вперёд, обстановка в стране

постепенно менялась. Появились профессиональные молодые чиновники. Они принялись вытеснять пожилых командиров, пришедших с гражданской войны. Это были те кадры, что не нюхали пороха, зато они кончили разнообразные курсы и партийные школы.

С тех пор, карьера поседевшего Фёдора удивительно быстро пошла под уклон. При каждой «чистке» его снимали с занимаемой должности и перемещали на менее значимое служебное место.

В конце тридцатых годов, он окончательно выпал из «партийной обоймы» и пребывал на посту председателя рядового колхоза. Сельхозпредприятие называлось «Красные Лебеди». Оно находилось недалеко от городка под названием Ардатов, что расположен на границе нижегородской губернии.

К сорока годам от рождения, у Фёдора Васильевича и Евдокии Григорьевны жизнь, наконец-то, наладилась и потекла своим чередом. За прошедшее время, у них родилось и подросло пять сыновей. По странной моде, бытовавшей тогда в Советском Союзе, они назвали младшего сына Владленом, в честь вождя мирового пролетариата – Владимира Ильича Ленина. То бишь, Ульянова.

Авантюрные наклонности прадеда Василия Николаевича частично передались моему деду Фёдору. Он тоже любил иногда много выпить, а захмелев, принимался рассказывать о воинских подвигах, совершенных на «германской» войне.

Как-то раз, он угощал приехавшего в село проверяющего. Он сильно принял на грудь и начал хвастаться тем, что был кавалером трёх георгиевских крестов.

Районный начальник послушал рассказ о лихих подвигах своего подчинённого, недоверчиво покачал головой и усомнился в этих историях:

– Слишком уж много, для одного человека! Даже для такого кавалериста, как ты.

Обиженный недоверьем мужчины, Фёдор резво вскочил с табуретки. Он обошёл стороной жену, что хотела его удержать, и метнулся в дальнюю комнату дома.

Там он открыл деревянную крышку своего сундука и достал боевые реликвии. Как он их сохранил в годы долгого плена и лихолетья гражданской войны, никому неизвестно.

Фёдор почти что, бегом принёс всё в гостиную. Он сдвинул в сторонку стаканы с крепкой, как огонь самогонкой, переставил миски с капустой и варёной картошкой и быстро очистил местечко на голой столешнице.

Он бережно развернул потёртую льняную тряпицу, в которой хранились награды. Затем, вынул из свёртка небольшую колодку с медалями и с гордостью положил перед гостем.

Уполномоченный представитель из центра заинтересованно посмотрел на знаки воинской доблести Российской империи. Мужчина увидел два серебряных и один крест с

позолотой, скорчил недовольную мину и укоризненно покачал головой:

– Наша страна задыхается в тисках империализма, а у тебя в сундуке без всякого дела лежат изделия из драгоценных металлов. Как же так, дорогой мой товарищ? Ты же сознательный человек советской формации. Тебе наша партия вручила такой важный пост, а ты упрямо цепляешься за никчёмные сейчас побрякушки?

Выслушав гневную речь проверяющего, Фёдор тотчас протрезвел и сказал:

– Давно хотел сдать государству, но всё не найду свободного времени. Сам знаешь, сколько дел в нашем колхозе. Завтра ты отправишься в город, так у меня к тебе просьба. Занеси их по нужному адресу и сдай в фонд восстановления страны.

Чиновник кивнул и сунул кресты в карман новомодного френча. Эту одежду, проверяющий сшил в подражание генеральному секретарю партии ВКП(б) – товарищу Сталину.

Он налил ещё полстакана прозрачной горилки, и застолье продолжилось. Правда, у Фёдора пропало всё настроение, а на душе у него страшно скребли чёрные кошки. Он сидел за столом, почти что, не пил и лишь делал вид, что ему очень весело.

Утром нового дня, Фёдор поднялся ещё на рассвете. Сначала хозяин занялся транспортом вельможного гостя. Он выгнал пегую лошадь из дровяного сарая и быстро запряг в дву-

колку райкомовца.

Затем, он поднял и похмелил городского начальника, который ещё не проспался, как следует. Поддерживая молодого чиновника, он вывел его из избы, помог подняться на небольшое сидение и усесться на жёстких досках. После чего, вложил потёртые вожжи в вялые руки и проводил экипаж за ворота.

Какое-то время, Фёдор хмуро смотрел вслед уезжающему домой человеку. Потом протяжно вздохнул, повернулся к стоявшей рядом жене и печально сказал:

– Хорошо, что не успел похвалиться, именной дарственной шашкой, не то и её пришлось бы отдать.

Колхоз «Красные Лебеди» был крупным сельхозпредприятием и состоял из множества небольших деревень, разбросанных на огромном пространстве. По долгу вверенной службы, Фёдору приходилось часто бывать во всех поселениях. Дороги меж ними имелись лишь грунтовые, и едва выпадал сильный дождь, как они становились почти не проезжими.

Зимой было значительно хуже. Часто случались метели, бураны и вьюги. Они приносили снега очень большой глубины. Иногда, сквозь сугробы не удавалось пройти на обычных санях. Лошади выбивались из сил и останавливались на половине дороге.

Из-за этого, не всегда получалось, обернуться туда и об-

ратно, за коротенький день. Мужчине лишь оставалось, завернуть в ближайшую по пути деревеньку и ночевать у местных сельчан.

Такие отлучки не проходили бесследно. Время от времени, у председателя возникал бурный роман с какой-нибудь одинокой солдаткой. Следуя семейной традиции, Фёдор тотчас ударялся в загул и исчезал на несколько дней.

Потом, он пьяный вдымину, являлся домой, брал из тайника именную драгоценную шашку, и опять уезжал неизвестно куда. Спустя какое-то время, он уставал от долгого пьянства, с покаянным видом возвращался в семью и просил прощения у любимой жены.

Евдокия Григорьевна вставала в привычную позу – «руки в бока». Она сильно гневалась и устраивала строгий допрос. Скоро она узнавала, где проживает очередная разлучница, и начинала военные действия.

Она садилась в председательские сани или телегу, взмаживала вожжами и мчалась к новой пассии своего непутёвого мужа. Там женщина учиняла грандиозный скандал и, часто с рукоприкладством, возвращала дорогое оружие. Лишь после этого, она облегчённо вздыхала и оправлялась домой.

Скоро люди в колхозе узнали, что драгоценный подарок пьяного Фёдора, у себя не удержишь. Всё равно придётся вернуть его законной жене. Она в своём праве и против этого, никуда не погрёшь.

Тогда новые пассии начали действовать чуть по-другому.

Пока Фёдор находился у них, хитроумные дамы выбирали удобный момент, когда ухажёр крепко спал. Они выковыривали из гнёзд самоцветы и оставляли себе, как символ их крепкой любви.

С течением времени, камней становилось всё меньше и меньше и постепенно, они все исчезли. Коварные женщины пошли ещё дальше и, в предчувствии скорой разлуки, начали спиливать золотые накладки.

Так что, когда Фёдор вошёл в положенный возраст, угомонился и перестал бегать налево, прекрасные ножны утратили все украшения. Хорошо, что ни одна из любовниц не смогла отделить золочёную рукоять от клинка. Правда, дорогое покрытие с неё соскоблили.

В 1941 году фашистская Германия напала на СССР и началась Великая Отечественная война. В первые дни положение на фронте сложилось настолько серьёзное, что начали призывать всех мужчин вплоть до пятидесяти пятилетнего возраста.

Мой дед вплотную подошёл к этому рубежу и очень рассчитывал, что на этот раз его не «заберут под ружьё». Однако к концу лета его снова призвали в Красную армию.

К тому времени старший сын Фёдора окончил военно-морское училище. Стал офицером и служил артиллеристом на одном из линкоров. Второй и третий сыновья моего деда жили в Нижнем Новгороде, где работали на военном

заводе «Красное Сормово». Поэтому дома оставались лишь двое младших.

Перед самым уходом на фронт, Фёдор Васильевич явился с работы чуть раньше обычного. Он позвал сыновей, вышел с ними из дома и направился к дальней околице. Туда, где с ранней весны стоял шумный табор цыган.

В те времена, государство усердно пыталось, отучить тех кочевников от их исконных привычек. Советская власть им приказала: – Бросить бродяжничество и воровство, остановиться на каком-нибудь месте, устроится на работу в колхоз или на ближайший завод и стать законопослушными гражданами.

Своевольные люди не желали становиться осёдлыми и продолжали мигрировать из одного района в другой. Следуя указаниям сверху, местные власти претворяли решения партии в жизнь. Они вызывали милицию и прогоняли весёлых «ромалов».

Лишь Фёдор Васильевич пользовался своим положением председателя небольшого колхоза. Он разрешал разбивать шумный лагерь на ему, подотчётной земле. За что, регулярно, получал нагоняй от большого начальства.

По дороге до табора, он рассказал сыновьям, что во время Германской, он служил в драгунском полку и дружил с молодым крепким цыганом. В ходе войсковой операции их эскадрон напоролся на отряд венгерских гусар. В завязавшейся стычке, кавалеристы России не смогли устоять перед пре-

восходящими силами. Они развернули коней и попытались удрать.

В ходе погони, враги им стреляли вослед. Пули свистели вокруг, и одна угодила в ту лошадь, на которой мчался приятель. Скакун сразу споткнулся и, вместе со всадником, кувырком полетел по земле.

Не раздумывая ни единой секунды, Фёдор остановил своего жеребца. Он подал руку опешившему боевому товарищу, посадил на круп за собой и двинулся дальше. Они проломились сквозь заросли плотных кустов, ушли от погони и скоро пробились к русским войскам.

После этого случая, прошло много лет. Совершенно случайно, Фёдор наткнулся на табор и узнал в «цыганском бароне» старого друга. Того самого, кому он когда-то спас жизнь на Германской.

С тех давних пор, он не чинил его людям каких-либо препятствий и разрешал останавливаться у центральной усадьбы. Они отвечали полной взаимностью и ничего не тащили у гостеприимных сельчан. В отличие от всех остальных, что обитали в соседних деревнях.

Добравшись до табора, Фёдор Васильевич отыскал вожака бродячего клана. Он по-приятельски поздоровался с властным мужчиной и пожал его крепкую руку. Потом, представил ему сыновей, приведённых с собой, и сказал:

– Доля и Владя, если вам с матерью станет совсем уже плохо, придёте к нему. Он вам поможет. – на этом разговор за-

вершился и ходоки вернулись домой.

После отъезда отца в Красную армию, дела у семьи пошли очень плохо. Немолодая усталая женщина осталась с двумя худыми подростками, а никаких сбережений у неё не имелось. Все трое, с темна до темна, трудились в колхозе, но не могли заработать столько рублей, чтобы хватало на жизнь.

После отъезда деда в действующую Красную армию дела в семье пошли из рук вон плохо. Немолодая жена осталась с двумя детьми на руках, а никаких сбережений у них не имелось. Все трудились в колхозе, от темна до темна, но не могли заработать столько, чтобы им хватало на жизнь.

Поздней осенью мой шестнадцатилетний дядюшка бросил колхоз и сбежал на Западный фронт. Ближе к зиме стало так голодно, что мой отец вспомнил о «цыганском бароне» и отправился в табор.

По какой-то причине, кочевое беспечное племя не исчезло неизвестно куда, как делало это в предыдущие годы. Скорее всего, теперь им просто некуда было идти. На севере для них слишком холодно, а южные районы державы оказались заняты фрицами».

Дело всё в том, что гитлеровцы считали недочеловеками не только славян и евреев. Ещё они весьма ненавидели весёлых цыган. Первые и вторые народности отправлялись в концлагеря. Потом, часть их казнили, а часть превращали в рабов.

С бродячим народом всё обстояло значительно проще. Их всех расстреливали прямо на месте, там, где застали. Причём, убивали всех до единого. Не жалея, ни беременных женщин, ни стариков, ни малолетних детей. Только поэтому, скромный бивак остался возле села и, как и прежде, стоял за околицей.

Владя быстро нашёл жоака тех «ромалов» и вошёл в ветхий шатёр. Седобородый мужчина, молча выслушал рассказ малолетнего гостя, угрюмо кивнул, но ничего не сказал.

Не услышав ответа, подросток решил, что никакой помощи он здесь не дожждётся и вернулся домой. Через несколько дней, мама и Владя вернулись с работы и узнали от соседской старушки странные новости.

Выяснилось, что ближе к ночи, возле их дома остановилась чья-то телега. Два старых цыгана сняли с повозки какой-то мешок. Они отнесли поклажу в открытые сени, поставили там у дверей и, не говоря даже слова, уехали.

Евдокия Григорьевна развязала горловину у торбы и с изумленьем увидела, что она до самого верху наполнена мелкой картошкой. Благодаря прибавке к их рациону, старый и малый протянули до ранней весны. Стало намного теплее, и снег быстро стаял. Потом, проклюнулись из-под земли листья кислого щавеля, одуванчика и прочей травы, которой можно питаться.

Спустя несколько дней, с фронта пришло письмо, сложен-

ное треугольником. Развернув самодельный «конверт» мама нашла тетрадный листок, написанный ученическим почерком.

В нём говорилось о том, что Фёдор Васильевич Первов геройски сражался под Ленинградом и был тяжело ранен осколком в правую часть головы. Он эвакуирован в тыл, и теперь лечится в воинском госпитале, расположенном по такому-то адресу.

Евдокия Григорьевна взяла всю картошку, что находилась в мешке, а её там оставалось не более четверти, быстро собралась и отправилась в путь. Сначала, мама дошла до железнодорожной станции, что зовут Арзамас, а это почти двадцать вёрст.

Оттуда, она доехала в поезде до Нижнего Новгорода. Там нашла лазарет, размещённый в бывшей образовательной школе, ворвалась в палату, где, как ей сказали, был её муж, и обнаружила, что Фёдор лежит без сознания.

Следующие несколько дней, она постоянно сидела рядом с постелью больного. Время от времени, она разжимала ему зубы ложкой, насильно клала в распахнутый рот кусочек варёной картошки и давала попить из носика чайника, привезённого из деревни с собой. Фёдор непроизвольно глотал немного воды, а вместе с ней и мягкую пищу. Через неделю, он вдруг очнулся и начал есть самостоятельно.

Когда отец поднялся на ноги, Евдокия Григорьевна забрала его из военного госпиталя. Она привезла мужа в родную

деревню и стала лечить народными средствами. Благо, что рядом жила старая травница, которая объяснила, что и как нужно делать. С течением времени, Фёдор Васильевич окончательно выздоровел и вернулся работать в колхоз.

Танкист Великой Отечественной (старший брат отца)

Десятого июня 1925 года в семье моего деда – Фёдора Васильевича Первова родился четвёртый по счёту сынок. В то время, его молодая жена жила у своей матери, в селе Спасское, Спасской волости Нижегородской губернии. Сам Фёдор трудился в горкоме компартии ВКП(б). Он был на хорошем счету у начальства, целые дни проводил на работе и лишь иногда, навещал большую семью.

Когда мой дядюшка был малым ребёнком, он так же, как прочие дети, стал говорить. Совершенно естественно, что первое время он не выговаривал множество букв. Благодаря этому, мальчик не мог произнести своё полное имя, и первые месяцы называл себя странным звукосочетанием – Доля.

Родным не удавалось понять, что он имеет в виду? То ли, частицу чего-то более крупного? То ли, то слово означает судьбу или участь? Как бы то ни было, но три старших брата и все остальные сначала смеялись над несмышлёнышем. Потом все привыкли и обращались к ребёнку именно так, как он сам себя называл.

Как это часто случается, семейное прозвище крепко при-

липло к младшему брату. Мало того, оно не осталось в стенах отчего дома, а отправилось в мир вслед за владельцем. Так и бежало за ним, куда бы он ни пошёл. Сначала на пыльную деревенскую улицу. Потом в семилетнюю сельскую школу. Затем оказалось в танковом учебном полку и даже на фронте.

К началу войны, Доле пошёл семнадцатый год. Его белокурые волосы вдруг потемнели и обрели каштановый цвет. Сам он превратился в высокого крепкого парня, но не получил призывную повестку лишь из-за юного возраста. Остальным мужикам их села вручили такие бумажки, и они в два приёма ушли в Красную армию все до единого.

Работать в колхозе стало, в общем-то, некому. Паренька сняли с подсобных работ, на которых он, по своему малолетству, пробавлялся весь прошлый год. Его отправили в поле и посадили на старый «Фордзон-Путиловец», тридцатых годов.

Тот агрегат, был одним из тракторов, что успешно освоила индустрия советской страны. У него не имелось кабины и резиновых шин. Отсутствовал даже брезентовый тент, и узкие стёкла, какие тогда, ставили на других агрегатах. Присутствовало лишь стальное сидение, металлический руль и колёса с большими грунтозацепами.

Бригадир показал, как запускать внушительный двигатель, в каком порядке нажимать на педали и дёргать за рыча-

ги, чтобы «механический конь» продвигался вперёд. Он объяснили, что делать, если нужно остановиться и, как разворачиваться на борозде. «Механизатору» дали какое-то время на то, чтобы он приспособился к технике, и приказали пахать землю под зябь.

Ежедневная норма оказалась невероятно большой. Доля пахал в одиночку, без сменщика, трудился с утра до позднего вечера, но всё равно не успевал её выполнить. Слишком уж старой, оказалась машина, которую дали подростку.

С наступление ночи он выключал агрегат, грохочущий, как паровоз, и жевал скудную пищу, которую приносил его младший брат. После чего, падал на голую землю и, мину-ту спустя, уже крепко спал. Вставал он на рассвете и принимался за дело.

Время от времени, появлялась телега, на которой приезжал бригадир, издёрганный районным начальством. Хмурый мужчина потерял правую руку на гражданской войне, но удивительно ловко действовал левой. Он заполнял баки горючим и маслом с водой. После чего, делал мальчишке строгий разнос, что он плохо работает, и отправлялся на соседний участок.

За две первых недели, Доля ни разу не отлучался от пашни и покрылся внушительной коркой из грязи. Вдобавок ко всем неприятностям, у него завелись мерзкие вши. Видимо, он подхватил их, когда спал на голой земле.

Устав чесаться и давить на себе паразитов, паренёк поздним вечером закончил пахать. Бросил «коня» среди голого поля и пешим ходом помчался домой. Мама увидела измученного работою сына. Она разрыдалась от горя и побежала греть воду в бане.

Едва Доля помылся, переделся в чистую смену и вошёл в отчий дом, как у ворот остановилась телега его бригадира. Разъярённый мужчина влетел в тёмную горницу и принялся орать на парнишку. Он приказал ему возвращаться к машине и пахать до тех пор, пока не выполнит норму.

Напоследок он пригрозил, что если отлучка повторится ещё один раз, то нерадивого пахаря отправят в Сибирь, как вредителя и врага трудового народа. Пришлось пареньку проглотить слёзы обиды и распрощаться с мечтой о горячем питательном ужине и нормальном ночлеге в привычной кровати. Он быстро накинул на плечи старенький ватник и поплёлся обратно.

Пока стоит ведро, ночёвку в полях ещё можно терпеть. Воздух вокруг очень тёплый, земля совершенно сухая. Подстелил телогрейку, лёг во весь рост и отдыхай. Потом начались холода и подули сильные ветры. Затем, пошли проливные дожди, и стало удивительно плохо.

Как уже говорилось, ни кабины, ни даже навеса из ткани, машина, увы, не имела. Единственным местом, где удавалось укрыться от струй, что падали с неба, находилось под трак-

тором.

Доля залазил под железное брюхо, дышавшее жаром, и пережидал непогоду. Но долго сидеть там было нельзя. В правлении колхоза не делали скидку на любые ненастья. Никто не снижал норму выработки, и отставание от графика постоянно росло.

К концу сентября, Доля закончил пахать часть полей. По указанию начальства, он перегнал грохочущий трактор вплотную к железной дороге. Теперь он работал недалеко от каменной насыпи и с тоской наблюдал, как мимо идут поезда, везущие красноармейцев на фронт.

Паренёк очень устал от непосильной работы. Как-то раз, он посмотрел на вагоны, летящие мимо, и с тоскою подумал: – «Нужно бросать свой колхоз и бежать на войну. Хуже чем здесь, быть уже просто не может».

«Фордзон» усердно таскал сцепку плугов. Скоро он оказался возле моста, перекинутого через речку Леметь. На подъезде к нему, стальные пути делали крутой поворот. Паровозы там тормозили и двигались значительно медленней, чем на прямолинейных участках.

Какое-то время, Доля работал на новой делянке. Он хорошо изучил расписание проходящих составов и разработал план бегства в мельчайших деталях. В один из солнечных дней, он подогнал трактор к определённом месту и заглушил старый трактор. Потом, повертел головой и убедился,

что стоит именно там, где и должен. То есть, у середины внешней части дуги, по которой шли эшелоны.

Паренёк глянул вдаль и увидел состав, идущий на запад. Он поднял железный капот и сделал вид, что возится с заглухшим движком. Наконец, паровоз и пара вагонов, прогромыхали мимо него. Доля бросил на землю ключи и ринулся к каменной насыпи, по которой тянулись пути.

Паренёк подбежал к длинному поезду и пристроился рядом. Он догнал открытую грузовую платформу, забитую брёвнами, и ухватился за стальную стремянку, свисавшую вниз.

Стремительно перебирая ногами, Доля поднялся по тонким ступеням. Перевалился через низкий металлический бортик и устроился между задним бортом платформы и торцом высокого штабеля.

Паренёк всё хорошо рассчитал и запрыгнул в состав, когда вагон оказался, в так называемой, «слепой зоне охраны». Его не заметили ни с локомотива, ни с задней площадки, где дежурил боец вооружённый винтовкой.

Очутившись на месте, Доля лёг на пол, и улыбнулся тому, что толстые брёвна защищают его от встречного ветра. Он закутался в свою телогрейку и, убаюканный стуком колёс, крепко уснул.

Спустя какое-то время, его грубо толкнули, потянули наверх и выволокли из уютной щели, в которой он ехал на

фронт. Удерживая парнишку за шиворот, его спустили на насыпь, и тряхнули так сильно, что сон совершенно рассеялся.

С огромным трудом Доля поднял тяжёлые веки и разглядел, что оказался на какой-то маленькой станции. Рядом двигался милиционер и, крепко сжав локоть подростка, тащил его в сторону низкого здания.

Оказавшись в небольшом отделении, Доля не стал запираяться. Он выложил всё, как на духу и сообщил, что всеми силами рвётся на фронт. Хочет найти своего дорогого отца, или старшего брата – офицера Балтийского флота. Он твёрдо решил, встать с ними в едином строю и биться против проклятых фашистов.

Усатый блюститель порядка выслушал исповедь механизатора, но не поверил ей ни на йоту. К нему каждый день приводили таких беспризорников. Все они, как один, твердили одни и те же слова. О родственниках, сражавшихся с Гитлером, и о желании воевать с коварным врагом. Причём, чаще всего, они ехали не на запад, а в обратную сторону.

Однако, этот парнишка весьма отличался от прочих. Милиционер посмотрел на него чуть внимательней, разглядел его руки, покрытые слоем машинной грязи и смазки, и задал несколько разных вопросов.

Доля признался, что он работал в колхозе на тракторе. Сержант схватил парнишку за шиворот и отвёл в военную комендатуру, которая находилась поблизости.

Там опять поговорили с подростком и принялись уточнять его биографию. Ещё готовясь к побегу, Доля всё хорошенько обдумал и понял, что если он хочет попасть на войну, то не стоит рассказывать правду о собственном возрасте. Поэтому, на вопрос о дате рождения, он прибавил себе целый год и заявил, что он родился в 1924-том.

В конце концов, он оказался в 10-м танковом учебном полку. Совсем недавно военная часть переехала в Горький из Украины, и теперь находилась на дальней окраине со странным названием Сормово. Там, где-то жили два старших брата Доли – Валя и Роба. Но не только такое соседство радовало тогда паренька.

Когда он прибыл на место, то вдруг подумал о том, что оказался в царстве небесном. И то сказать, довольно приличное, трёх разовое, горячее питание. Относительно чистая и тёплая спальня и твёрдый режим, что отводил семь часов в сутки на сон.

Приходилось, конечно, вести себя, словно в казарме. Ходить только строем, петь солдатские песни, а так же, изучать материальную часть и множество разных сложных наук. Но все эти нагрузки, не шли ни в какое сравнение с тем, что он претерпел в родном разорённом колхозе.

Мой дядюшка уродился с весёлым, незлобивым и компанейским характером, и все люди вокруг воспринимали необычное слово – Доля как должное: мало ли бывает умень-

шительно-ласкательных кличек на свете? Был бы человеком хорошим! – рассуждали сокурсники и не интересовались, почему он не просит называть его полным именем.

Так шло до тех пор, пока он не очутился на передовой. Воинская часть, куда попал дядюшка, понесла большие потери и, потеряв свой архив, отступила назад. Во время тяжёлых боёв убили старого политрука. Вместо него прибыл другой офицер, который совершенно не знал подчинённых бойцов.

Благодаря этой замене, с Долей случилось нечто весьма необычное. В начале войны, люди, занимавшие место «политического руководителя» части, исполняли роль войсковых комиссаров.

Он вели «общественную работу» в подразделениях и разъясняли солдатам политику правящей партии и правительства СССР. А заодно, зорко следили за тем, чтобы все думали «правильно», не критиковали начальство и не болтали о военных секретах.

Второго мая, офицер вызвал механика в штабную землянку, поставил его в стойку «смирно» и строго сказал:

– Я слышал, как все наши ребята зовут тебя – Доля. Насколько я знаю, ты родом из Нижегородской губернии и носишь фамилию Первов. Объясни, почему у тебя такое странное имя? Оно что, не русское?

Пришлось парню выложить всё, как на духу, и он стал рассказывать:

– Мой отец Фёдор Васильевич воевал в Первую мировую войну. В 1915 году, он попал в плен и несколько лет провёл в лагерях Австрии, Германии, Италии, Венгрии. Там неожиданно выяснилось, что он обладает большими способностями ко всем языкам.

Благодаря этому дару, он выучил местные диалекты так хорошо, что говорил без акцента. Когда он вернулся на родину, то часто пел мажарские, итальянские и немецкие песни.

Сразу после гражданской, отец вернулся в Нижний Новгород и стал работать в губернском горкоме ВКП(б). Там он познакомился с чинами высокого ранга. Среди них оказалось большое число коммунистов из зарубежных держав.

Зная чужие наречия, он часто общался с интернационалистами, а с некоторыми из них, крепко сдружился. Поэтому, он назвал меня и трёх моих братьев по имени своих близких и верных товарищей.

– Это как же? – заинтересовался новый начальник.

– Одного Юджин, второго Вальтер, третьего Роберт. Последнего он назвал в честь Владимира Ильича Ленина – Владленом.

– Как же вас мама называла в семье? – изумился молодой офицер, ошарашенный этой историей.

– Старшего, Юра, а других Валя, Роба и Владя. Ну, а меня просто Доля.

– С остальными теперь всё понятно, а как твоё полное имя? – не отставал очень дотошный партийный работник.

Сержант печально вздохнул и тихо сказал: – Адольф.

– Так же, как Гитлера? – потрясённо вздохнул политрук.

– Так точно! – подтвердил удручённый танкист.

– Ну, знаешь, – протянул офицер: – дело так не пойдёт.

Ты у нас являешься секретарём комсомольской организации. Ведёшь открытые собрания всего батальона. Призываешь бойцов громить проклятых фашистов, а сам, получаешь, тёзка их бесноватого лидера. Что же нам делать с тобой? Не ровён час, узнает кто-нибудь из соседних частей, и нас с тобой поднимут на смех.

Политрук тяжело задумался, потом просветлел всем лицом и сказал: – Кажется, я нашёл приемлемый выход. Черкни-ка родителям, пусть они подберут тебе какое-нибудь новое имя. А мы выправим тебе документы.

Заметив, что Доля внимательно выслушал его предложение, но не проявил сильной радости, начальник перешёл на повелительный тон и отдал приказ: – Хватит раздумывать! Садись и пиши!

Сержант ответил: – Так точно! – взял протянутый политруком листок бумаги, вырванный из ученической тонкой тетрадки, и химический карандаш, словно обгрызенный зубами собаки.

Молодой человек подошёл к небольшому столу, сколоченному их горбыля. Он придвинул пустой ящик из-под снарядов, которые использовали вместо всяческой мебели, устро-

ился на шатком сидении и начал строчить депешу домой.

В первую очередь, Доля поздоровался с мамой – Евдокией Григорьевной. Он сообщил, что с ним всё в порядке. До фронта так далеко, что у них даже не слышно выстрелов пушек. Спросил, как воюет отец и старший брат Юрий, и как трудятся на заводе Роба и Валя. Поинтересовался, как учится в школе младшенький Владя?

Затем, передал привет всем деревенским знакомым, а в заключение добавил, мол, в такое тяжёлое время ему неудобно зваться Адольфом. Поэтому, он очень просит о том, чтобы милая мама написала на фронт дорогому отцу и попросила дать Доле какое-нибудь новое имя. Механик поставил подпись с числом и протянул листок офицеру.

Политрук внимательно прочитал небольшое послание, сложил листок небольшим треугольником и вернул молодому танкисту:

– Напиши адрес. Сейчас я поеду к начштаба полка и передам его вместе со всей нашей почтой.

Письмо полетело в далёкий тыл родины и кружными путями добралось до Нижегородской губернии. Оттуда просьба Доли направилась к его пожилому отцу, на другой, Волховский фронт.

Фёдор Васильевич получил то послание под Ленинградом и несколько дней размышлял, можно ли чем-то помочь своему сыну? А то ишь чего парень удумал, хочет отречь-

ся от того славного имени, что подарили родители. Так он, глядишь, и от фамилии предков откажется.

В конце концов, благоразумие взяло верх над обидой на неразумного отрока. Мужчина пришёл к твёрдому выводу, что во время войны с Гитлером имя Адольф звучит, чересчур вызывающе и, с большой неохотой, дал своё разрешение.

Ответ от родителей пришёл в военную часть лишь через два с лишним месяца. За столь долгий срок, сержант и политрук участвовали во многих тяжёлых боях. Их рота постоянно несла большие потери. И всё же судьба оказалась благосклонной к обоим. Они остались в живых и даже не были ранены.

Механику повезло ещё один раз. Почта пришла в то самое время, когда замполит куда-то уехал. С большим нетерпением молодой человек развернул треугольник и погрузился в чтение депеши.

Из длинного письма мамы, Доля узнал, что у неё, у отца и всех остальных родственников всё хорошо. Отец получил тяжёлое ранение на фронте, но всё обошлось. Руки, ноги на месте. После лечения в госпитале его списали «в чистую». Сейчас он находится дома и постепенно приходит в себя.

Дальше мама писала, что старший брат Доли, Юрий служит артиллеристом на одном из линкоров. В ходе первых сражений, Балтийский флот принял на себя мощнейший удар вражеской армии, но устоял в той жуткой схватке и про-

должал воевать.

В одном из боёв, снаряд упал на верхнюю палубу возле орудия. Раздался оглушительный взрыв, и волна детонации швырнула артиллерийский расчёт в ледяное осеннее море.

К великому счастью, старший брат не погиб. Однако, пока удалось отбиться от фрицев, пока спускали шлюпку на воду и спасали людей, Юрий сильно простыл. Он подхватил воспаление лёгких, которое не проходило так долго, что врачи опасались, как бы заболевание не перешло в туберкулёз.

Юрия срочно отправили в столицы державы, где он к своему удивлению, оказался в одной палате с Сергеем Лемешевым. С тем известным певцом, который снялся в комедии «Музыкальная история», выпущенной в 1940-м году. Её крутили в стране перед войной.

В самом конце повествования мамы, Доля прочёл несколько строчек, начертанные другим, мужским почерком. Отец сообщал: – «Так уж случилось сынок, что моё письмо, посланное с Ленинградского фронта, застряло в дороге и только недавно дошло до деревни. После отсылки депеши, я был сильно ранен и отправлен в тыл на поправку. Так что, оказался я дома чуть раньше, чем сюда прибыл мой треугольник.

Поэтому, я взял перо и объявляю своё решение тебе. Мы с матерью поразмышляли и согласились с политруком. Тебе действительно нужно сменить своё имя. Уж очень его испоганил проклятый фашист. Ты меня извини, но кто же мог

знать, два десятилетия назад, что всё случится именно так?

Я перебрал в памяти всех своих старых приятелей и не мог долго решить, кого из них выбрать. Потом, пришёл к выводу, что нужно крестить тебя в честь моего верного боевого товарища. С ним мне довелось работать в конце двадцатых годов, во время коллективизации нижегородской губернии. Он был коммунистом из Бельгии, и звали мужчину Альфред. Если хочешь, то можешь взять его имя».

Мой дядюшка дочитал письмо до конца и зло пробурчал: – Хрен редьки, не слаще! Наверняка среди главных фашистов есть крупный начальник и с таким точно именем! – Доля в сердцах разорвал все листки в мелкие клочья и положил их под камень, что лежал у дороги.

Вскоре в военную часть вернулся молодой офицер. Политрук узнал о том, что пришла батальонная почта, и спросил у комсорга: – Что пишут из дома? – Доля ответил, что родители пока не придумали, как его называть, а он не может, взять какое-то имя без их разрешения.

Неизвестно, во что всё это вылилось, но неделю спустя, ему в руки попался листок фронтовой газеты «За Родину». В ней говорилось о том, что красноармеец Семён Константинович ГИТЛЕР, 1922 года рождения, сражался под городом Тирасполем и совершил воинский подвиг.

В начале войны, он несколько суток подряд уничтожал наступающих врагов огнём из своего пулемёта. А когда был

незначительно ранен и попал в окружение, сумел-таки вырваться из кольца проклятых фашистов.

Семён сохранил вверенное ему боевое оружие и вместе с ним дополз до своих. За что, был награждён медалью «За воинские заслуги». Чуть ниже сообщалось о том, что за доблесть, проявленную в новом бою, ему вручили медаль «За отвагу».

На этом история с переменной имени дядюшки кончилась. Скорее всего, политрук тоже прочёл заметку в газете и больше не приставал к молодому комсоргу по столь глупому поводу.

Так что, все окружающие продолжали обращаться к нему так же, как раньше. Так, как в детстве его называла любимая мама, Евдокия Григорьевна.

Спарринг-партнёр для немецких служащих

Военная проза. Подборка рассказов «Спарринг-партнёр для немецких служащих».

Рассказы «Тренировочный центр в польской пуще», «Спарринг-партнёр для служащих вермахта» и «Прощальный банкет коменданта»

Изданы в журнале «Луч» №3-4 2016 Стр.13...24

Кроме того, рассказы вошли в роман «Разведчик, штрафник, смертник. Солдат Великой Отечественной» выпущен-

ный издательством ЭКСМО в июле 2015г.

Тренировочный центр в польской пуще

Григория сильно толкнули в плечо и плотно притиснули к внутренней стенке вагона. В этот раз, парню опять повезло. Он очутился у низенького небольшого окошка размером четыреста на семьсот миллиметров.

Тесный проём оказался надёжно закрыт железной решёткой. Её толстые прутья были опутаны колючей проволокой с большими шипами, торчащими в разные стороны. Многочисленные ржавые петли лежали так плотно, что сквозь них, едва удавалось высунуть руку.

Меж тем, парень понял, что переменчивая тётка Фортуна опять одарила его кривую улыбкой. Во-первых, всё время в окно задувал ветерок. Если, конечно, не учитывать густую придорожную пыль и паровозную гарь. Благодаря сквознячку, Григорию не приходилось дышать густым застоявшимся воздухом.

Вернее сказать, густым плотным смрадом, висящим в середине вагона. Десятки красноармейцев оказались плотно набиты в коробку из дерева и прижаты друг к другу. Отвратительный запах давно не мытых бойцов делал атмосферу внутри почти непригодной для жизни.

Во-вторых, в любое время ночи и дня он мог видеть то, что происходит снаружи. Это было куда интересней, чем

упираться глазами в чью-то сутулую спину или же пялиться в физиономию незнакомого тебе человека. Тем более, что лица окружающих пленных уже заросли клочковатой неопрятной щетиной.

Однако и здесь обнаружилось одно обстоятельство весьма негативного свойства. Ведь в нашей жизни постоянно всё так и случается – одно уравнивает что-то другое. В довесок к чему-то хорошему, всегда прилагается нечто совершенно ужасное. Вот и тогда Григорию выпала совершенно особая, куда как неприятная, роль.

Фашисты-охранники, что были в Крыму, постарались на славу. Они загрузили в обычный товарный состав так много пленных, сколько, под угрозой оружия, в него удалось запихнуть.

Пребывая на стройке, на Среднем Урале, Григорий иногда разгружал двухосные небольшие вагоны. Он прекрасно запомнил их габариты и сколько туда помещается разного груза. Площадь их пола равнялась всего восемнадцати метрам квадратным. А, судя по ощущениям парня, на этом скромном пространстве находилось не менее ста человек.

В тесной теплушке кто-то всё время, хотел, «сбежать до ветру». Хорошо, что пленным оставили те пустые консервные банки, из которых их напоили на первой станции железной дороги. Часть из них, узники договорились, приспособить под «утки». Почему-то, таким простым словом называ-

ют отхожее судно в советских госпиталях и больницах.

В связи с тем, что Григорий стоял у окна, ему постоянно приходилось работать и принимать жестяные горшки. Их до краёв наполняли те нечистоты, что были исторгнутыми пленными.

Парень протискивал их сквозь колючую проволоку и стальную решётку и выплескивал содержимое из небольшого вагона. Зато, приподнявшись на цыпочках, он мог рассмотреть всё, что происходило снаружи.

Оказавшись в битком набитом вагоне, Григорий сразу же вспомнил про пресловутый «трамвай». Чекисты так называли вид пытки, о которой частенько упоминали политзаключённые. На Среднем Урале он слышал эти рассказы, но не мог и подумать о том, что сам тоже окажется в таком положении.

Выяснилось, что в иных ситуациях, «энкавэдэшники» мало чем уступали проклятым фашистам. Только они делали это в стационарных тюремных условиях, а не в ехавших по рельсам «теплушках». Говорят, что в застенках кое-кто умирал от невыносимых мучений и продолжал, вместе с живыми, стоять по несколько дней.

Неожиданно в голову парня пришла нелепая мысль: «Интересно, кто же придумал этот проклятый «трамвай»? Наши или всё-таки фрицы? Скорее всего, что фашисты.

Чтобы изобрести столь ужасную пытку, в «культурной»

Европе было значительно больше подходящих условий. Как-никак, данный опыт они упорно копили со времён Римской империи и святой инквизиции.

Наши «заплечных дел мастера» тоже были не промах, но всё же, они не сжигали ведьм с колдунами в промышленных масштабах. Ну, а потом, много лет наша страна дружила с Великой Германией. Видно тогда, кое-что переняли у них».

Долгое время, поезд шёл по территории советской державы, оккупированной армией Гитлера. Увиденная в окошко, картина поразила Григория. Он почему-то считал, что фрицы бомбили лишь Севастополь с предместьями.

Мол, моряки и солдаты его так хорошо защищали, что фашисты невероятно озлобились. Они призвали на помощь всю артиллерию и всю авиацию и сокрушили всё, что смогли.

Однако парень сильно ошибался. Все здания вдоль железной дороги были разрушены до самых фундаментов. Вокзалы, станции и даже разъезды, всё превратилось в кучи камней и щебёнки. Большие поля и обширные пастбища выглядели совершенно заброшенными.

Происходящая невероятная бойня оказалась воистину мирового, можно сказать, планетарного уровня. Вот и здесь она прокатилась жутким огненным валом и безжалостно всё разорила вокруг.

В течение нескольких месяцев, фашистская армия уничтожила всё, до чего она только, смогла дотянуться. То есть,

всё то, что советские люди строили долгие годы и десятилетия.

Меж тем, состоявший из товарных вагонов, поезд с пленными, продвигался на запад удивительно медленно. Он постоянно тормозил в чистом поле, подолгу стоял на безымянных разъездах и пропускал встречные эшелоны с войсками фашистов и техникой.

В конце концов, он преодолел большое пространство и покинул советские земли. Скорбный состав пересёк, никем не охраняемую, границу великой державы и въехал в другое – чужое всем государство.

Тут неожиданно выяснилась интересная вещь. Красноармеец, что стоял рядом с Григорием, всё детство прожил на Западной Украине, которую присоединили к СССР не очень давно.

Как оказалось, он хорошо знал польский язык. Боец увидел в оконце знакомые надписи и сообщил эту весть остальным заключённым. Лишь благодаря этим словам, пленные люди узнали, что поезд прибыл в другую страну.

К удивлению Григория, она оказалась совершенно нетронутой варварскими бомбардировками фрицев. Всюду виднелись чистенькие, прекрасно ухоженные городки и посёлки.

Ничто не говорило о том, что где-то поблизости идут регулярные военные действия. Лишь большое число немецких солдат постоянно попадалось ему на глаза. Только это и го-

ворило о близкой кровопролитной войне.

Всматриваясь в идиллические пейзажи, что шли за окном, парень с горечью думал: «Видно, поляки не очень-то сопротивлялись фашистам. Не то что мы, советские люди. Хотя... Мы, вообще, собирались, воевать малой кровью и на чужой территории».

За неделю, прошедшую после погрузки в вагон, фашисты лишь трижды покормили всех пленных жидкой свекольной баландой. Изголодавшиеся красноармейцы мгновенно проглотили бурду, которую раньше крестьяне кормили только скотину.

Раз в сутки, каждой «теплушке» давали пять ведёр некипячёной воды. К счастью бойцов, погода стояла не жаркая, не как в далёком Крыму. Поэтому жажда терзала людей не так сильно, как раньше.

Уже ближе к вечеру, поезд остановился на крохотной станции, расположенной недалеко от границы. Григорий глянул в окно и увидел, что состав оказался у густого соснового леса. Дверь «теплушки» с шумом и грохотом откатилась в правую сторону. Фашисты приказали всем пленным: «Немедленно выходить из вагона».

Измождённый голодом, жаждой и большой теснотой, парень лишь безразлично кивнул. Григорий равнодушно отметил, что они больше не пересекали польский рубеж, а их уже выгружают. Хотя он прекрасно запомнил слова молодого

го эсэсовца. Тот офицер заявил, что пленных отправят в Германию.

– «Возможно, нас сейчас отведут во временный лагерь. Ну, а потом, пересадят на поезд с колеёй европейских размеров, и мы двинемся дальше. Надеюсь, там будет не хуже, чем в этой теплушке», – подумал молодой человек и хотел повернуться к открытому выходу.

Онемевшие от долгого стояния, ноги отказались служить сильно истощённым бойцам. При попытке шагнуть, колени у всех подгибались, и заключённые кулями падали на пол.

Чтобы не оказаться погребёнными под телами людей, что двигались следом, пленные на руках отползали от грузового состава. Григорий увидел сумятицу, случившуюся возле дверей, и прислушался к своему организму. Он ощутил, что находится в таком же плохом состоянии, как и все остальные сокамерники. Парень отчётливо понял, что ему очень сложно шевелить затёкшими мышцами.

К тому времени, половина красноармейцев шумно вывалилась на бетонный перрон, и в «теплушке» стало немного свободнее. Парень схватился руками за узкий подоконник окна и стал разминаться. Превозмогая боль в отёкших суставах, он осторожно присел несколько раз.

Выпрямлять, согнутые при этом колени, было довольно мучительно. Поэтому парень скорее подтягивался на крепких руках, чем поднимался на ноги. Минуту спустя, крово-

обращение немного ускорилось. Мышцы стали гораздо подвижнее.

Еле переставляя одеревеневшие за неделю конечности, Григорий ходульной походкой выбрался из тесной «теплушки» и настороженно повертел головой. Как оказалось, до этой маленькой, давно заброшенной станции, доехал только один советский вагон. Все остальные уже отцепили где-то в дороге.

Ещё парень заметил, что рельсы на шпалах уложены не в два, как в Советском Союзе, а в четыре ряда. Внутри колеи российских размеров, шириной в 1520 миллиметров, находилась другая, та, что применялась в Европе. Как помнил боец, она была на 85 миллиметров поуже. Благодаря этой хитрости по данной ветке могли ходить поезда разных стран.

Вокруг небольшого перрона стояли упитанного вида фашисты, вооружённые карабинами «Маузер». Они с громким хохотом наблюдали за выгрузкой пленных. Все красноармейцы были оборванными, донельзя худыми и грязными, и чрезвычайно смешно копошились на пыльном бетоне.

Наконец, все заключённые с огромным трудом поднялись с площадки. Не разбираясь по росту, они торопливо построились в одну большую шеренгу. Многие пленные были в таком плохом состоянии, что еле стояли на непослушных ногах.

Из очень маленького, словно игрушка, вокзала появился

холёный молодой офицер, одетый в чёрную форму «СС». Он встал перед строем и на хорошем русском наречии громко сказал:

– Провести переключку!

С правого фланга начался привычный расчёт, только в тот раз, он не прерывался уже до конца. Всего набралось сто семь человек. Выслушав красноармейца, замыкавшего строй, офицер заглянул в лист бумаги, что держал в правой руке. Он удовлетворённо кивнул и сказал:

– Сейчас вас отведут в лагерь для пересыльных людей. Там всех накормят и дадут отдохнуть. Затем распределят на работы. Должен предупредить, что те, кто попытается оттуда сбежать, будет расстрелян на месте! Колонна – налево!

Возникла очередная заминка. Остывшие от голода и долгих мучений бойцы не смогли сориентироваться, где право, где лево и затоптались на месте. Потом они повернулись в том направлении, которое им указал крепкий фельдфебель, стоявший рядом с фашистом.

Некоторые красноармейцы не смогли сохранить равновесие. Они не удержались на онемевших ногах и мешками свалились на узкий перрон. Усилиями соседей по строю, упавших соратников всё же подняли с земли.

Последовал новый приказ офицера:

– В колонну по четыре – становись!

Измученные советские пленные, кое-как разобрались по шеренгам и построились в походный порядок.

– Шагом марш! – приказал холёный эсэсовец. Уверенной спортивной походкой офицер устремился к низенькой ленте и быстро сбежал с железнодорожной платформы. Он сел в легковую машину чёрного цвета и куда-то уехал.

Услышав команду, красноармейцы не в ногу шагнули вперёд и нестройными линиями направились к краю перрона. Они дошли до конца короткой платформы и с огромным трудом, спустились на польскую землю. Еле переставляя опухшие ноги, они поплелись по узкой дороге.

Через сто с чем-то метров просёлок привёл их в густой, по-европейски ухоженный лес. Вокруг стояли высокие старые сосны толщиной в обхват. Не иначе, как там был заповедник, в который когда-то вела российская железнодорожная ветка.

Истощённые пленные шагали все вразнобой и далеко растянулись на марше. Как это ни странно, фашисты не обратили на это никакого внимания. Они шли по двум сторонам от колонны и вели себя так, словно все находились в уютной берлинской казарме.

Едва офицер скрылся из вида, как фрицы небрежно закинули карабины за спину и принялись очень шумно общаться между собой. Григорий хорошо понимал дурашливый трёп упитанных немцев.

Охранники беззаботно подшучивали над невезучим приятелем и громко смеялись над ним. Как понял парень, вчера,

рядовой этой команды сел перекинуться в карты с друзьями. Он проигрался дотла, потом, с горя напился, а теперь сильно страдал от большого похмелья.

Боец внимательно слушал пустую болтовню вертухаев. Он с удивлением думал о том, что немцы совсем не смущаются от ужасного вида измученных и сильно оборванных пленных.

Кроме того, они абсолютно не опасаются красноармейцев: «Впрочем, чего им теперь-то бояться? В данный момент, всех ветром качает. Ткни каждого пальцем, он упадёт. Так что, напасть на конвой мы просто не сможем», – огорчённо подытожил Григорий.

Неожиданно в голову парня пришла совсем новая мысль: «Правильно говорили политруки на занятиях, славяне для них всего лишь недочеловеки. Грязные, дикие и тупые животные. Им уготована роль – быть рабами у чистокровных арийцев».

Скоро, фашисты устали трепаться о скабрёзных деталях вчерашней попойки. Они прекратили болтать, и единственное развлечение для парня закончилось. Потянулись однообразные вёрсты совершенно пустого лесного просёлка.

Путешествие по густому сосновому бору, нетронутому топором дровосека, действовало на него усыпляющее. Парень даже слегка задремал на ходу. Так он и топал вперёд, механически двигая ноги, которые всё ещё, плохо ему под-

чинялись.

Часа через два, пленные, наконец-то, пришли к намеченной фрицами точке. Узкий просёлок неожиданно резко вильнул. Лес вдруг расступился, и бойцы оказались у обширной продолговатой поляны.

Утомлённый длительным маршем, Григорий с ощутимым трудом очнулся от тяжёлой дремоты. Выглядывая из середины длинного строя, он вытянул шею и кое-как рассмотрел то, что находится у них впереди.

На уютной прогалине размещался совсем небольшой, можно сказать, крохотный лагерь. Вдоль одной стороны ограждения стоял длинный барак, сложенный из дикого камня. Судя по внешнему виду, когда-то давно там находилась конюшня усадьбы.

Напротив неё размещался добротный одноэтажный коттедж. Наверняка он принадлежал коменданту скромного учреждения. Такие красивые здания Григорий видел лишь на иностранных открытках и в импортных фильмах, которые, иногда, смотрел до войны.

Рядом виднелось кирпичное здание, сильно смахивающее на казарму. К нему примыкали однотипные сооружения, походившие на пристройки для хозяйственных нужд.

Между баракom для заключённых и помещениями немецкой охраны расположился грунтовый, хорошо утоптаный плац. От жилой зоны фрицев он был отделён высоким забором из ржавой проволоки со стальными шипами.

«Вот и весь тебе лагерь, – уныло подумал Григорий. – Ни тебе производственных мастерских, ни какой-нибудь лесопилки. Скорее всего, раньше здесь размещалась чья-нибудь дача или обычный кордон лесника. Кругом растёт густой старый лес. Скорее всего, нас заставят валить большие деревья и вывозить тяжёлые брёвна к железной дороге».

Просёлок, что привёл пленных к лагерю, там и кончался. По бокам и с другой стороны странной зоны густою стеной стояли высокие корабельные сосны. Прямоугольную территорию окружал довольно высокий, не менее трёх с лишним метров, забор, из всем привычной, ржавой «колючки».

По углам скромной площадки находились деревянные вышки, покрытые дощатым навесом. На каждой из них размещался ручной пулемёт и два солдата, вооружённых винтовками «Маузер».

Оказавшись у зоны, вртухаи тотчас подтянулись и стряхнули с себя всё благодушие. Фрицы взяли оружие наперевес и стали действовать на удивление чётко. Они выстроились с обеих сторон от колонны и без суеты направили пленных вперёд.

Шаркая ногами в разбитых сапогах и ботинках, заключённые устало приблизились к высокой ограде. В ней находились ворота, изготовленные в той же манере, что и забор. Они оказались гостеприимно распахнуты.

Стоящие у входа фашисты спокойно дождались, пока

красноармейцы прошли внутрь зоны. Затем навалились на широкие тяжёлые створки, сколоченные из внушительных брусьев. Те заскрипели, неспешно сошлись и с шумом захлопнулись за спиной советских бойцов. Они очутились на половине для зеков.

У Григория даже сердце вдруг защемило. С неожиданно сильной тоской парень внезапно подумал: «Выберусь ли я отсюда живым?»

Из уютного небольшого коттеджа вышел тот же эсесовец, который на маленькой станции встречал пересыльный этап. Не спускаясь с крыльца, он громко крикнул:

– Построиться в одну шеренгу!

Пленные с трудом разобрались между собой и встали, как приказал молодой офицер. Последовала друга команда:

– По порядку номеров – рассчитайсь!

Провели ещё одну переключку. Как это ни странно, но в лагерь пришли все сто семь человек. Никто не упал по дороге и фашисты никого не убили. Офицер довольно кивнул, развернулся и вальсяжной походкой вернулся в свой замечательный дом.

Подбежали охранники и загнали всех узников в длинный барак. Давно обжитое людьми помещение оказалось абсолютно пустым. На грубых двухъярусных нарах почему-то не оказалось ни одного человека. Хотя потёртые доски и засаленные тюфяки из соломы говорили о том, что не очень давно, тут находилось множество других заключённых.

«Наверное, фашист не соврал и это пересылочный лагерь. Иначе здесь жили бы люди!» – с облегчением подумал Григорий. Парень упал на ближайшие нары и мгновенно уснул.

В семь утра, во дворе странного лагеря надрывно завывала сирена воздушной тревоги. В спящий барак плотной гурьбой ворвались фашисты, и резкая немецкая речь разнеслась по всему помещению. Сонные заключённые мгновенно слетели с удивительно жёстких неудобных постелей. Они выскочили в широкий проход и, спотыкаясь, встали между рядами шконок из дерева, высотой в два этажа.

В ход пошли приклады винтовок. Подгоняя пленных ударами, фашисты направили узников к выходу. Они выгнали их на маленький плац, поставили в одну длинную линию и провели переключку. Как все и думали, за прошедшую ночь никто из бойцов не сбежал и от истощения не умер.

Начальник охраны, высокий фельдфебель, благосклонно кивнул и продолжил свою непростую работу. Он открыл общий список сидельцев и прокричал на ломаном русском:

– Сейчас я стану зачитывать ваши фамилии. Тот, кого я назвал, должен выйти из строя и сделать два шага вперёд. Я сообщу пленному его порядковый номер по списку. Заключённый обязан запомнить данную цифру, громко её повторить и бежать на правый фланг вашей шеренги. Ему нужно встать рядом с предыдущим солдатом. В дальнейшем вы всегда будете строиться в этом порядке!

Шеф вертухаев стал громко выкрикивать фамилии пленных и присваивать им номера. Григорий Степанов оказался в списке сорок третьим по счёту. Он трусцой перебежал в правую сторону и встал в новый строй. Потом повертел головой и запомнил соседей, что стояли поблизости. Рядом оказались такие же истощённые люди, как он.

Наконец, охрана присвоила клички всем пленным. Один из фашистов проскочил в небольшие ворота, отделявшие зону охранников от территории узников. Он подбежал к небольшому коттеджу, стоящему в жилой зоне немцев, взлетел на крыльцо и постучал в деревянную дверь.

Из прекрасного дома появился уже знакомый эсэсовец. Ленивой походкой начальника, он прошёл в зону сидельцев, встал перед строем и громко сказал:

– Я комендант учебно-тренировочного учреждения вермахта! Здесь установлены определённые правила: за невыполнение приказов любого сотрудника лагеря – расстрел на месте! За невыход или опоздание на переключку – расстрел на месте! За неопрятный вид, грязную и рваную форму – расстрел на месте! Сигналом к сбору на этом плацу служит звук воздушной сирены! Время на сбор тридцать секунд!

Давая пленным впитать и осознать выданную им информацию, офицер чуть помолчал. Затем он продолжил:

– Из Германии, завтра придут инструкторы вермахта и их подопечные. Вы будете спарринг-партнерами для этих со-

трудников. Послезавтра, с утра начнём тренировки. – Офицер развернулся и вернулся в свой чудесный коттедж.

Начальник охраны вновь взял инициативу в свои крепкие руки:

– Сейчас вы получите новую форму! Потом пройдёте в барак. Умоетесь и переоденетесь. Старое обмундирование приказываю аккуратно сложить на своём спальном месте. Эти вещи вам ещё пригодятся. Затем вернётесь на плац. Номера с первого по десятый – налево! К интенданту, шагом марш! – отдал он короткий приказ:

Названные фашистом, невольники молчком повернулись и двинулись вслед за охранником, стоявшим с правого края шеренги. Немец прошёл через плац, привёл заключённых к скромному зданию и поставил их перед распахнутой дверью. Каждому из бойцов быстро вручили по комплекту солдатского обмундирования РККА. Правда, без знаков различия.

Хоть вещи были и старые, но всё-таки целые и, что самое странное, чистые. Тем, у кого оказалась очень разбитая обувь, дали поношенные кем-то портянки и сапоги. Вместе с одеждой каждый из арестантов получил кусок белой ткани размером с ладонь. На нём был порядковый номер, написанный широким пером, чернилами чёрного цвета.

Едва первый отряд получил «новую» форму, как его отослали в барак и приказали: – Умыться и переодеться.

Его место занял второй десяток, за ним третий и так далее

до самого края длинной шеренги.

Как оказалось, в умывальной находились поляки, которые исполняли роль парикмахеров. Всех арестантов подстригли «под ноль» ручной блестящей машинкой и, почти «на сухую», сбрили им трёхнедельные бороды опасною бритвой.

После чего, их отослали к кранам с холодной водой. Закончив «помывку», красноармейцы снова построились на том же плацу. Начальник охраны придирчиво осмотрел всех бойцов и сказал:

– Сейчас вас накормят! Подходить к полевой кухне вы будете в том же порядке, в котором вас называли. Тот, кто нарушит данное правило – будет расстрелян.

После получения пищи вернётесь в шеренгу, а когда я вас отпущу, пойдёте в барак. Позавтракаете и пришьёте на левый карман гимнастерки номер, полученный от интенданта. Потом займётесь своим старым обмундированием.

Стирать будете в отделении для умывания. Заходить туда только по очереди. Сначала первый десяток, потом второй и так далее. Долго там никому не задерживаться. Стирать быстро, воду без дела не лить. Охрана будет строго следить за соблюдением порядка. Сушить одежду придётся на нарах. Стричь и брить вас всех будут один раз в неделю. А сейчас – все налево!

Бойцы повернулись и направились к дальнему краю пустынного плаца. Там находилась передвижная кухня немец-

кой пехоты с большими колёсами тележного типа. Она дымила высокой и толстой, закопчённой трубой, и удивительно смахивала на простую арбу.

На подобных повозках ездят узбеки, таджики и прочие жители жарких, среднеазиатских республик. Григорий видел их в занимательной книге о Ходже Насреддине.

Пленные помнили о жуткой расправе, что случилась при получении воды в крымском лагере. Они дисциплинированно встали в длинную очередь, получили по деревянной миске овсяной каши и ложке, вырезанной из обыкновенной баклуши. Не прикасаясь к еде, они снова встали в шеренгу.

Свою пайку бойцы держали перед собой, но не могли к ней ещё прикоснуться. Получив разрешение фельдфебеля, все вернулись в барак, уселись на нары и принялись жадно глотать скудную пищу. После той голодухи, что они пережили, подобное блюдо показалось Григорию удивительным лакомством, достойным стола королей.

Умяв свою порцию, один заключённый внезапно спросил:

– Кто-нибудь знает, что такое спарринг-партнёр?

– Это напарник, с которым ты должен проходить обучение. Например, твой противник по боксу или борьбе – пояснил молодой человек, находившийся рядом с Григорием. Судя по внешнему виду, он работал когда-то преподавателем в школе, или, например, в институте. Ему только круглых очков не хватало.

Другой боец немного подумал и тихо добавил: – Скорее

всего, здесь станут учить диверсантов. Они будут на нас отрабаты­вать боевые приёмы.

После таких ободряющих слов все приуныли, но делать им было нечего. Пришлось всем обжиться в польском ла­гере фрицев.

Спарринг-партнёр для служащих вермахта

Однако, всё знающий красноармеец очень сильно ошиб­ся. Эсэсовский комендант говорил на плацу не о диверсан­тах и парашютистах, которых должны подготовить к заброс­ке за линию фронта.

Всё вышло значительно хуже, чем предполагали бойцы. Реальность была намного ужасней, чем арестанты могли, се­бе только представить. Как раньше думал Григорий, такое удаётся увидеть, лишь в самых страшных кошмарах.

Лесной польский лагерь оказался разбит на две, почти равные зоны, разделённые высокой стеной из ржавой «ко­лючки». В одной части размещался утоптаный плац и кир­пичный барак для пленных советских бойцов.

На другой половине, жили фашисты. Там стояли казар­ма охраны и дом коменданта. Кроме того, там находились различные склады и ещё какие-то здания. Увидев много за­решеченных узких дверей, Григорий весьма удивился. Все входы располагались в длинной стене сооружения странного вида.

«Что же это такое? – раздумывал озадаченный парень: – То ли тесные птичники, то ли отдельные стойла для размещения скота? Интересно, зачем они здесь? Наверно, остались от прежних хозяев».

Вдобавок к несуразицам лагеря, на плацу стояли деревянные брусья и большие щиты из досок. Всё это весьма походило на полосу разных препятствий в обычной солдатской учебке.

После призыва в Красную армию, Григорий, как и каждый боец, прошёл краткий курс подготовки в таком заведении. Но там всё было ясно, а зачем они здесь, в польском лесу? Эти вопросы остались пока без ответов. Парень решил, что с течением времени, всё разъяснится само по себе. Так всё и вышло, и намного скорее, чем он ожидал.

Обещанные комендантом, занятия пока не велись, и, к удивлению парня, фашисты не трогали заключённых бойцов. Они были предоставлены сами себе. Ели горячую кашу три раза в сутки, отсыпались, латали старое обмундирование иголками с нитками, которые им дали поляки, и бесцельно бродили по плацу. Как это ни странно, но администрация лагеря этому совсем не препятствовала.

Ещё через день, уже ближе к полудню, Григорий вышел из большого барака. Он прогулялся вдоль забора из проволоки со стальными шипами. Как всегда, там слонялись без дела пять или шесть арестантов из команды под литерой «А».

В это время, наружные ворота их лагеря внезапно открылись. На территорию немцев неспешно вползли несколько крытых грузовиков военного вида. Об этом говорили одинаковые эмблемы белого цвета, нарисованные на дверцах кабин.

Григорий чуть повернулся и увидел, как шевельнулись брезентовые тенты над задними бортами машин. Они быстро откинулись и из больших кузовов стали выпрыгивать молодые ловкие немцы.

Прибывшие фрицы весьма отличались от местной охраны, которая вся состояла из сильно разъевшихся увальней среднего возраста. Повадки прибывших фашистов говорили о том, что это сильные и тренированные солдаты специальных частей германского вермахта.

Григорий вспомнил занятия по рукопашному бою, что проходили в армейской спецшколе разведчиков и печально подумал: – «Ну, вот и спарринг-партнёры пожаловали по наши грешные души. Мы тренировались со своими друзьями и брали в руки тупые макеты из дерева. Ими убить человека очень непросто. Для этого нужно попасть точно в глаз или в горло, чего никто никогда не хотел.

Наверняка, эти гады, будут работать с боевыми ножами, и использовать нас, как живых манекенов. Не убьют кулаком, так финкой зарежут». – холодок резко сжал сердце парня. По коже пробежали мурашки.

Диверсанты энергично задвигались и начали делать упражнения какого-то спортивного комплекса. Похоже, что фрицы приехали из достаточно удалённого пункта и, сидели на лавках, что стояли в военных машинах. Теперь все старались, размять руки и ноги, затёкшие за долгое время пути.

Закончив разминку, фашисты вернулись к грузовикам и стали вытаскивать из кузовов небольшие контейнеры, изготовленные из металлической сетки. Они были длиной более метра, а шириной и высотой в полтора раза меньше. В каждом мобильном вольере находилась большая овчарка, которую в СССР называли немецкой.

Когда боец осознал то, что он видит, то остолбенел от сильного страха. Животный ужас заполнил всё его существо. Драться с людьми ему доводилось достаточно часто, как на гражданке, так и в армейской спецшколе. Григорий умел постоять за себя, а вот сражаться с такими зверюгами, не приходилось ни разу.

Держась за специальные ручки, фрицы аккуратно снимали контейнеры с грузовиков, осторожно опускали на землю и открывали низкие дверцы из проволоки.

Инструкторы брали ремни из толстой кожи и цепляли к ошейникам бойцовых собак. Взяв на прочную привязь, фашисты выводили наружу удивительно злых подопечных. Матёрые псы дружно рвались на волю. Они норовили сорваться со своего поводка и сцепиться друг с другом. Поднялся ожесточённый, оглушительный лай.

Еле удерживая бесновавшихся тварей, проводники с огромным трудом вели их в сторону необычного здания. Они всеми силами, успокаивали разъярённых мощных зверей и подтаскивали жутких питомцев к низким дверям. Затем, открывали узкие створки и силком заводили их внутрь.

Фрицы выходили из помещений и, облегчённо вздохнув, закрывали стальные запоры. Спущенные с поводка, овчарки остервенело бросались на зарешеченные прочные стенки стационарных вольеров.

Красноармейцы слышали невообразимую свару собак, что поднялась на территории немецкой охраны. Они высыпали из барака для пленных и подбежали к забору, отделявшего плац от питомника.

Арестанты увидели, кого привезли грузовые машины, и глаза у них округлились от ужаса. Все дружно застыли возле ограды из ржавой «колючки». Заключённых вдруг охватила удивительно сильная, неудержимая паника. Они смотрели на будущих спарринг-партнёров и не знали, что можно сказать.

Овчарки почуяли запах ста с лишним узников и разъярились значительно больше. Они дружно пытались, прорваться сквозь прутья своих тесных клеток и напасть на советских бойцов.

– Ну, вот и пожаловали служащие германского вермахта, которых мы будем учить в этом лагере! – удручённо вымолвил кто-то. В ответ никто из бойцов не выдал ни единого слова.

На следующее утро, комендант лагеря вновь появился на половине для пленных. Эсесовец неторопливо прошёлся перед шеренгой бойцов и совершенно спокойно сказал:

– Наш учебно-тренировочный лагерь находится в самом центре огромного польского леса. Кроме просёлка, по которому вы все пришли, отсюда ведут три неширокие просеки. Итого четыре пути на все стороны света.

Ближайшее к этому месту жильё находится возле станции железной дороги, где вас выгружали из поезда. Вы уже убедились, что до него два часа пешего ходу. Остальные посёлки расположены значительно дальше.

Должен вам сообщить, что поляки вас так ненавидят, что никто не поможет ни едой, ни одеждой. Приют вам тоже никто здесь не даст. Так что, бежать я вам не советую. Некуда.

С сегодняшнего утра мы начинаем ежедневные тренировки на местности. Каждого из вас, будут по одному выпускать из нашего лагеря и направлять на какую-нибудь из немногих дорог.

Вы можете двигаться куда захотите. Можете бежать по просёлку или ломиться сквозь заросли леса. Через тридцать минут по вашему следу пустят сторожевую овчарку. Когда вас догонит собака, она на вас нападёт!

Комендант сделал короткую паузу. Он чуть подождал, чтобы до арестантов дошли те слова, что он произнёс и про-

должил спокойным размеренным тоном:

– Того, кто залезет на дерево, будет расстрелян прямо на месте! Того, кто ударит собаку ногой, кулаком, палкой или же камнем – будет расстрелян прямо на месте! Того, кто что-то сломает собаке, лапу, челюсть или ребро – будет расстрелян прямо на месте! – офицер опять замолчал.

Эсэсовец достал из кармана мундира золотой портсигар. Он щёлкнул крышкой, отполированной до зеркального блеска, взял сигарету и сунул её в свои узкие губы, кривящиеся от явной насмешки.

Никуда не спеша, офицер выудил из чёрных, как ночь, галфе изящную зажигалку с брильянтами. Он зажёл небольшой огонёк, прикурил и, с видимым за версту удовольствием, сделал большую затяжку.

Фашист прикрыл голубые глаза и замер, наслаждаясь душистым букетом иностранной табачной продукции. Секунд десять спустя, он выпустил струйки белого дыма из прямого, арийского носа и равнодушно добавил:

– Пока к собаке не подойдёт проводник, вы можете её как-то удерживать. Если, конечно, сумеете. После того, как инструктор возьмёт питомца на поводок, вы должны вместе с ними, вернуться в наш лагерь.

Тот, кто не выполнит какой-то приказ или же нападёт на наших сотрудников, – будет расстрелян на месте!

Комендант снова прервал свою длинную речь. Он опять чуть помолчал и равнодушно закончил:

– Номера, с первого по двадцатый включительно, два шага вперёд! Шагом марш!

Первая группа невольников неохотно исполнила эту команду. К ним подошли вертухаи и увели их с собой. Остальных узников лагеря накормили привычной едой и надолго забыли про них.

Душу Григория заполнило большое волнение. Как и другие сидельцы, он не находил себе места. Не зная, чем себя можно занять, парень уныло бродил по пыльному плацу. Парень думал о том скором времени, когда придёт его очередь, бежать от злобных собак.

Через пару часов, в лагерь вернулся один из бойцов, входивших в первую партию спарринг-партнёров. Красноармеец шумно ввалился в барак и подскочил к жестяному бачку, стоящему возле дверей умывальной. Он зачерпнул полную кружку воды и жадно напился.

Все пленные сгрудились возле запыхавшегося от напряжения товарища. Все ждали рассказа о том, что же случилось в лесу? Он опустил на нары, облегчённо вздохнул и с трудом стал говорить:

– Два вертухая, вывели меня за ворота концлагеря и указали на длинную просеку, что шла на восток. Там сильно толкнули прикладом и приказали: «Форвард! Шнель! Шнель!»

Сначала я побежал по дороге. Потом немного подумал и

свернул прямо в лес. Он там довольно густой. Топаю, значит, на север и через какое-то время, я слышу – из-за спины доносится лай.

Я доподлинно знаю, что большая собака бежит быстрее человека. Так что, от неё убежать невозможно. Я и не стал даже стараться. Зачем мне без толку силы расходовать? Остановился на какой-то полянке и принялся ждать. Овчарка выскочила из леса и метнулась ко мне. Я немного пригнулся и жду, что будет дальше?

Когда до меня осталось метра три, она оттолкнулась от почвы и прыгнула. Причём, эта тварь старалась вцепиться мне горло! Даже не знаю, как я умудрился перехватить её на лету.

Вцепился я руками в ошейник. А она сука, тяжёлая, прекрасно откормленная! Со всего маху воткнулась в меня, сбила с ног, и мы покатались кувырком по поляне. К счастью, ошейник я так и не выпустил. Сжал его, как можно сильнее, и она захрипела. Тогда я чуть отпустил, чтобы не сдохла. Так и держал, пока не примчался немец с поляками.

Кто-то из слушателей недоверчиво хмыкнул:

– Как же ты смог удержать такую зверюгу?

– Да я в деревне был кузнецом! – шумно возмутился рассказчик. – Как-то по пьяни, я с мужиками поспорил, что сваляю с ног быка. И свалил! Врезал кулаком ему в лоб. Он упал на колени и минут пять не мог подняться с земли.

Если было бы можно, я бы эту собаку задушил двумя пальцами. А так, пришлось держать её бережно, можно сказать, очень нежно. Да только эта неблагодарная тварь не поняла своего великого счастья. Она махала длинными лапами в разные стороны и порвала мне штаны с гимнастёркой. – Он указал на прорехи в одежде. Сквозь них явно просматривались большие царапины от толстых собачьих когтей.

Несмотря на другие вопросы, ничего нового к небольшому рассказу кузнец уже не добавил. Он устало свалился на нары и прикрыл глаза правой рукой. Видно борьба с крупной собакой отняла у него много сил.

Заключённые не стали беспокоить товарища и молчком разбрелись в разные стороны. Григорий вышел на плац и увидел двух беседующих немецких инструкторов. Один из них вдруг рассмеялся и ответил другому:

– Да мой Рекс загрыз этого зайца за две секунды. Похоронная команда поляков уже тащит сюда его труп. А, как твой замечательный Марс себя показал?

– Никак! – ответил молодой сослуживец. Фриц помолчал и уныло продолжил: –Проклятый русак сразу залез на высокое дерево! Так что, пришлось пристрелить этого труса! Ну и живучий же он оказался, просто кошмар. Только с третьего раза я снял его с ветки.

Ошеломлённый такими словами, Григорий вернулся в барак и передал соседям по нарам подслушанный им разговор. Через минуту, весь огромный барак уже знал о судьбе дру-

зей по несчастью.

Какое-то время спустя, к забору пришло около десятка солдат без оружия. На них были мундиры, совсем не похожие на одежду фашистов. Они подошли к центральному входу концлагеря и притащили, что-то тяжёлое.

Кто-то из пленных тихо сказал:

– Поляки! Их повседневная форма!

Немцы открыли половину ворот. Похоронщики приволокли нелёгкую ношу на плац, брезгливо бросили на пыльную землю и поторопились уйти. Высокая створка захлопнулись за спинами пособников фрицев.

Как слышал боец, их тогда очень много служило в армии Гитлера. Кто-то говорил, что против СССР воевало почти двести тысяч вельможных панов. Считай пятнадцать дивизий.

Не сговариваясь, все узники бросились к забору из проволоки. Вместе со всеми поспешил и Григорий. Он подбежал поближе к ограде и увидел двух ближайших соседей по нарам.

Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять ужасную вещь – этих людей сильно погрызли большие овчарки. Вся одежда на пленных оказалась изорвана в мелкие клочья. Во многих местах, хебешная ткань насквозь пропиталась густой свернувшейся кровью.

На коже виднелись глубокие раны от огромных собачьих

зубов. Бойцы чуть шевелились и тихо стонали. У одного, локоть был вывернут под странным углом. К несчастным солдатам подскочили другие сидельцы. Их дружно подняли на руки и отнесли в барак арестантов.

– Он стоял и смотрел, как меня рвёт эта собака! – едва прошептать парень со сломанной правой рукой. – А потом я лишился сознания...

К полудню, в лагерь вернулись красноармейцы, ушедшие в первой команде. Из двадцати человек в живых оставалось лишь восемнадцать. У всех бойцов имелись ранения от острых клыков. Многих из них, псы искусаи так сильно, что они не могли самостоятельно двигаться. Тех бедолаг притащила похоронная бригада поляков. Как оказалось, их работало в лагере несколько штук.

Как и думал Григорий, фашисты не стали оказывать помощь искалеченным людям. Пленные сами ухаживали за своими товарищами. Они взяли некипяченой воды из-под крана и, как только могли, промыли страшные раны.

Потом, порвали старое обмундирование на длинные ленты и использовали их вместо бинтов. Не имея ни йода, ни «мази Вишневского», они наложили обычные сухие повязки. Затем стали отстирывать кровь с загрязнённой одежды и зашивать в ней огромные дыры.

После полудня, в лес ушла вторая двадцатка. К вечеру, в барак возвратилось лишь семнадцать бойцов. К ужасу всех

окружающих, члены этой команды рассказали почти тоже самое, что поведала первая группа.

Всё это время, Григорий вспоминал те прекрасные дни, когда он учился в школе армейской разведки, расположенной под Севастополем. Парень старался освежить в своей памяти то, что ему говорили инструкторы.

К огромному сожалению бойца, ему не пришлось пройти курс до конца. Началась война с фашистской Германией. Всех посадили в полуторки и отправили на аэродром, где они служили в охране.

К тому же, курсантам давали одну лишь теорию приёмов борьбы с большими собаками. Два коротких занятия, на которых ребята встречались с живыми овчарками, можно вообще не считать.

Ведь их тогда, одевали в стёганные бушлаты и брюки, что были пошиты из многих слоёв прочной ткани. Руководство совсем не хотело, чтобы пострадали их люди и хорошо тренированные боевые животные.

Кроме того, ознакомительная программа спецшколы не предусматривала бережного отношения к нападающим псам. Преподаватель лишь объяснял, как уничтожить собак всеми доступными способами.

Здесь же парню придётся осторожно удерживать злую овчарку, не давая ей искалечить себя или спарринг-партнёра! Иначе, его расстреляют на месте или, чуть позже, в концла-

гере, он погибнет от ужасающих ран.

Утром нового дня, настала очередь двадцатки Григория. Два вооружённых охранника вывели парня из центральных ворот третьим по счёту. Его обыскали и, не найдя ничего в карманах одежды, повели вдоль забора в правую сторону. Втроём они обошли маленький лагерь и оказались у просеки, уходившей от зоны на запад.

Там их ожидал тот самый инструктор, который похвастался своим жутким псом перед унылым приятелем. На поясе у поджарого немца висела кобура с пистолетом. У его левой ноги сидела чёрная псина и злобно рычала на пленного. За спиной фашиста стояли четыре поляка из похоронной команды.

Григория подвели к огромному Рексу. Инструктор дал команду собаке:

– Schnuppern! – овчарка послушно обнюхала красноармейца и отступила назад. Немец приказал арестанту: – Вперёд! Быстро! Быстро!

Боец развернулся, ринулся с места в карьер и устремился по узкой дороге, уходящей в глубины соснового бора. Он пробежал в таком быстром темпе сто с чем-то метров и свернул в старый лес.

Парень укрылся за стволом самого толстого дерева, которое там оказалось, остановился и опустился на тёплую землю. Он быстро стянул сапоги и снял с ног портянки, недавно

полученные от интенданта фашистов.

Под ними оказались другие, достаточно старые. Их дали ему в родной Красной армии ещё месяц назад. Второй комплект он предусмотрительно намотал на ступни перед самым выходом в лес, а теперь оставил на месте.

Григорий быстро обулся, встал и, никуда не спеша, направился дальше. По ходу движения, парень взял два куска прочной ткани и использовал их в новом качестве. Он весьма аккуратно уложил две портянки на левую руку и тщательно намотал их поверх рукава гимнастёрки.

Повязка закрыла предплечье и хорошо защитила его от локтя до самой ладони. Свободные концы этих тряпок боец крепко зажал в кулаке. Едва он закончил с ответственным делом, как за спиною послышался громкий озлобленный лай.

«Как скоро! – удручённо сказал себе парень. – А фашист говорил, что собаку отпустят через тридцать минут. Видно, хотят поскорее закончить тренировки сегодня».

Григорий быстро осмотрелся по сторонам. Только сейчас он заметил, что лес, словно вымели какие-то очень усердные дворники. Нигде не было видно никакого подлеска, ни даже сучьев, упавших на землю.

«Это сделали, чтобы спарринг-партнёры не прятались в непролазных кустах и не отмахивались толстыми ветками от огромных собак», – понял боец и продолжил вертеть голо-

вой.

Чуть левее, парень заметил большую сосну, одиноко стоящую в центре округлой поляны. Боец кинулся к толстому дереву и встал лицом к бегущим фашистам. Он прислонился спиной к стволу и постарался слегка успокоиться.

Сорванное бегом, дыхание полностью восстановилось, но сердце никак не хотело, уменьшить количество ударов в секунду. Пульс частил с такой большой скоростью, словно парень не очень давно прекратил жестокую драку.

Из леса, живой стрелой выскочила матёрая псина. Разгорячённый азартной погоней, Рекс поднял массивную голову. Он оторвался от цепочки следов намеченной жертвы, увидел Григория и большими скачками метнулся к нему. Зверь проскочил разделявшее их расстояние, оттолкнулся от почвы и прыгнул на парня. Его клыки нацелились на кадык человека.

Внезапно, с Григорием произошло нечто такое, что раньше с ним никогда не случалось. Вернее, не с ним, а с его восприятием окружающей действительности. Течение времени вдруг сильно замедлилось. Оно стало тянуться подобно тягучему мёду, плавно текущему из перевёрнутой банки.

Тело немецкой овчарки вытянулось в полёте и словно повисло в утреннем воздухе. Двигаясь медленно, как в упругой среде, парень выставил левый локоть вперёд и закрыл им своё незащищенное горло. Правую руку он поднял на уровень пояса и направил к собаке.

Морда огромного пса неторопливо приблизилась вплотную к нему. Боец собрал всё своё мужество в крепкий кулак. Он протянул левое предплечье вперёд и сунул его в широко открытую пасть. Наполненные острыми, большими зубами, мощные челюсти сразу же сжались с удивительной силой.

Григорий почувствовал себя так, будто у него на руке внезапно захлопнулся очень тугой волчий капкан. Нестерпимая боль пронзила все мышцы от кисти до верха плеча. Несмотря на усилия, прилагаемые разъярённой собакой, она не смогла прокусить рукав гимнастёрки и две достаточно толстые портянки из ткани.

Однако, злобная тварь всей своей массой продолжала лететь на молодого бойца и она ничуть не замедлила скорости своего продвижения. В самый последний момент, парень начал смещаться направо и почти увернулся от тяжелого тела массивного Рекса.

Пятьдесят килограммов тренированных мышц со всего маху вlepились в торс человека. Удар пришёлся вскользь по груди, и всё же, красноармеец почувствовал, как затрещали левые ребра.

К счастью Григория, часть этой энергии принял на себя ствол толстой сосны, на которую парень опирался спиной. Не ослабляя крепкую хватку, собака упала на землю и своим большим весом увлекла бойца за собой.

Резкое столкновение с деревом слегка оглушило злобного пса. Рекс на мгновение потерялся в пространстве и не успел

быстро подняться на ноги. Используя это короткое время, Григорий сунул правую кисть в подбрюшье животного. Он схватил кабеля за причинное место и крепко сжал его пальцами.

Зверь резко дёрнулся и замер, как статуя, но руку бойца он всё же не выпустил. Время пришло в прежнее своё состояние и опять потекло в нормальном режиме. Враги неподвижно лежали параллельно друг другу.

Через две-три минуты на поляну ворвался запыхавшийся инструктор собаки. Следом за ним, тяжело топали двое охранников, а так же команда, состоящая из четырёх высоких поляков.

Немец увидел Григория, прижимавшего Рекса к земле, и весьма удивился такому положению дел. Поводырь замер на месте и потянулся к своей кобуре. Он быстро достал пистолет и лишь после этого, вновь направился к парню. Охранники тоже сильно встревожились. Они скинули с плеч карабины и взяли оружие наизготовку.

Почувяв запах хозяина, Рекс вдруг заскулил. Ошеломлённый неприятной картиной, фашист подскочил к заключённому и приставил свой «Браунинг» к его голове. Лево́й рукой он привычно защёлкнул карабин леера на ошейнике пса и отдал команду:

– Фу! – зверь послушно разжал крепко сжатые челюсти.

Немец ткнул стволом пистолета в голову красноармейца

и жёстко сказал:

– Отойди от собаки!

Григорий осторожно разжал пальцы правой руки и отпустил причинное место противника. В ту же секунду, Рекс оказался уже на ногах. Он длинным прыжком отскочил от бойца и начал яростно лаять.

Натянув поводок, овчарка стояла за спиною хозяина и буквально захлебывалась от бессильной, бешеной злобы. Однако напасть на солдата, что лежал на земле, она не решилась. Григорий прижал к животу левую руку и прикрыл её правой.

Инструктор не обратил на это никакого внимания. Он доподлинно знал, что тренировки подобного рода всегда завершаются тяжёлыми травмами спарринг-партнёров. Поэтому просто решил, Рекс укусил советского пленного, прежде чем тот ухватил могучего пса за уязвимое место. Такое, хоть, редко, но всё же случалось.

Фриц отошёл от сосны, немного нагнулся и ласково потрепал по загривку своего дорогого питомца. Пёс перестал содрогаться от злости, но продолжал громко лаять на заключённого. Фашист повернулся к бойцу, спрятал пистолет в кобуру и приказал:

– Встать! Двигай в барак!

Не делая резких движений, Григорий медленно поднялся с земли и пошёл в свой концлагерь. Левую руку он, как и

прежде старательно прятал от молодого инструктора.

Немец с Рексом и двое охранников с похоронной командой неспешно двигались сзади. Вертухай о чём-то тихо болтали между собой. Поляки были очень довольны, что им не пришлось два километра тащить мертвеца.

Униженная красноармейцем собака никак не могла успокоиться. Она безостановочно лаяла, но кинуться на арестанта, совсем, не спешила. Наконец, инструктору надоел этот шум, и он приказал своему подопечному: – Тихо. – зверь мгновенно умолк, но время от времени, он продолжал тихонько рычать.

По дороге назад, парень незаметно смотал плотную ткань с левой руки. Он аккуратно сложил две портянки, сунул их за пояс солдатских штанов и хорошенько прикрыл подолом гимнастёрки. Ремни из брезента у них давно отобрали фашисты. Ведь их можно использовать вместо удавки, как для себя, так и для фрицев.

Григорий завернул свой левый рукав и осмотрел всё предплечье. Измятые зубами овчарки, мышцы сильно болели. Кожа была в ссадинах и кровоподтёках, но, судя по внешнему виду, кости оказались в полном порядке.

Вернувшись в барак, Григорий тотчас рассказал, как прошла его «тренировка» с немецким спарринг-партнёром. Его подробный доклад не вызвал большого внимания у заключённых. К этому времени, у сорока процентов бойцов был уже собственный и, часто довольно печальный, опыт таких

столкновений.

К тому же, история парня мало чем отличалась от прочих, не раз уже слышанных советскими пленными. Плюс ко всему, мало узнать, что необходимо тебе предпринять в такой непростой ситуации. Нужно ещё умудриться, всё это проделать без сучка, без задоринки. Иначе не избежать тяжких травм и глубоких укусов.

В тот день, в лесу погибло три человека.

Поздней ночью, у красноармейца со сломанной правой рукой, температура вдруг подскочила, а тело стало трясти, как в лихорадке. Скорее всего, у него началась гангрена. К утру, бедняге стало так плохо, что он не смог самостоятельно подняться с постели.

К бойцу поспешили на помощь соседи по нарам. Однако, как только больного поставили на ноги, он лишился сознания и безвольно обмяк. Пришлось уложить его снова на деревянную шконку. Вот так и вышло, что он не попал на ту перекличку, которая проводилась с утра.

Фельдфебель назвал фамилию того арестанта, но никто не откликнулся возгласом: – Здесь.

Ответить вместо него, не позволял тот чёрный номер, что был нашит на груди каждого из ста заключённых. Начальник охраны отдал короткий приказ. Два вертухая стронулись с места и помчались в барак. Минуту спустя, фашисты за ноги притащили человека на плац и бросили его перед строем.

Прошаживаясь перед шеренгой бойцов, комендант объявил строгим голосом:

– Согласно правилам внутреннего распорядка нашего лагеря, за невыход или опоздание на переключку полагается одно наказание – расстрел на месте! – Он повернулся к своим подчинённым и приказал: – Привести приговор в исполнение!

Один из охранников перёдёрнул затвор, поднял карабин и выстрелил в голову пленного, что беспомощно лежал на земле. Как ни в чём не бывало, фашисты продолжили проверять наличие спарринг-партнёров для сотрудников вермахта.

Минуту спустя, появилась похоронная команда поляков. Четверо крепких мужчин подхватили убитого за руки, за ноги и унесли мёртвое тело из лагеря. Где-то в сосновом лесу была длинная яма, куда бросали погибших.

Второй выход в лес для Григория едва не закончился самым отвратительным образом. Видимо, в тот неудачливый день судьба решила сыграть с заключённым очень мерзкую шутку.

К ужасу парня, его спарринг-партнером оказался не взрослый кабель, а сильная матёрая сука! Собака врезалась в грудь и легко сбила с ног молодого бойца. Они вместе упали на землю и, сплетясь в огромный клубок, покатались по хвойной подстилке.

Всё было точно так же, как с Рексом, вот только схватить

эту овчарку оказалось-то не за что. Придя в отчаяние, узник сжал в кулаке шкуру на животе злобной твари. Это не произвело на неё впечатления.

Злобно рыча, овчарка вскочила на лапы, вырвалась из захвата бойца и стала мотать головой в разные стороны. Она хотела перекусить руку пленного, обмотанную вонючими тряпками.

Стоя перед ней на коленях, Григорий схватил правой ладонью за широкий ошейник и попытался удержать очень злые рывки мощного зверя. Боль становилась всё сильнее и сильнее. Казалось, что нет уже мочи, терпеть эту страшную муку.

Потеряв контроль над собой, парень рассвирепел, и собрался врезать собаке по черепу. В самый последний момент, он всё-таки вспомнил, что и за лёгкую травму, нанесённую зверю, его расстреляют на месте.

Красноармеец не смог остановить мосластый кулак, летящий вперёд. К счастью, он успел разжать сильные пальцы и впечатал в моду собаки открытой ладонью. Удар пришёлся в её чёрный нос.

Внезапно сука обмякла. Глаза у неё затуманились, и она безвольно разжала огромные челюсти. Григорий тут же воспользоваться состоянием «грогги» противника. Пока овчарка пребывала в нокдауне, парень схватил ошейник руками, вскочил собаке на спину и оседлал злобную тварь. Он сжал коленями её крепкое тело и всей своей массой припечатал

к земле.

Затем, быстро просунул левую кисть под широкий ремень, плотно сжал его в кулаке и потянул на себя. Кольцо из толстой кожи быка передавило глотку овчарке, и она захрипела. Григорий схватил правой рукой мохнатую шкуру на загривке собаки и пригнул её шею к земле.

Когда псина пришла немного в себя, она уже не могла шевельнуться. Любое движение ей грозило опасностью, свернуть себе шею. Овчарка застыла на месте. Так она и лежала на брюхе до тех самых пор, пока не явился озадаченный её положением инструктор.

Суки парню встречались достаточно часто, и со всеми Григорий действовал по отработанной схеме. Если, нет прищипалов, как у всех кобелей, значит, нужно хватать за ошейник и слегка её придушить. Главное, чтобы не нанести этой псине, травму трахеи.

Смертельно опасные встречи с немецкими спарринг-партнёрами продолжались без перерыва, изо дня в день. Вследствие этого, в длинном бараке оставалось всё меньше и меньше людей.

Одни умирали лёжа на нарах, забывшись в горячечном сне, вызванном заражением крови. Тех, кто не мог утром встать с жёстких нар, и сыграть роль крупной дичи для злобных собак, убивала охрана фашистского лагеря.

Всех прочих бойцов – еле живых, ослабевших от рваных ран и глубоких укусов, гнали на «тренировки» со стороже-

выми овчарками. В лесу их очень быстро настигали удивительно злобные твари. Они валили пленных на землю и загрызали их насмерть.

Прощальный банкет коменданта

Следующим хмурым и безрадостным утром очередная двадцатка ушла в польский лес. Через час-полтора Григорий услышал, как из репродукторов, висевших на плаце, донёсся весьма раздражённый крик коменданта:

– Всем, свободным от вахты, инструкторам, вместе с питомцами, и солдатам охраны срочно собраться у центральных ворот.

Едва стих голос эсэсовца, как началась суматоха, невиданная для данного места. Из обрывков разговоров фашистов, Григорий всё-таки понял, в чём собственно дело.

Выяснилось, что кинолог, который участвовал в последних занятиях, позвонил с резервного пункта, расположенного на восточной дороге. Он сообщил, кто-то из пленных сбежал.

Комендант взбеленился и объявил боевую тревогу. Вертухаи и тренеры, со своими воспитанниками, быстро построились и куда-то поспешно ушли. С ними уехал и небольшой грузовик, что обслуживал лагерь. В нём сидело несколько проводников и собак.

После полудня, машина вернулась назад. Охранники подняли брезентовый тент и быстро откинули задний борт автомобиля. Вертухаи, что находились внутри, что-то швырнули наружу.

Сильно избитый боец, молча, свалился на землю и неподвижно лежал на спине. Подбежала похоронная команда поляков и оттащила человека в сторонку. Потом из кузова выбрались усталые фрицы с овчарками.

Послышался душераздирающий вой воздушной сирены. Пленные выскочили из большого барака и торопливо построились в линию. Ведущие на половину охраны, ворота открылись.

На плацу появился разъярённый, как никогда, комендант. За ним шли хмурые фрицы с карабинами наизготовку. Поляки схватили под руки пойманного в лесу беглеца. Они притащили его на утоптаный плац и бросили между шеренгой охраны и строем советских бойцов.

Лежащий в пыли человек шевельнулся. Он повернулся на бок и очень медленно сел. Чтобы не свалиться на спину, он сдвинул руки за спину и прочно опёрся ладонями в землю.

Григорий всмотрелся в красноармейца и еле узнал в нём кузнеца, которого отлично запомнил с первого дня «тренировок». Всё лицо молодого солдата представляло собой огромный кровоподтёк. Судя по пятнам крови на брюках, обе ноги у него были прострелены

Стараясь слегка успокоиться, комендант чуть помолчал. Он набрал в лёгкие воздуха и крикнул до предела рассерженным голосом:

– Эта свинья убила лучшую сторожевую собаку данного курса. Затем, он попытался бежать. Согласно правилам внутреннего распорядка нашего лагеря он приговаривается к немедленному расстрелу на месте!

Не поворачиваясь к своим вертухаям, офицер бросил через плечо, но уже по-немецки: – Курт! Отомсти за своего верного друга! Пристрели эту славянскую грязную тварь!

Из строя фашистов вышел инструктор – проводник чёрного Рекса. На его потемневшем от злобы лице расплывался огромный синяк. Кузнец попытался сесть поровнее и с трудом прохрипел:

– Дерьмо был этот Рекс, а не сторожевая собака! Хотя я не собирался его убивать. Слегка задел кулаком, а он и подох. А вот тебя, мерзкий Курт, я точно хотел там угробить! Жаль, что не попал в твою морду, как следует!

Трясаясь от неукротимого бешенства, что кипело в душе, инструктор подошёл к сидящему на земле заключённому. Он выхватил из кобуры пистолет и, не целясь, выстрелил почти что, в упор.

Пуля попала кузнецу в переносицу. Руки бойца подломились. Он мешком рухнул навзничь, содрогнулся всеми членами тела и мгновенно затих.

Натаскивание служащих вермахта тут же продолжилось, словно ничего не случилось. Выживших пленных осталось удивительно мало. Теперь им приходилось играть роль крупной дичи по два раза в день – утром и после полудня.

К этому времени, парень успел «познакомиться» со всеми собаками, что привезли на «тренировку» в их лагерь. После первой, весьма чувствительной встречи с Григорием, собаки себя вели уже по-другому.

Во время занятий, спарринг-партнеры без всяких проблем догоняли бегущего парня. Однако, увидев, что он стоит, прижавшись спиной к толстому дереву, звери уже не нападали на пленного.

Каждой псине хватало одной лишь попытки, чтобы понять – это не простой «русский заяц», которого можно быстро загрызть. С таким человеком лучше не связываться. Себе выйдет дороже.

На этом смертельно опасные столкновения с овчарками кончились. Григория так же, как прежде гоняли на все «тренировки». Он бегал по лесу до пота, но этим всё завершалось.

Собаки кружили возле него на безопасном для себя расстоянии. Они рычали и захлебывались от жуткого лая до тех самых пор, пока не являлся их проводник. Потом, овчарки делали вид, что честно исполнили большую работу, и тотчас стихали.

Инструкторы сразу заметили данную странность в пове-

дении «милых питомцев», но ничего делать не стали. Ведь псы выполняли ту роль, которую им поручили. Они находили красноармейца по следу, облаивали его и держали на месте до появления охраны.

Что ещё нужно от поисковых собак? Ну, а то, что они не грызут этого пленного, мало, что значит. Никому неизвестно, что у них в голове? Со всеми прочими «зайцами» они поступали иначе.

После начала «занятий», прошло четыре недели. Из двадцати спарринг-партнёров от вермахта в живых оставалось всего восемнадцать, а из ста семи пленных – целых шесть человек!

В этот знаменательный вечер все выжившие в «тренировках» бойцы, не сговариваясь, покинули привычные шконки и собрались в дальней части большого барака. Находиться в противоположных углах опустевшей казармы у них уже не было сил.

Арестанты с большим подозрением оглядели новых соседей. Григорий неожиданно понял, что даже не знает, кого как зовут? Так уж случилось, что судьба разбросала их по разным десяткам.

И хоть все жили в одном помещении, они не пересекались друг с другом. Пока одни отбивались от злобных собак, другие ухаживали за своими больными товарищами. Заодно, стирали для них и чинили обмундирование, изорванное

большими клыками.

Мало того, находясь в такой обстановке никто, не хотел близко знакомиться с прочими пленными. Зачем это делать, если каждый из них, может завтра погибнуть на очередной «тренировке»? К чему забивать свою память именами и лицами и рвать себе душу по поводу смерти недавно обрётённого кореша?

И всё же, Григорий решил, что настала пора им представиться. Не так уж и много их здесь осталось. Даже если захочешь, то вряд ли кого перепутаешь. Он внимательно осмотрел всех друзей по несчастью. Они угрюмо и молча сидели на нарах. Каждый думал о том, что им принесёт завтрашний день?

Чтобы прервать тягостную для всех тишину, парень сказал:

– Моё имя Григорий.

– Алексей, – неохотно отозвался невысокий щуплый сосед, находившийся справа. Немного помедлив, назвали все остальные: – Михаил, Иван, Александр и Олег.

На этом их разговор сам собою увял. Никто не мог представить себе, о чём можно болтать в такой ситуации? Рассказывать всем о себе? Вспоминать довоенную жизнь? Кому это интересно сейчас, когда все находятся у края могилы?

Иван вдруг спросил:

– Григорий, а как ты поступал, чтобы остаться в живых?

Ничего не тая, парень откровенно поведал, как действовал в сосновом лесу.

– Я делал то же самое, только потом брал их за глотку! – ответил красноармеец. – Схвачу правой рукой за кадык, чуть-чуть придушу, они лежат и не дёргаются.

Оказалось, что Михаил с Александром действовали таким же макаром. Оставшиеся два человека не вступили в их разговор и по-прежнему скромно молчали. Любопытный Иван обратился к белобрысому пареньку невысокого роста:

– А ты что Алёша молчишь?

– Меня с раннего детства все собаки любили, – потупившись, сообщил щуплый белобрысый боец. – Даже самые злющие псы всегда ко мне ластились, словно к хозяину. Ну, а эти спарринг-партнеры, – он кивнул в сторону питомника фрицев, – тоже хотели, чтобы я их погладил и почесал за ушами. Вот только служба для них превыше всего. Поэтому они лаять, лаяли, но кусать не кусали.

Он повернулся к последнему красноармейцу и, как будто, передал ему эстафетную палочку.

Хмурый, темноволосый Олег пожал крутыми плечами и неохотно, как через силу, сказал:

– Мой дед по матери был потомственным знахарем в нашей деревне. Так он своим взглядом любого быка с ног валил. Наш буйный конь тоже становился, как шелковый, едва он только зыркнет в глаза жеребцу. А про мелкоту и говорить не приходится. Кошки там, крысы или домашняя пти-

ца, так те, могли замертво даже свалиться, если на них он строго посмотрит.

Боец чуть помолчал и угрюмо закончил: – Я-то, значительно жиже его уродился. Хотя, я от себя и собаку, и волка могу отогнать. Будет рядом скакать и рычать, но напасть на меня, всё равно не посмеет.

Прошёл целый месяц пребывания в зоне. Небольшой юбилей преподнёс заключённым очередной неприятный сюрприз. К удивлению пленных, в то утро, над польским лесом не прозвучала сирена воздушной тревоги.

Несмотря на отсутствие сигнала побудки, один арестант, это оказался Олег, проснулся в положенный час. Он, как всегда, открыл глаза точно в срок, назначенный внутренним распорядком концлагеря.

Невыносимые условия жизни, измучили пленных до такой сильной степени, что все спали удивительно крепко, словно медведи в зимней берлоге. Чернявый боец тихо встал, увидел это сонное царство и, пребывая в растерянности, одиноко побродил по барраку.

Затем, он разбудил всех товарищей и первым делом им объяснил, что он всю свою жизнь прекрасно чувствует время. После чего, строго добавил, что сейчас всем пора отправляться на переключку. Бойцы спорить не стали. Они быстро поднялись, вышли на плац и построились в небольшую шеренгу.

Григорий со своими товарищами стоял в коротком строю и с напряжением ждал неизвестно чего. Вот только на половину красноармейцев никто не пришёл. Ни охранники, ни даже вездесущие подручные фрицев – поляки.

Передвижная солдатская кухня совсем не дымила, как делала это обычно, а стояла совершенно холодная. Кормить их сегодня, видимо, никто не хотел. Время выхода на «тренировку» тоже быстро прошло, но ничего не менялось.

Ближе к полудню, поляки взялись выносить из казармы разную мебель. На половине охраны, они составили внушительный стол, за которым мог уместиться весь персонал скромного лагеря.

Большую «поляну» накрыли разномастными белыми скатертями. Сверху расставили много бутылок и тарелок с закусками. Вокруг разместили табуреты и стулья.

Потом, появились охранники-немцы и проводники служебных собак. Последним пришёл, как всегда, чисто выбритый и подтянутый молодой комендант. Все дружно расселись возле стола, и начался пир. Тосты слышались один за другим: – За процветание Третьего Рейха, за гениального фюрера, за скорую победу в России.

Красноармейцы переглянулись между собой. Все благоразумно решили, что не стоит мозолить глаза пьяным немцам. А то фрицы ещё захотят покуражиться над своими невольниками. Пленные медленно отступили назад и, от греха по-

дальше, укрылись в опустевшем бараке.

Бойцы расположились на нарах и попытались отвлечься от шума, что издавали фашисты. Тут прибежали поляки из похоронной команды. Они пинками подняли всех заключённых и приказали немедленно выйти на плац.

К всеобщему удивлению, узников привели на половину охраны и поставили в линию перед богато накрытым столом. Будучи сильно на взводе, комендант посмотрел на истощённых людей. Он усмехнулся и весело крикнул:

– Принесите лопаты.

Стоявший рядом поляк опрометью метнулся к казарме. Минуту спустя, он притащил шесть острых заступов и вручил их арестантам.

– Ройте могилы себе! Вон там, у стены! – смеясь, приказал поддатый эсэсовец. – Он указал на кирпичный склад интенданта, что находился чуть позади.

Григорий повернулся кругом и, вместе с другими парнями, неспешно побрёл к низкому зданию. Конечно, можно было гордо поднять бритую голову и презрительно плюнуть врагам прямо в лицо. Так коммунары делали в фильмах о героях Гражданской войны. За это, белогвардейцы или белоказаки их убивали на месте.

В отличие от довоенных картин, за подобный поступок фашисты вряд ли бы сделали так же, как враги трудового народа. Скорее всего, парня избили до полусмерти и бросили на растерзание собакам.

Так что, уж лучше не злить палачей, а умереть очень быстро и почти безболезненно. Во всяком случае, так все говорят про расстрел. Но для начала нужно устроить могилу себе. По крайней мере, потом его труп сбросят туда и тут же зароят, а не оставят гнить брэнное тело в польском лесу.

Каждый из пленных отмерил себе скромный участок в три аршина в длину и один в ширину. Затем, все очень дружно стали копать. Земля в этом месте сама по себе оказалась весьма неподатливой и очень сухой. За долгие годы работы кордона, а потом и концлагеря, по ней прошли тысячи ног и утоптали её почти до предела. Теперь её прочность не уступала бетону.

Ни лома, ни кирки заключённым не дали. Им пришлось обходиться обычными штыковыми лопатами. Обе руки у Григория ещё не оправились от борьбы со сторожевыми собаками и нестерпимо болели. Предплечье левой конечности мучило парня особенно сильно.

Мышцы ног и груди, избитые и утомлённые бегом на «тренировках», тянули и ныли. Да и жрать парню очень хотелось. Стараясь не пялиться на заставленный яствами стол, он повернулся к стене. Все друзья по несчастью сделали так же, как он.

За спиной заключённых продолжал громко шуметь гомон пьяной немецкой компании. Не обращая на это внимания, Григорий быстро втянулся в работу. Сами собой включились

все навыки, что он приобрёл за долгие годы жизни в деревне. Да и во время войны он уже выкопал километры окопов.

Плотный слой утрамбованной почвы быстро закончился, и дело пошло чуточку легче. Скоро Григорий углубился до шеи, и тут же решил, что полтора с лишним метра для него уже хватит. Он прекратил рыть твёрдую землю и выбросил лопату наверх. С ощутимым трудом парень вылез из ямы и встал перед ней.

– О! – восхитился охмелевший молодой комендант. – Уже закончил работу? Молодец! Тогда помоги товарищу справа! Что-то он долго там возиться! – Все немцы с поляками громко заржали над шуткой начальника.

Григорий приблизился к участку соседа, встал на краю и глянул в узкую яму. На дне парень увидел внушительный камень, превышавший своими размерами большую бадью.

Алексей окопал ту преграду с разных сторон, но вытащить тяжесть наверх, один он не мог. Валун ему сильно мешал и не давал рыть в глубину. Григорий спрыгнул в могилу. Они взялись вдвоем за обломок гранита и еле подняли его на поверхность земли.

Кто-то из немцев радостно крикнул:

– Ну, вот, теперь у них, даже имеется большое надгробье, – немудрёный экспромт развеселил всю компанию.

Постоянно сменяя друг друга, Алексей и Григорий закончили рыть вместе с прочими пленными. Сначала парень вы-

брался сам, затем подал руку измученному работой товарищу.

Он помог щуплому узнику подняться наверх и отправился на своё «законное место». Боец подошёл к куче рыхлой земли и сильно воткнул в неё ненужный уже инструмент. Пусть теперь поляки работают, когда начнут их закапывать.

Григорий встал в ногах свежей могилы и повернулся лицом к веселящимся немцам. Пять красноармейцев поступили так же, как парень.

– Очень хорошо, – сказал комендант и, широко ухмыльнувшись, приказал своим подчинённым: – Отто, Ганс, принесите сюда свою молотилку!

Два немца вскочили с стульев и, немного качаясь, поспешили исполнить команду начальника.

Через минуту они притащили ручной пулемёт «MG-34» с откидными тонкими сошками. Фрицы установили его в середине стола и направили воронёное дуло в сторону пленных. Несмотря на большое подпитие, один из фашистов чётким движением открыл жестяную коробку с патронами. Он вставил ленту в затвор и передёрнул рычаг затворной рамы оружия.

– Встаньте всё так, чтоб после выстрелов вы рухнули в яму, и нам не пришлось пачкать руки о вас, – развязно ухмыльнулся эсесовец.

Григорий повернулся кругом и посмотрел в открытую

недавно могилу. Он прикинул траекторию падения своего мёртвого тела и решил, что оно не промажет. Точно войдёт в узкую яму, словно патрон в стальную обойму.

Неожиданно парень подумал о том, что нужно бы повернуться грудью к фашистам. Русским солдатам необходимо достойно встречать свою смерть – смело глядя ей прямо в лицо.

Однако встать, как подобает свободному, гордому воину, он, как ни старался, но всё же не смог. Не хватило сил у бойца, посмотреть в чёрный зрачок пулемёта и спокойно дожждаться, пока из него вылетит быстрая пуля. Придя в отчаяние от своей бесхребетности, он скосил глаза вправо и влево. Все друзья по несчастью стояли так же, как он, заморожено глядя в могилу!

«Значит, не один я такой, жуткий трус!» – с огорчением подумал Григорий.

– Огонь! – послышался приказ коменданта.

Автоматическое оружие фрицев загрохотало за спиной заключённых. Длинная очередь ударила слева направо. Множество пуль впивалось в стену сарая прямо над головами бойцов.

Острая кирпичная крошка мелкой шрапнелью брызнула в разные стороны. Колени у Григория предательски дрогнули. Он инстинктивно пригнулся, втянул голову в плечи и прижал ладони к лицу.

Сзади раздался гомерический хохот. Парень вдруг удивился, что до сих пор ещё жив. Не веря себе, он медленно поднял дрожащие от ужаса веки и глянул по сторонам сквозь неплотно сжатые пальцы. Все арестанты стояли так же, как он. Все чуть пригнулись и закрыли руками бритые головы. Однако, все были живы, и никто не упал на колени!

Отсмеявшись, комендант приказал:

– Подойдите сюда! – пленные медленно развернулись и на негнущихся от волнения ногах направились к большому столу.

– Наше учреждение существует два с лишним года! За это долгое время мы «тренировали» огромное множество служебных собак для спецчастей вермахта и концлагерей, разбросанных по просторам Европы. Часть из них, даже отправили в Африку. – задумчиво сообщил офицер.

Эсесовец чуть помолчал и продолжил: – В этом лесу, – он повёл правой рукой, указывая на сосновую чащу, что стояла вокруг: – побывало несколько тысяч военнопленных из разных стран мира. И никогда! И никто! Не доживал до окончания полного курса занятий!

Он на секунду запнулся, шумно сглотнул и возмущённо продолжил:

– А тут сразу шесть недочеловеков, шестеро русских. И что мне прикажете теперь с вами делать? В инструкции об учебно-тренировочном лагере ничего не сказано по данному поводу.

Никто предположить даже не мог, что такое возможно. Оставить вас на следующий курс я не могу. Наш лагерь переводится ближе к Восточному фронту, и тащить вас с собой не имеет смысла. Там будет полно других заключённых

Расстрелять вас, как отработанный уже материал, по моему мнению, не совсем справедливо. Ведь вы ни единого разу не нарушили правила нашего лагеря: не оказывали сопротивление охране, не пытались бежать, ни одна собака не пострадала от вас.

Вы все очень храбрые и дисциплинированные солдаты! Мне искренне жаль, что вы не вступили в РОА. Такие стойкие и ловкие воины весьма пригодятся великой Германии.

Почему-то мне кажется, что скоро вы передумаете и всё же пойдёте служить в армию Власова. Я вам предоставлю ещё один шанс и дам на размышление толику времени. Поэтому, я решил, отправить вас всех в фатерлянд. Там очень много трудовых лагерей. Здоровые, сильные, молодые рабочие очень нужны тысячелетнему Третьему Рейху.

Ефрейтор Фридрих Ленц будет вас конвоировать до прибытия к нужному месту. Он родом из Гамбурга. Мой добрый земляк. Хороший солдат и давно заслужил очередной отпуск для поездки домой. – Эти слова офицер повторил и по-немецки. Все фашисты вокруг с одобрением кивнули.

– Завтра утром вы получите все документы и отправитесь в нашу родную Германию! – он вновь перешёл на русский

язык. – Я дал Фридриху письменное распоряжение – за малейшее неподчинение – расстрел пленных на месте! За побег одного – расстрел на месте **ВСЕХ АРЕСТАНТОВ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ!** – он жёстко выделил голосом окончание фразы.

Офицер повернулся к столу и приказал по-немецки своим подчинённым:

– Дайте всем этим свиньям три бутылки дешевого шнапса, три буханки чёрного хлеба и три круга плохой колбасы. Потом отведите их в стойло! А мы продолжим здесь веселиться! Нужно хорошенько отметить наш переезд!

Несколько немецких солдат рьяно поднялись на нетвёрдые ноги и поспешили исполнить приказ командира. Вертухаи направились к пленным, и повели их в опустевший барак.

Войдя в помещение, они поставили на деревянные нары подаренную эсесовцем выпивку. Рядом бросили чёрный хлеб с колбасой. Затем, все развернулись и, о чём-то болтая, ушли на половину охраны. Им очень хотелось продолжить банкет коменданта.

Оставшиеся в живых, заключённые проводили взглядом подданных фашистов и облегчённо вздохнули. Они отыскивали под нарами пустые консервные банки, из которых поили соседей, пострадавших от собачьих зубов. Затем, откупорили одну из бутылок и по-братски разлили хмельной непривыч-

ный напиток.

По давней русской традиции первый тост был «За погибших». Красноармейцы, не чокаясь, подняли «стаканы» и дружно выпили по несколько полных глотков. Шнапс очень сильно смахивал на самогон.

Однако, ничего другого у пленных под рукой не имелось и неизвестно, окажется ли что-то у них ещё впереди. Прозвучал второй тост: «За собственное спасение на тренировках!» Затем третий: «За победу в войне!»

Голодные люди тотчас разделили и без остатка сжевали весь хлеб с колбасой. После месячной жизни на малых порциях каши, эта еда показалась восхитительно вкусной.

Почти сразу, у всех возникла реакция, обычная в такой ситуации. От недавно пережитых волнений, бойцов так развезло, что они еле добрались до нар. Красноармейцы упали на матрацы с несвежей соломой и мгновенно уснули.

С чистой совестью

Военная проза. Подборка рассказов «С чистой совестью».

Рассказы «Следователь НКВД», «Война с японцами», «Штурм крепости» и «Возвращение домой»

Изданы в журнале «Луч» №5-6 2016 стр. 6...26

Кроме того, рассказы вошли в роман «Разведчик, штрафник, смертник. Солдат Великой Отечественной» выпущен-

ный издательством ЭКСМО в июле 2015г.

Следователь НКВД

К началу апреля 1945 года, Западный фронт у Германии фактически перестал воевать. Не встречая активного сопротивления фрицев, англо-американская армия продолжала вести наступление на всех направлениях.

Быстрое продвижение войск превратилось в беспрепятственное перемещение отдельных частей. В начале мая, солдаты Великобритании оказались у Шверина, Любека, Гамбурга.

Как только фрицы узнали о приближении подразделений врага, так охрана огромного лагеря мгновенно куда-то исчезла. Её место немедленно заняли подтянутые англичане и янки, прикатившие в город на смешных маленьких джипах.

Они быстро освоились с обстановкой и стали вести себя, как хозяева. В первую очередь, новая власть занялась теми людьми, которые оказались им более близкими, как по языку, так и по духу. А именно теми беднягами, которых фашисты пригнали из оккупированных стран Центральной Европы.

Отобранных канцелярией узников тотчас разделили по принадлежности к «привилегированным» нациям. Их погрузили в вагоны и отправили в другие учреждения, что уже подготовили для арестантов «высшего» класса.

На свободное место стали свозить каторжан «второго» разряда. Это были советские пленные. Их доставляли из других лагерей, захваченных англо-американской боевой группировкой.

По крупному счёту, от смены администрации, красноармейцы мало что выиграли и для них почти всё, осталось по-прежнему. Лишь лающая речь немецких охранников сменилась английским наречием.

Зона, как была местом пребывания невольников, так и осталась огромной тюрьмой для многих тысяч измождённых рабов. Никто не позаботился даже о том, чтобы убрать сторожевые высокие вышки и забор из ржавой «колючки».

Союзники сильно боялись, что толпа «грязных варваров» останется жить в чудесной Германии. Ещё, чего доброго, они заведут там те порядки, что существовали в СССР.

Единственное, что изменилось, так это питание и обмундирование. Всех стали кормить значительно лучше и намного обильнее и облачили в гражданские шмотки, что привезли из Америки.

Между собой янки называли одежду эту сэконд-хэндом. Как оказалось, её для Европы собирали заокеанские граждане. Поэтому, там было всё, что угодно от рабочих комбинезонов до вечерних костюмов и платьев.

Кроме того, произошло послабление режима. Теперь в нарушителей правопорядка на зоне, прекратили стрелять без предупреждения и травить сторожевыми собаками. Людей

просто стали лупить деревянными палками, которые назывались дубинками для полицейских.

Огромная территория лагеря была, как и прежде разделена на две половины – мужскую и женскую часть. Вот в этой зоне, предназначенной для прекрасного пола, Григорий и высмотрел себе милую суженую, свою будущую любимую жёнушку.

Оказалось, что статная, хотя и весьма исхудавшая, молодая красавица родилась в Украине, на советской земле. Как и другие в этом узилище, до войны она была очень счастлива. Жила со своими родителями и многими родственниками в большом богатом селе и горя не знала.

Природа не поскупилась по отношению к ней, и с лихвой одарила её женскими прелестями. Так что, к четырнадцати годам она уже была довольно высокой и сформировавшейся девушкой. К огромному сожалению юницы, это не пошло ей на пользу.

Так уж случилось, что в один летний день, мама послала свою рослую дочь в другую деревню и велела отдать своей старшей сестре небольшую посылку. Отроковица благополучно навестила родню, выполнила несложную просьбу и уже возвращалась домой. На обратном пути всё и стряслось.

Неожиданно для местных сельчан фашисты начали большую облаву. Набранные из западнцев, расхристанные полицаи окружили деревню. После чего, повели себя наглым

образом и стали грабить дома и хватать всех без разбора.

В основном, выбирали молодых и здоровых парней и самых пригожих дивчин. Их грубо хватали, бросали в грузовики и отправляли в сборные пункты для перемещаемых лиц.

Пока родители узнали об аресте своей милой дочери, пока всеми способами пытались избавиться её от фашистского плена, прошло много времени. За этот срок, с ней произошло столько ужасных событий, что можно было только представить.

Вместе с сотнями молодых украинцев её погрузили в товарный состав и тут же отправили в центр «культурной» Европы. Их привезли в Германию Гитлера, поместили в концлагерь и заставили, бесплатно работать на благо новой отчизны – Великого Третьего Рейха.

Именно там, за ржавой «колючкой», девушку увидел Григорий. Он сразу понял, что это судьба. Так уж случилось, что и она обратила внимание на молодого симпатичного парня. Состоялось несколько мимолетных свиданий возле забора, разделявшего огромную зону на две половины. Эти короткие, пылкие встречи благополучно закончили дело, начатое капризной фортуной.

Парень полюбил Мотю Савченко на всю свою долгую и трудную жизнь. Первым делом, он крепко запомнил адрес её старых родителей и поклялся избраннице, что отыщет её после войны. На этом они и расстались. Лишь через год, молодой пылкий влюбленный всё-таки смог выполнить своё обе-

щание.

Меж тем, англосаксы не церемонились с красноармейцами, чуждыми им по воспитанию и духу. Победители свезли в одно место всех пленных, захваченных фрицами в ходе войны с СССР.

Их посадили в грузовики и, ни секунды не мешкая, отправили в соседнюю область Германии. Союзники подогнали машины к демаркационной линии, разделявшей две армии, и перегнали невольников на советскую сторону.

Только тогда, Григорий узнал нечто для себя неожиданное. Он и раньше доподлинно знал, что жизнь заключённых в зонах Урала не сахар, но находился по эту сторону высокой ограды.

К своему вящему ужасу, парень вдруг понял, что теперь всё изменилось. Он стал таким же «врагом трудового народа», как те многие люди, что сидели в стране за «ржавой» колючкой.

Как выяснилось, обращение с «новыми» узниками там оказалось несколько не лучше, чем у фашистов! Причём даже концлагеря оказались теми же самыми. Только раньше там «работали» фрицы. Теперь их сменили чекисты.

Тогдашние законы в Союзе были очень суровы, а если честно сказать, то откровенно жестоки. Невзирая на сложившиеся вокруг обстоятельства, любой человек, попавший во вражеский плен, автоматически считался предателем Роди-

ны.

Недремлющее око компартии – НКВД, в то давнее время, исповедовало удивительный принцип: «Бей своих, чтобы чужие боялись!» Поэтому особисты разных мастей слетелись в Германию с разных фронтов и приграничных районов советских республик.

Ни минуты не медля, заплечных дел мастера рьяно взялись за очень привычное и любимое дело. Изнурительные многочасовые допросы велись без перерывов – и ночью и днем. Каждую пару часов уставшие дознаватели менялись друг с другом, а измученные подозреваемые оставались на месте.

Скованные наручниками, узники неподвижно сидели на табуретах, намертво привинченных к полу. Не имея возможности передохнуть, они безостановочно отвечали на одни и те же вопросы: «Где и как попал в плен к фашистам? Почему не покончил с собой, когда понял, что уйти не удастся? Почему не бежал из концлагеря?»

Впрочем, слова подследственных мало интересовали всех вертухаев. Заключённые были для них серой массой, и никаких оправданий они не принимали в расчёт. Раз оказался на территории, захваченной фрицами, значит, ты «враг трудового народа и предатель Отчизны». Выходит, прямая дорога тебе – в небезызвестный ГУЛАГ. Будешь теперь валить лес в далёкой Сибири.

Как и все интернированные, Григорий с трепетом ждал своей очереди на первый допрос. Он готовился к встрече с жерновами этой жуткой мельницы, что истирала людей в мелкую пыль трудовых лагерей.

Как это ни странно звучит, всё вокруг повторялось с той же страшной последовательностью, что было раньше. Какая, в принципе, разница в том, что незнакомые люди теперь отправлялись в небольшой кабинет, а не в лес, для натаскивания немецких собак? Точно так же, как раньше, многие соседи по нарам уходили и больше не возвращались назад.

Некоторых заключённых, иногда, удавалось увидеть, сквозь многие линии ржавой «колючки». Практически все мужчины были сильно избиты. Парню даже помнилось, что на этих людей нападали овчарки фашистов. Единственное отличие от польского лагеря заключалось лишь в том, что вертухаи здесь были одеты в советскую военную форму.

Пришёл назначенный срок, и Григория вызвали к следователю. Охранник открыл дверь, ведущую в мрачный барак, и громко выкрикнул фамилию парня. Боец долго ждал такого момента, но всё-таки вздрогнул от неожиданности. Он собрал волю в кулак и по-уставному откликнулся:

– Здесь! – В ответ он услышал до боли привычный приказ:
– На выход!

Хорошо зная всю процедуру, Григорий тяжело вздохнул и медленно встал с жёстких нар, на которых сидел. Он понуро покинул казарму и направился в блок, где не очень давно,

размещалась канцелярия фрицев.

Парень медленно продвигался вперёд и хорошо понимал всю безвыходность своего положения. У него не было ни единого шанса на то, чтоб оправдаться перед официальным представителем Родины.

Абсолютно всё было против него. Неудачный прорыв под Севастополем, где он уцелел под перекрестным огнем. Немецкий плен. Безводный, голодный загон для скота в жарком Крыму. Смертельно опасная Польша. Нищенское прозябание в Германии.

– Почему ты не погиб в ходе смертельной атаки? Каким образом выжил? Как сотрудничал с фрицами? За какие заслуги попал в гамбургский лагерь с облегчённым режимом? – Вот те вопросы, на которые скоро ему придётся ответить. Ну, а потом, твердить это снова и снова очень много часов.

Он обречённо вошёл в кабинет особого отдела концлагеря, застыл на пороге и доложил о своём появлении. За облезлым конторским столом расположился высокий, красивый, молодой офицер.

Однако, сквозь черты кристально честного и неподкупного служащего НКВД, внезапно для парня, проступило что-то ещё. Причём, это никак не вязалось с шаблонно-плакатным лицом справедливого следователя.

Стараясь избавиться от наваждения, парень прикрыл на

секунду глаза. Перед мысленным взором бойца всплыл далёкий образ соседского вихрастого мальчика.

– Витька! – чуть не крикнул Григорий. В последний момент он успел прикусить свой язык и едва удержался от радостного, громкого возгласа. Он стоял навтыжку перед строгим и неумолимым начальником и не мог, прийти от изумления в себя.

Парню не верилось в эту совершенно немыслимую, невероятную встречу. Такая большая удача не могла ему даже привидеться в самых безудержных, неукротимых мечтах.

В то, чрезвычайно далёкое, ещё мирное время, Григорий уже переехал из бедной деревни в областной центр Самару. Он вполне счастливо жил у своего бездетного дяди. Мало того, он там находился не на правах бедного родственника, а в положении приёмного сына. Этому предшествовала большая история.

В конце двадцатых годов, мама Григория развелась с нелюбимым супругом и вернулась к родителям. Спустя какое-то время, красивая женщина нашла себе нового мужа. Как это часто бывает, у «молодоженов» вдруг появились общие дети.

Вот тут, совершенно некстати, в их жизнь внезапно ворвался семилетний парнишка. Отец, её первого сына, Пётр Стратилатов попал под кампанию по раскулачиванию и был убит ЧОНовцем осенью 1927-го.

После смерти родителя, мальчику некуда было деваться, и он отправился к своей милой матушке, жившей в соседней деревне. Благодаря её настоянию, ребёнка всё же взяли в семью.

Однако, лишний рот весьма тяготил сурового отчима. Жена боялась перечить грозному мужу и стала думать над созданным у них положением. Тогда она вспомнила про своего старшего брата, который поселился в Самаре.

Женщина написала письмо и рассказала всё, как на духу. Она напомнила Михаилу Фёдоровичу, что он не только дядя, но и крёстный отец её сына, и слёзно просила, приютить несчастного мальчика.

Своих детей у мужчины никогда не имелось, а должность он, по тем временам, занимал довольно весомую. Значит, и денег имел значительно больше, чем его дорогая сестра. Он посоветовался с женой – Эльзой Фрицевной, и они единодушно решили, взять Григория на воспитание к себе.

Вот так, девятилетний деревенский мальчонка оказался в интеллигентной семье, обитавшей в Самаре. Приёмный отец поселил его в комнате большой коммуналки, которую занимал вместе с супругой. Мужчина одел, обул и устроил парнишку в престижную школу, расположенную в центре шумного города.

Сначала Григорию пришлось очень туго. Ведь до этого он никогда нигде не учился. Лишь немного знал грамоту, которую ему, кое-как втолковал малообразованный старый пас-

тух.

Узнав о бедственном положении дорогого воспитанника, дядя пришёл мальчишке на помощь и занялся с ним теми науками, что называются точными. Скоро Григорий догнал городских одноклассников и, без всяких проблем, учился с ним на равных.

Затем, к образованию приёмного сына подключилась и тётя. Эльза Фрицевна родилась и жила в богатой семье немцев Поволжья. Она прекрасно говорила по-русски, а также знала классическую литературу и музыку. Поэтому, помимо школьной программы парню пришлось погружаться в науки, которые зовутся гуманитарными.

В первую очередь, он налегал на язык Гёте, Шиллера, Гейне. Как это ни странно, у мальчишки оказались большие способности. Вскоре он заговорил по-немецки, как уроженец Берлина.

Всё шло прекрасно, но ранним летом тридцать четвёртого года его мать написала своему старшему брату. В коротком письме она сообщила, что слегка приболела, и просила на короткое время прислать сына к ней. Мол, нужно помочь по хозяйству.

Приёмный отец мальчугана не стал возражать и, с первой оказией, отправил подростка в деревню. То знойное лето Григорий провёл в бедном доме своей родной матери. Вместе с ребятами он бегал в ночное, работал в огороде и в поле,

по мере сил, помогал с сенокосом и на току при уборке зерна.

Рядом с их скромным участком, в покосившейся старой избе, жила большая, семья. Соседи были удивительно бедными. Единственное их достояние заключалось в куче детишек – мал, мала меньше.

Самый старший из них – Витька, оказался на год моложе Григория. Поэтому особенной дружбы между ними тогда не возникло, но все же, их отношения стали почти что приятельскими.

Однажды, уже поздним вечером, усталый Григорий возвращался с дальнего луга. Там он целый день помогал взрослым с покосом, сгребал в кучи подсохшее сено и грузил его на телеги.

Июньский день выдался долгим и чрезвычайно жарким и душным. Пареньку представлялось, что пот пропитал его буквально насквозь. Плюс ко всем, трава оказалась страшно пыльной и ломкой.

Подросток и остальные крестьяне, с головы и до пят, были облеплены мелкой колючей трухой. Чувствуя себя очень грязным, Григорий решил искупаться. Ему захотелось, как можно скорее смыть с себя липкую, горько-солёную корку, что плотно покрыла худощавое тело.

Он сошёл с небольшого просёлка и повернул к узкой реке, протекавшей возле околицы небольшого села. На подходе к пологому берегу, подросток услышал истошные вопли

детिशек:

– Тонет! Витька наш тонет!

Как и всякий здоровый парнишка, выросший в то время, в Самаре, Григорий целыми днями крутился у Волги. Он загорал и рыбачил, и купался, как говорится, до одури.

С ранней весны и до наступления осени, он практически не вылезал на твёрдую сушу. Поэтому, замечательно плавал и прекрасно нырял. Нужно добавить, что этому он всему научился ещё в раннем детстве, когда служил пастушком.

Ведь, без таких важных для каждого мальчика, умений и знаний было никак невозможно там жить. Ни наловить рыбы и раков для себя и семьи, ни насобирать перловиц и беззубок для сдачи их раковин в приёмные пункты.

Ни секунды, не думая, подросток отбросил старые вилы, что нёс на плече. Снимая рубашку на полном ходу, Григорий помчался на отчаянный крик ребятишек. Он выскочил на невысокий обрыв и сразу увидел, что же случилось на маленьком пляже?

На середине неширокого русла бестолково плескался шуплый соседский пацан. Лениво текущий поток, не спеша, уносил его вниз по течению. Мальчик всё реже выныривал и с каждым разом, всё меньше секунд удерживал голову над зеленоватой водой.

«Ногу свело!» – с ужасом подумал Григорий. Он скинул портки, съехал на заднице по небольшому откосу и с разбегу

бросился в реку. Сильными саженками он преодолел метров десять и оказался на стрежне.

К тому времени, уставший пловец уже потерял последние силы. Он перестал бесполезно барахтаться и окончательно скрылся из виду.

Григорий расправил широкую грудь, глубоко и бесшумно вдохнул и набрал в себя, как можно больше чистого воздуха. Затем, сложился в поясе и быстро нырнул. Оказавшись в воде, он открыл глаза и осмотрелся по сторонам.

Вокруг виднелась лишь зеленоватая муть. Она не позволяла что-либо увидеть на расстоянии более трёх с чем-то метров. Каким-то неведомым чудом подросток смог разглядеть продолговатое небольшое пятно. Оно было более светлого цвета и медленно уходило в жуткую тьму.

Быстро работая всеми конечностями, Григорий рванулся за медленно тонущим мальчиком. Безвольно поникнув, приятель почти опустился на неровную плоскость из чёрного ила.

В этот момент подросток приблизился к Витьке и крепко схватился за давно не подстриженные, длинные волосы. Он перевернулся в воде и попытался со всей силой оттолкнуться от дна.

Неожиданно, ноги парнишки провалились в холодную, леденящую взвесь и ушли в неё сначала до щиколоток, а потом и до самых колен. Григорию показалось, что он погру-

жается в жидкую грязь и это продлится нескончаемо долго. Значит, он прочно увязнет в болоте по самую маковку и никогда не сумеет всплыть на поверхность.

Он вдруг подумал, что нужно бросить товарища и попытаться спастись самому. В этот момент, его ступни вдруг наткнулись на что-то достаточно твёрдое. Двигаясь по инерции, подросток немного присел. Потом, изо всех сил оттолкнулся ногами и отчаянно прыгнул на месте. Он, что есть мочи, рванулся наверх и устремился к светлому мареву, висящему над головой.

Плыть с грузом в руке оказалось весьма неудобно и удивительно трудно. В глазах у Григория вдруг потемнело. В ушах раздался продолжительный звук басовитого колокола. Почти теряя сознание, подросток продолжил двигать ногами и быстро грести свободной правой рукой. Ладонью второй он крепко сжимал длинные пряди волос безвольно обмякшего мальчика.

Ценой невероятных усилий Григорий всё же всплыл на поверхность реки и вытащил за собою соседа. К этому времени, ни капли сил в его мышцах, ни одного грамма воздуха в лёгких уже не осталось. В последний момент подросток вынырнул из глубины, и его лицо, наконец, показалась над зеленоватой водой. Он громко и судорожно вдохнул чистый воздух и с облегчением понял, что жив.

Перед глазами Григория всплыли плакаты по спасению

утопающих, которые всюду висели на пристанях Волги. Он повернул Витьку спиной к себе, прижал левой рукою к груди и, двигаясь боком, медленно направился к берегу.

Грести, прижимая к себе пацана, оказалось весьма тяжело. Особенно сразу после того, как подросток едва его вытащил с большой глубины. Истратив все последние силы, Григорий всё же добрался до мелкого места. Он встал на ноги и, сильно шатаясь, вышел на берег.

Только там, он с огромным трудом разогнул левую руку, которой держал неподвижного мальчика. Подросток ослабил железную хватку и бросил приятеля на горячий песок.

Пацан ударился спиной о землю. Благодаря уклону полового берега он перекатился со спины на живот. В тот же момент, он сильно закашлялся и исторг из себя мощный фонтан мутной воды.

Согнувшись в поясе, Григорий стоял рядом с соседом. Он опирался руками на дрожащие от напряженья колени и от невероятной усталости с трудом сохранял равновесие.

Два паренька громко дышали и хватали открытыми ртами живительный воздух. Вокруг бестолково скакала и громко галдела малышня разных лет. Всё были очень рады, что Витьку спасли.

Наконец, оба приятеля кое-как отдышались. Они неспешно оделись и вместе пошли на свой край деревни.

Через неделю подросток уехал в Самару, и больше ребята никогда не встречались.

Офицер оторвался от многочисленных бланков казённого вида и посмотрел на Григория. В ту же секунду, в его чистом взгляде быстро мелькнула целая гамма разнообразнейших чувств.

Они появлялись и торопливо сменяли друг друга. Начиналось всё с равнодушия, переходящего в заинтересованность. Затем, в глазах блеснул огонёк недоверия, которое перетекло в удивление. И, наконец, там появилась радость узнавания парня. Правда, она продержалась недолго и сменилась мучительным страхом, перерастающим в панику.

Энкавэдэшник выпрямил спину и окаменел на жёстком сидении. Пару секунд он тупо молчал, а потом едва слышно сказал:

– Садитесь, пожалуйста, – не дожидаясь, пока заключённый устроится на табурете, привинченном к полу, он стал торопливо листать пачку бумаг. Наконец, офицер оторвался от личного дела, заведённого в немецком концлагере, и снова воззрился на нежданного гостя из прошлого.

– Ты? – сдавленно выдавил из себя офицер.

– Я! – вынужден был признаться подследственный.

Стуча горлом графина о кромку стакана, особист налил его доверху кипячёной водой. Трясущимися от возбужденья руками он поднял гранёный сосуд со стола и залпом выпил до дна.

На последнем глотке он вдруг поперхнулся и мучитель-

но громко заперхал. Всё походило на то, как произошло на речном берегу, многие годы назад. С огромным трудом он восстановил сорванное кашлем дыхание. Офицер вытер рукой крупные слёзы, набежавшие ему на глаза и, тяжело отдуваясь, напряжённо откинулся на спинку потёртого кресла. Внезапно охрипшим от волнения голосом он приказал:

– Выкладывай всё по порядку!

Ничего не утаивая от знакомого следователя, Григорий начал подробно рассказывать. Боец доложил о спецшколе военной разведки, где он учиться перед самой войной.

Подробно поведал о танке фашистов, который они подорвали вместе с танкистом Леонидом Ивановичем Скоковым, об обороне Севастополя и неудавшемся прорыве блокады. Потом, тщательно перечислил все лагеря, в которых довелось побывать, и все календарные даты, что удалось сразу вспомнить.

Он умолчал лишь о двух эпизодах своей боевой биографии. Во-первых, о встрече с немецким подводником. И, во-вторых, о заключительных днях пребывания в учебно-тренировочном лагере для воспитания поисковых собак.

Парень забыл сообщить о разговоре, что состоялся на прощальном банкете, устроенном молодым комендантом. И, конечно же, он промолчал про особый мандат, выданный крупным чином «СС». Ведь только благодаря этой странной бумаге, парень не очутился в могиле, а прибыл в Германию.

Георгий просто сказал, что польский лагерь закрыли, весь персонал перевели ближе к фронту, а его и других, кто остался в живых, переслали под Гамбург. Так он оказался в концлагере для перемещаемых лиц.

Офицер усердно записывал всё, услышанное от заключённого. Закончив работу, он немного подумал и с трудом выдал из себя короткую речь:

– Я подам запрос о твоём пребывании в школе армейской разведки и о танке, который вы подорвали. Если бумаги вдруг сохранились, я всеми силами, постараюсь отмазать тебя от ГУЛАГа.

Сейчас формируются батальоны из штрафников для войны с милитаристской Японией. Боевой опыт у тебя довольно значительный. Надеюсь, ты ещё повоюешь. Может быть, и останешься жив, а если тебе повезёт, то сможешь смыть кровью свою вину перед Родиной.

Сейчас я дам команду, и тебя отведут в соседний барак. Там содержатся те заключённые, что обвиняются по лёгким статьям. Не вздумай ни с кем, ни о чём говорить!

И, вообще, нигде не трепи языком! Ничего не болтай о себе и, тем более, не вспоминай обо мне! Иначе и меня с тобою в Сибирь закатают, и отправят нас вместе на лесоповал! А то и совсем расстреляют, как пособника врага трудового народа! Ты меня понял?

Григорий, молча, кивнул.

Как это ни странно, все нужные бумаги Григория оказались в целости и полной сохранности. Они были тщательно пронумерованы, аккуратно подшиты и хранились там, где им и положено.

Видно не зря, парень многие ночи грузил тяжеленные ящики с документами в Севастопольской бухте. Добрались они до родных берегов, а затем, неожиданно скоро нашлись и пришли по нужному адресу.

Все до единой, характеристики парня оказались очень хорошими. В конце концов, представленьё к награде за подорванный, а так же и за подбитый танк фрицев, и многочисленные добрые отзывы, сыграли благоприятную роль в его нелёгкой судьбе.

Бывший сосед – некогда вихрастый приятель по имени Витька, а теперь офицер неумолимого и неподкупного НКВД, тоже не обманул ожиданья парня. Он всё же отмазал Григория от пересылки в ГУЛАГ.

Спустя всего месяц, парень уже медленно ехал на Дальний Восток. «Теплушка» для штрафников была плотно набита такими же, как и он, пехотинцами, сильно потёртыми неласковой жизнью.

Они, все до единого, оказались бывшими пленными, которых набрали из освобождённых концлагерей. Причём, все откровенно считали, что им повезло. Ведь неумолимые следователи легко могли бы отправить их в родную Сибирь. Так сказать, закатать на легендарный лесоповал. Лет эдак, на де-

сять-пятнадцать. Причём без права на переписку с родными!

В начале июня 1945-го года, Григорий отправился на другую войну. Теперь уже, на битву с Японией.

Война с японцами

Выяснилось, что отряду предписано, сойти с параллельной дороги, ведущей к тому городку, где им назначил встречу комбат. Майор дал команду, проскочить сквозь гряду лесистых холмов и выйти в долину, расположенную в двадцати шести километрах от сожженной деревни. Там находилась другая дисциплинарная часть.

Ну, что тут можно поделывать? Приказ, есть приказ! Поставили перед тобою задачу, так давай боец, выполняй. Иначе, пойдёшь на цугундер. Ну, а там или расстрел, или сибирский лесоповал.

Когда рота добралась до подножья возвышенностей, уже наступила тёмная китайская ночь. Солдаты отыскивали ручей, сбегавший в равнину, выставили охранение из шести часовых и устроились спать на голой земле. Благо, что на дворе стоял сухой август, а не морозный октябрь.

По расчётам комбата, они должны были ночевать в предыдущей деревне и ни палаток, ни спальных мешков у отряда, увы, не нашлось. Да и с едой оказалось не густо. Сухой паек уже приближался к концу, а впереди почти десять вёрст по горам, плюс пятнадцать по китайской равнине.

К тому же, никому неизвестно, кто им встретится в долгом пути? То ли военные части родной Красной армии, то ли войска самураев, разъярённые неожиданным для них нападением СССР.

Но боевому майору было намного виднее, что делать с ними теперь. Вот он и убрал проштрафившуюся дисциплинарную роту с главной дороги РККА. Он послал их через небольшой перевал к соседям направо.

Скорее всего, им тоже нужны штрафники. Вот пусть они там, пока и кантуются. Авось, через какое-то время, шум в штабе полка, вызванный убийством китайцев, немного утихнет.

А там, глядишь, все и забудут об этом большом инциденте. Накажут одного командира, отдавшего страшный приказ, и сошлют его в лагеря. Остальные бойцы пойдут воевать себе дальше, а не будут париться в зоне.

Ну, а коли во время похода они встретят японцев и погибнут там все, как один, так что с этим можно поделаться? Такая судьба у обычных солдат. Класть свои буйные головы за «царя и отечество».

Ранним утром, старшина поднял всех на ноги. Солдаты быстро позавтракали тем, что осталось у них в вещмешках, попили воды из ручья и скорым шагом двинулись в путь. Теперь молодой лейтенант шёл впереди вместе со своим «заместителем».

Дорога взбежала на склон невысокого взгорка и принялась сильно петлять по увалам. Просёлок то поднимался на пологие гребни, то нырял в небольшие ложбинки. Вдоль обеих обочин стоял густой лес, совершенно нетронутый топором дровосека.

Слишком далеко находились отсюда деревни. Чтобы доставить до дома дрова, нужна лошадь с телегой или, хотя бы осёл. Как видел Григорий, у местных жителей не было ни того, ни другого.

Рота углубилась в холмы на один километр и вышла на ровный участок грунтовки, длиной в сотню метров. Вдруг один из солдат, который шёл в первом ряду, неожиданно вздрогнул.

Он схватился руками за грудь, захрипел и упал на просёлок ничком. Из тела, пробитой пулей японцев, вытекла тонкая струйка дымящейся крови. Она тотчас впиталась в мелкую пыль и превратилась в лужицу вязкой коричневой грязи.

Услышав шум за спиной, лейтенант обернулся и увидел бойца, что слабо бился в агонии. Офицер побледнел, словно снег и замер, как статуя. До него вдруг дошло, что целились, наверно, в него, но слегка промахнулись

Опытный старшина действовал совсем по-другому. Он мгновенно пригнулся, подскочил к командиру и резко толкнул его в бок. Начальник и его подчинённый повалились на землю. Падая, «заместитель» оглушительно крикнул:

– Снайпер!

Все штрафники воевали достаточно долго. Они сразу поняли, что случилось сейчас, и бросились в разные стороны. Кто-то скатился с просёлка в неглубокий кювет. Кто-то прыгнул в кусты, что росли вдоль дороги. Кто-то укрылся в неровностях грунта.

Вместе с друзьями Григорий нырнул в плотные заросли. Через мгновение просека уже опустела. На дороге остался лишь остывающий труп человека. Он говорил всем о том, что секунду назад, здесь находилось много людей.

– Оружие наизготовку, – продолжил командовать ротой немолодой старшина. – Смотрите по веткам ближайших деревьев. «Кукушка» сидит наверху.

Парень хотел исполнить команду, но с удивлением понял, что уже держит в руках автомат. Предохранитель был скинут, затвор передёрнут, а ствол медленно шарил по кронам внушительных сосен, что стоят впереди.

Когда он успел снять с плеча «ППШ», Григорий не помнил. Он просто всё сделал удивительно быстро и чётко, как прекрасно отлаженный робот из книги Карела Чапека. Теперь парень лежал в узкой промоине и пытался найти японского снайпера.

– Короткими перебежками! Поочередно, вперёд! – раздавалась другая команда. – Всем смотреть по верхам!

Рядом затрещали кусты. Какой-то боец сделал несколько быстрых шагов и свалился на землю. Следом за ним и Гри-

горий поднялся на ноги. Он пробежал пару метров и надёжно укрылся за старым пеньком.

То слева, то справа кто-то проскакивал немного на запад и замирал, как куропатка, что скрылась в траве от охотника. Вместе со всеми, парень проделал несколько небольших перебежек по редкому бору.

Григорий укрылся возле массивного камня и вдруг заметил необычное дерево, стоящего недалеко от обочины. Боец пригляделся на него внимательней, сравнил его с соседними соснами, и понял, что же его удивило? Уж очень странным казался ему великан китайского леса.

Дело было всё в том, что нижние ветки росли очень часто. Сквозь них почти не просматривался внушительный ствол. Чрезвычайно густая, зелёная хвоя хорошо закрывала его от людей, стоящих внизу.

Повертев головой, Григорий увидел бойцов, лежащих справа и слева. Все дружно подняли глаза к синему небу и напряжённо осматривали верхушки высоких деревьев.

Один из солдат ощутил на себе его большое внимание. Он повернул к соседу лицо и вопросительно мотнул головой, мол, чего ты хотел? Парень указал взглядом на странное дерево. Тот присмотрелся к ветвям. Сделал удивлённую мину и показал большой палец правой руки.

Григорий кивнул и начал действовать. Он осторожно, стараясь не качнуть ни единой травинки, высунул ствол автома-

та из-за огромного камня. Потом, хорошенько прицелился и нажал на крючок спускового устройства.

Одновременно с ним, загрохотало оружие другого бойца. Множество пуль влетели в густую, пышную крону. Они посекали ветви и хвою и нашли свою цель. На вершине сосны послышался сдавленный крик.

Раздался треск ломаемых сучьев. На землю свалилось что-то бесформенное, тёмно-зелёное и очень лохматое. Следом за ним, упала винтовка с короткой оптической трубкой.

– Занять круговую оборону! – послышался новый приказ «заместителя» начальника роты: – Смотреть всем в оба глаза!

Солдаты навели автоматы в разные стороны. Настороженно глядя в ближайшие заросли, они полежали на тёплой земле ещё две минуты, но всё было тихо. Не послышалось больше ни единого выстрела снайпера. Не раздались гортанные команды японцев. Окружающий бор снова заполнили звуки обычного леса. Они хорошо успокаивали взбудораженные души людей.

Старшина и молодой лейтенант короткими перебежками устремились вперёд. Пригибаясь к земле, они оказались возле странной сосны. Григорий подтянулся поближе, но так же, как все, не встал в полный рост, а опустился на корточки.

У корней толстого дерева ничком лежал человек, закутанный в необычный халат. Всю поверхность одежды покрыва-

ло множество тоненьких ленточек, покрашенных в цвет, свежей хвои.

Кто-то из красноармейцев, пригнувшись, подошёл к самураю вплотную и ткнул его оружием в бок. Боец убедился, что враг уже мёртв, и перевернул его на спину. Перед ними лежал щуплый японец, с виду, ещё мальчишка совсем.

– Ты его первым заметил? – спросил «заместитель» Григория. – Молодец, у тебя просто рысьи глаза, – он повертел головой и несколько раз тихо позвал: – Снайперы, подойдите ко мне.

С другой стороны узкой дороги к ним прибежал молодой незнакомый боец. Он доложил:

– Я был снайпером в роте!

– Забирай эту винтовку. Ещё пригодится!

– Тогда я и халат его прихвачу! Уж очень хороша маскировка. – предложил повеселевший солдат.

– Бери. – разрешил старшина и добавил: – А сейчас лезь на дерево и посмотри, что там, в гнезде?

«Заместитель» повертел головой: – Вы двое, – обратился к тем штрафникам, что оказались с ним рядом. – Снимите с японца его балахон. Потом, оттащите тело в ложбинку и, как следует, закидайте зелёными ветками. Чтобы его не сразу нашли, – старшина посмотрел на бледного всё ещё лейтенанта и объяснил ему суть последних приказов:

– Раз на дороге сидела «кукушка», значит, где-то рядом японцы. Сколько их и где они расположены, нам не так уж

и важно. У нас сейчас другая задача. Пересечь эту гряду и выйти к своим. Там доложим начальству, пусть они думают, что делать с этими лесными бродягами.

С толстой сосны спустился недавно назначенный снайпер. Он положил перед двумя командирами, что сидели на корточках, две холщовые сумки. В одной оказались патроны к винтовке. Во второй находилась полная фляга с водой и нераспакованный сухой японский паёк.

Старшина осмотрел снаряжение чужого стрелка и сделал естественный вывод:

– Судя по этим припасам, «кукушка» лишь перед нашим приходом залезла в это гнездо. Так как, она тут одна, то, скорее всего, самураи прошляпили наше появление здесь.

Оно и понятно. К холмам мы направились, когда солнце уже стало садиться, а добрались до них уже в темноте. Тень от холмов закрыла дорогу, по которой мы шли, костров мы ночью не жгли, поэтому они нас не заметили. Нам нужно, как можно скорее драпать отсюда, но не так беззаботно, как раньше.

Бывший фронтовой офицер вновь тихо позвал в разные стороны:

– Разведчики, ко мне.

По зарослям тотчас пробежал лёгкий шумок. Минуту спустя, к старшине, пригибаясь, подбежали два парня. Не разгибаясь, они козырнули и опустились на корточки.

– За линию фронта ходили? – спросил их «заместитель». «Пластуны» дружно кивнули.

– Возьмите в распоряжение себе по четыре солдата и двигайтесь вдоль дороги вперёд. Берите лишь тех, кто знает леса. Ты – идёшь справа, ты – слева. Увидите рядом японцев, в бой не вступать. Посмотрите, сколько их там, и пришлёте бойца с донесением. Вместе подумаем, что будем делать? То ли напасть, то ли их обойти? Выполняйте!

Разведчики тут же исчезли в кустах. Вернулись красноармейцы из похоронной команды и доложили, что спрятали тело убитого снайпера.

– В колонну становись! – приказал старшина.

Мужчина дождался, когда штрафники выполняют эту команду, и отдал новый приказ:

– Первое отделение. Растянуться вдоль нашей колонны и идти по лесу слева на расстоянии семь-восемь метров. Второму двигаться справа. Третье пойдёт в арьергарде. Ваше дело смотреть в разные стороны и не прошляпить появление японцев.

Все остальные потопают, как под надзором вертухаев из немецкого лагеря. Каждый час, охранение будут менять те отделения, которые шли по дороге. Всё всем понятно? Выполняйте!

Когда три группы солдат встали на отведённые приказом места, последовала другая команда:

– Шагом марш!

Колонна направилась дальше. Так они и прошли ещё девять вёрст по сосновому бору. Но это по карте, напрямую их было девять, а по увалам и петлям просёлка набежало не меньше двенадцати.

Несколько раз, приходили донесения разведчиков, что впереди были замечены дозоры японцев. Старшина не хотел вступать в бой с самураями и выдавать им присутствие своего небольшого отряда.

Ведь он не знал, сколько врагов прячется в зарослях? Вдруг, там целый полк? Поэтому приходилось сходить с узкой дороги и делать крюк нехоженым лесом. Это добавило к их путешествию три, а то и все пять километров.

После полудня, рота пересекла гряду невысоких возвышенностей и вышла к краю цепочки холмов. Отряд остановился недалеко от границы с равниной и затаился там, словно мышь. Старшина приказал:

– Выставить охранение. Остальным отдыхать!

Уставшие красноармейцы упали там, где стояли, и растянулись на тёплой земле. Меж тем, самозванный начальник не повалился в траву, как все остальные. Он вспомнил Григория, у которого «рысьи глаза», подозвал парня к себе и велел идти следом за ними.

Вместе с молодым лейтенантом, они крадучись вышли к опушке, залегли под кустами и посмотрели вперёд. Боец уви-

дел равнину, что протянулась в разные стороны на многие вёрсты. Справа виднелся внушительный холм. Он выходил из гряды, и большим языком выдавался в ровную степь.

Старшина осмотрел раскинувшуюся перед ними долину, сверился с планшетом летёхи и хмуро сказал:

– Нам нужно добраться до той высокой одиночной горы. – Он показал на конусообразного вида возвышенность, стоящую в пятнадцати километрах от них. – Если идти по-прямой, часа три спокойного ходу.

Вот только на карте здесь нарисовано сплошное слепое пятно. Нет на бумаге ни одного большого оврага или деревни. Поэтому, во что мы упрёмся, если двинем вперёд, непонятно.

К тому же, кто сейчас там командует, нам неизвестно. То ли наши, то ли японцы? Если враги засекут нас на этой равнине, то вызовут сюда авиацию или пригонят пехоту и танки. Тогда, нам конец.

– А почему бы нам не пройти по лесу до конца этого мыса? Сократим путь по равнине на километр или чуть больше. – спросил немного обвыкшийся в пути лейтенант.

– Наверняка там сидит пост самураев и следит за границей холмов, что находятся справа и слева, – начал доходчиво объяснять старшина. – Стоит нам там появиться, как они сообщат по телефону своим.

Тогда мы окажемся между наковальней и молотом. Мы

не знаем, сколько японцев у нас за спиной и, тем более, какие силы врага ещё впереди. Поэтому лучше всего дождаться здесь ночи, а потом, по холодку, добежать до своих. Если, конечно, они уже вышли к той высокой горе. Могли и завязнуть где-нибудь по дороге.

– Вроде бы тихо кругом. Если бы там шли бои, то мы различили шум канонады, – влез парень в разговор командиров.

– Я слышал, что ты закончил строительный техникум. Ты знаешь, что такое кроки? – вдруг спросил старшина. –

– Знаю, – насторожился Григорий. Он вспомнил о том, что пока ехал в «теплушке», случайно сболтнул об учёбе в Самаре. Заметив, что командир ждёт продолжения, парень закончил: – Это чертёж участка окружающей местности, отображающий важнейшие её элементы, который исполнен путём глазомерной съёмки.

– Сможешь сделать её?

– Не уверен, – пробормотал смутившийся парень. – У нас было всего пару занятий по теме. Больше я с этим никогда не встречался. К тому же, с тех пор прошло много лет.

– Не важно. Всё равно, кроме лейтенанта, меня и тебя, никто в роте даже не знает этого слова. Поэтому пойдёшь на разведку, – заметив сомнение на лице у Григория, он постарался успокоить бойца. – Не дрейфь. Я скажу «пластунам», чтобы они берегли тебя пуше глаза. Так что, они лягут костями, а тебя притащат сюда, но и ты постарайся, как следует.

– И что я должен сделать? – севшим от волнения голосом

спросил Григорий.

– Сейчас всё узнаешь, – старшина обернулся и приказал лежавшим сзади солдатам позвать к нему двух разведчиков.

Минуту спустя, «пластуны» появились рядом с двумя командирами. «Заместитель» сказал двум бойцам: – Каждый из вас возьмёт по два человека из тех, с кем вы сегодня бежали в рейд. Берите тех, кто получше.

Потом, с собою прихватите вот этого «геодезиста», – начальник кивнул на Григория, – и скрытно пройдёте на самый край того мыса, – он показал на длинный холм, протянувшийся в степь и продолжил:

– Если там будут японцы, постарайтесь их тихо убрать и спрятать тела. Не стрелять ни при какой ситуации! Действовать только ножом. Пока самураи придут с новой сменой, пока поймут, что случилось, уже будет темно, и мы уберёмся отсюда.

А ты, – он повернулся к Григорию, – тем временем нарисуй кроки этой долины: от холма до нужной нам горки. Потом, все вернётесь сюда, и мы решим, как нам действовать дальше. Выполняйте.

Вместе с разведчиками Григорий отполз осторожно назад. В зарослях леса они встали на ноги. Бойцы приказали «геодезисту» попрыгать. Парень сделал то, что велели, и услышал, как что-то бряцает в сидоре.

– Переложи свои вещи так, чтобы они не издали ни еди-

ного звука. Остальным тоже проверить поклажу. – приказал невысокий сержант.

Команда из семи человек стала готовиться к выполнению задания. Они построились так, как им приказал старшина. В середине находился Григорий с офицерским планшетом в мешке.

Двое разведчиков ушли от «геодезиста» вперёд метров на пять. На ту же дистанцию, они отодвинулись один от другого. Два бойца встали по бокам от Григория и отступили от него в разные стороны. Третья пара немного отстала, рассредоточилась и прикрыла тыл их маленькой группы.

По приказу начальства, они должны были, идти таким построением всё время разведки. И так же вернуться обратно.

Пригибаясь к земле, бойцы вышли к началу длинного мыса и, тщательно его осмотрели. Следов того, что здесь ходят люди, разведчики не обнаружили и, передохнув, двинулись дальше.

Чем ближе они подходили к дальнему краю холма, тем осторожнее продвигались вперёд. Наконец, они опустились на землю и поползли по-пластунски. Григорий тоже лёг на траву, замер и напряжённо прислушался. Кругом было удивительно тихо. Только листья деревьев шумели над его головой. Да ещё сердце громко стучало в груди.

Раздвигая руками высокие стебли, парень медленно перемещался к намеченной цели. Скоро, Григорий наткнулся на

невероятно густой, совершенно непроходимый кустарник.

Если лезть напролом, то придётся ломать толстые ветви и создавать лишний шум. Нужно обойти эту куртину, но куда лучше податься? В левую или правую сторону? Где она быстрее закончиться?

Григорий чуть приподнялся, повертел головой и ничего не заметил, кроме пышной растительности. Он оторвался весь от земли, встал на колени и вновь ничего не смог рассмотреть. Присел на корточки – та же история.

У парня создалось впечатление, что он оказался в джунглях тропической Африки, где и на полметра ничего толком не увидишь. Парень взял автомат наизготовку и стал не спеша разгибать напряжённые ноги.

Наконец, парень окончательно выпрямился, и его голова оказалась над невысоким кустом. В этот же миг, его взгляд наткнулся на широкую, узкоглазую морду японца.

В глазах самурая мелькнул целый ряд разных эмоций: сосредоточенность перешла в изумление, а затем, в сильный испуг. Григорий испытал тот же набор ощущений. Ошеломленные неожиданной встречей с врагом, оба застыли на месте, как два изваяния. Указательные пальцы противников буквально примёрзли к крючкам спускового устройства оружия.

За одно лишь мгновение, в голове у Григория проскочило сразу несколько мыслей. Причём, параллельно друг другу.

На ум парня пришла совсем неуместная фраза: «Столкнулся нос к носу!»

Тут же возникла другая: «Вот это и значит, мексиканское противостояние, когда любое движение вызовет ужасный отпор. Если ты и выстрелишь первым, то враг всё равно пальнёт по тебе. А промахнуться на таком расстоянии, увы, невозможно. Тем более, что противник держит руках автомат».

Одновременно с этим появились более рациональные думы: «Оружие у него висит на правом плече. Ему намного удобней, вести стволом влево, а не в противоположную сторону».

Для меня его правая сторона, является левой частью зоны обстрела. Выходит, нужно медленно отступить немного назад. Прыгнуть влево и уйти от огня. Так у меня появится хоть какой-нибудь шанс на спасение».

Не додумав всё до конца, Григорий стал сдвигаться назад и понемногу смещаться налево. Видимо, тоже решение принял японец, и стал делать то же самое, что и советский солдат. Только он уходил вправо от парня.

Отойдя на три шага, противники прыгнули в сторону. Причём каждый рванулся влево один от другого. Парень упал боком на землю. Перекатился ещё на полметра и замер на животе, наставив оружие на густую листву.

С той стороны большого куста раздался сдавленный хрип. Послышался шум негромкой возни, и всё сразу стихло. Ря-

дом, словно из ниоткуда, вдруг появился разведчик. Сержант опустился на корточки рядом с возбуждённым от страха Григорием и вытер окровавленный нож о траву:

– А ты молодец, «геодезист». Всё сделал правильно. А я уже думал, что ты станешь палить в самурая. И сам погибнешь, и весь лес взбаламутишь. К нашему счастью, этот японец был здесь один. Наверное, решил прогуляться до ветру. Так что, идём себе дальше.

Боец поднялся на ноги и тихо добавил:

– Топай за мною след в след. Чуть ближе к концу этого мыса у них всё заминировано.

Двигаясь по неприметной тропинке, они вышли на самый край большого холма. Григорий увидел небольшую площадку, накрытую плотной маскировочной сеткой зелёного цвета.

На ней находилась огневая пулемётная точка, обложенная по кругу камнями. В гнезде размещался станковый агрегат на станине. Он мог вести ураганный огонь во все стороны света. Вниз уходила дорожка, в конце которой виднелось несколько низкорослых солдат с офицером.

– Вовремя мы подоспели, – сказал сержант. – Они только сменились. Так что, у нас есть ещё время до наступления ночи. Потом появится их разводящий и начнутся поиски этих, – он небрежно кивнул в сторону трёх мёртвых японцев, лежавших чуть в стороне. – Ты не стой парень, работай. А

мы пока всех самураев поблизости спрячем. Затем нам ещё, нужно возвращаться к своим.

Чувствуя, что ноги его плохо держат, Григорий опустился на камень. Он развязал свой полупустой новый «сидор» и достал из него кожаный офицерский планшет.

Трясушимися от напряженья руками парень откинул большой верхний клапан. Он отрыл отделение для разных бумаг, вынул чистый писчий листок и закрепил его уголками на рабочей поверхности. Затем, достал из гнезда хорошо очинённый простой карандаш и замер в полнейшем отчаянии.

Григорию вдруг показалось, что он не сумеет провести на белой поверхности ни одной точной линии. Парень тяжело вздохнул и сказал сам себе: – Нужно вычертить всё, что только возможно, – он взял себя в руки и стал рисовать, так называемый, кроки.

Пока молодой человек занимался работой, от которой он сильно отвык, разведчики не оставались без дела. Они спрятали в чаще убитых японцев, вернулись назад и нашли вещмешки самураев. В них оказались галеты, жестянки с отваренным рисом и какой-то приправой, сушёные фрукты и фляжки с водой.

Сержант разделил на семерых все продукты, найденные в пулемётном гнезде. Порции пищи оказались на удивление маленькие, но это всё-таки лучше, чем совсем ничего. Все

слегка подкрепились, и бойцы легли вздремнуть на траву.

Поев, Григорий не стал отвлекаться на отдых. Парень вернулся на пост и продолжил рисование кроки. Постепенно огрубевшие пальцы вспоминали движения, которые применяют чертёжники.

Через какое-то время, у него стало кое-что получаться. Ещё через час он закончил работу и предъявил её своим провожатым. Те очень критически сравнили набросок с окружающей местностью и указали несколько мест, где оказались кое-какие неточности. «Геодезист» взял из планшета новенький ластик, стёр неверные линии и исправил все замечания.

Потом группа собрала свои личные вещи. Разведчики выдернули из пулемёта японцев множество мелких деталей и забросили их подальше в кусты. Причём, раскидали их в разные стороны, чтобы никто не нашёл.

Напоследок, они заминировали огневую площадку и подходы со стороны узкой тропы, поднимавшейся снизу. Затем, углубились в лиственный лес и тем же путём поспешили к друзьям-штрафникам.

Дорогу назад, Григорий плохо запомнил. Он настолько устал, что готов был упасть на траву и уснуть. Если б не помощь разведчиков, которые отдохнули слегка на мысу, то вряд ли бы парень дошёл до расположения роты. В конце концов, они всё же добрались до нужного места.

Григорий вручил свой рисунок двум командирам. Он дал

некоторые пояснения к кроки, получил разрешение вернуться в своё отделение и поплёлся туда. Оказавшись возле спящих соратников, он без сил рухнул на землю и тотчас провалился в бездонную чёрную тьму.

Ещё через миг, Григорий почувствовал, что кто-то трясёт его за плечо. Он открыл глаза, но ничего не увидел. Лишь через пару секунд, парень понял, что уже совершенно стемнело и пора их отряду двигаться в путь.

Старшина с лейтенантом немного подумали и проложили маршрут роты так, чтобы он проходил по ровным и безопасным местам. Бойцы должны были, обойти стороной три деревни китайцев и несколько глубоких оврагов, которые с мыса заметил Григорий.

Штрафники крадучись вышли из леса. Они спустились с холма на равнину и колонной по двое направились к высокой горе. К счастью бойцов, облака закрыли луну, и она не светила на землю, как огромный прожектор. Вот только и большая возвышенность еле виднелась на фоне тёмного неба.

Впереди шли разведчики. Время от времени, они останавливали движение роты. Отряд резко менял направление, обходил обнаруженные «пластунами» препятствия и двигался дальше. И так продолжалось не меньше, чем четыре часа.

Хорошо, что на севере Поднебесной страны не растут теплолюбивые злаки, тот же рис, например. Поэтому, бойцы не встречали пространств, залитых водой. Идти им пришлось

по ровным полям и лугам. Иногда попадались овощные и бахчевые плантации.

После полуночи, разведчики доложили начальству, что натолкнулись на окопы противника. Их сообщение довели тихим шепотом до всех штрафников. Солдаты ещё раз проверили автоматы и приготовились к бою.

Двое самых бывалых бойцов поползли к самурайским позициям. Как там было на самом-то деле, Григорий, конечно, не знал. Он, как и все остальные, лежал на земле. Сжимал в руках «ППШ» и с содроганием ждал ужасной развязки.

В любую секунду, японцы могли заметить отряд и обрушить на красноармейцев ураганный пулемётный огонь.

Судя по тишине, которую не нарушили выстрелы и гор-танные крики, разведчики благополучно прошли сквозь линию укреплений врага. Они проскочили ничейную полосу и оказались в расположении советских частей.

Уже на рассвете, со стороны Красной армии ударили пушки, и сотни снарядов взорвались на земляных укреплениях японцев. Они разметали в пыль блиндажи, заграждения из ржавой «колючки» и расчистили путь для прохода бойцов.

Едва канонада затихла, штрафники поднялись на ноги и, молча, побежали вперёд. Стреляя из автоматов в попадавших им самураев, солдаты прорвались через разрушенные обстрелом траншеи врага и оказались на ничейной земле.

С наших позиций увидели бегущих людей и прекратили

стрелять. Только на флангах этого небольшого участка, продолжали стучать пулеметы, что палили в противников.

Григорий домчался до советских окопов, спрыгнул на дно и только тогда он поверил, что они вышли к своим. Всю роту мгновенно разоружили и отвели в тыл полка.

Уцелевших при прорыве, бойцов загнали в какой-то сарай и «до выяснения» окружили охраной. Капитан пехотинцев принял доклад вконец осмелевшего лейтенанта и, улыбнувшись, сказал:

– Благодарю всех за службу. Я напишу рапорт на вас с представлением к ордену.

Молодой офицер вытянулся в струнку и браво гаркнул:

– Служу Советскому Союзу! – О роли своего «заместителя», он умолчал. А ведь это могло реабилитировать бывшего капитана-разведчика.

Штурм крепости

Военная проза. Рассказ «Штурм крепости» вошёл в роман «Разведчик, штрафник, смертник. Солдат Великой Отечественной» выпущенный издательством ЭКСМО в июле 2015г.

Кроме того, рассказ «Штурм крепости» вошёл повторно в печатный сборник всероссийского литературного конкурса «Герои великой Победы» 2016 г.

Кроме того, рассказ «Штурм крепости» вошёл повторно в подборку рассказов «С чистой совестью».

Издан в журнале «Луч» №5-6 2016 стр. 12...15

Лишь после того, как штрафники выдвинулись на исходный рубеж, бойцам сообщили о предстоящей задаче. Выяснилось, что на их долю выпало удивительно трудное и смертельно опасное дело.

Главной целью атаки оказалась высокая сопка, что находилась перед советской позицией. Все солдаты непроизвольно привстали и настороженно выглянули из неглубоких окопов.

Стрелки часов показали на полночь. Луну опять затянуло плотными тучами. Лучи ночного светила не проходили к земле. Вокруг было очень темно. Григорий с трудом рассмотрел внушительный холм с чрезвычайно крутыми и высокими склонами. Плюс ко всему, оказалось, что эту невысокую горку противник хорошо укрепил.

Захватив китайские земли, японцы вели себя там, словно рабовладельцы в южных штатах Америки. Тысячи местных крестьян трудились здесь, словно невольники на табачных плантациях.

Благодаря их труду возвышенность весьма изменилась. За это долгое время, она превратилась в мощный, практически неуязвимый оборонительный комплекс. К этому нужно до-

бавить большой гарнизон, который удобно устроился в несокрушимых бетонных подвалах.

Командир полка пехотинцев, собрал в блиндаже всех офицеров и сообщил:

– Эта высотка торчит у перекрёстка двух стратегически важных дорог и контролирует всю ближайшую местность.– полковник ткнул пальцем в подробную карту, что лежала у него на столе и продолжил – С макушки холма, прекрасно простреливается вся территория, что находится рядом. Нам необходимо отбить у врага эту позицию и открыть путь советским войскам вглубь Китая. Первыми пойдут штрафники.

На этом небольшой инструктаж завершился. Всё стало понятно, и говорить стало не о чём. Подчинённые молчком козырнули и разошлись по своим подразделениям, что находились поблизости. Они довели приказ руководства до всех остальных.

Штрафникам предстояло практически с ходу вступить в жестокое ночное сражение. То есть, ввязаться в смертельную битву, которая, скорее всего, будет последней для большинства из солдат. Григорий ещё раз выглянул из небольшого окопа и со страхом глянул вперёд.

Громада вражеской крепости нависала над ближайшей округой и, казалось, не давала ни единого шанса на победу над ней. Идти с автоматами против пулемётов и пушек, на-

дёжно укрытых в толще горы, было самоубийством и никак не иначе.

Единственное, что могло бы хоть как-то помочь наступающим войскам, так это мощный артиллерийский обстрел. По словам полковника, командование обещало его провести перед самым началом атаки.

Григорий опустился на корточки и стал ждать сигнала, который должен был, дан в самое ближайшее время. В этот момент, в первой линии неглубоких окопов началось шевеление, непонятное парню.

Парень повертел головой и увидел, что к нему приближается незнакомый сержант с автоматом в руках. За ним, сильно пригнувшись, двигались ещё двое солдат.

В руках ребята тащили стандартную армейскую флягу, в которых на позиции роты приносили горячую пищу. Запылавшиеся красноармейцы замерли в двух шагах от Григория и опустили тяжкую ношу на землю. Один из них повозился с замком и откинул вверх круглую крышку. По траншее разнёсся сивушный водочный запах.

– Сучок принесли, – удовлетворённо хмыкнул сосед Григория справа. – Сто наркомовских граммов перед атакой.

Второй из носильщиков «пищевого довольствия» достал из-за пазухи алюминиевый мерный стаканчик, прикрепленный к тоненькой ручке длинной с карандаш.

– «Точно такими же ёмкостями, только объёмом в один

и в пол-литра, разливали молоко в городских магазинах», – невольно вспомнил Григорий далёкое довоенное время. От тоски по счастливому прошлому у парня сильно защемило в груди.

Учуяв прекрасно знакомый всем запах, штрафники завозились все разом. Они дружно сбросили с плеч свои тощие «сидоры» и начали быстро развязывать туго затянутые тонкие лямки.

Григорий тоже достал из мешка мятую солдатскую кружку и встал в шеренгу, что протянулась к металлической фляге. Разливающий драгоценную влагу, солдат привычно спускал мерную тару внутрь ёмкости. Он зачерпывал ядрёную жидкость и шустро вытаскивал добычу наружу.

Очередник подставлял свою кружку. Водка шумно плескалась на дно предъявленной клиентом посуды. Все делалось быстро и чётко. Получивший свою скромную порцию, боец отходил от раздачи. Он шумно вдыхал полной грудью и залпом пил лекарство для храбрости, предписанное славным наркомом. Тем временем, на свободное место вставал следующий жаждающий воин.

Пока виночерпий разливал ценный напиток, два солдата, сопровождавшие термос, не стояли без дела. Они напряжённо следили, чтобы никто не пытался встать в короткую очередь во второй, а тем более, в третий раз.

Ведь после такой усиленной дозы, да ещё без закуски, не

то что, бежать и биться с врагом, даже и двигаться будет уже неохота. Потянет, сесть, покурить и поболтать о чём-то приятном.

Проглотив свою дозу, Григорий скривился от мерзкого вкуса, убрал кружку в «сидор» и вернулся на прежнее место. Рядом опустился на корточки незнакомый штрафник. Спрятав короткий чинарик в большом кулаке, он втихую смолил самокрутку.

– Хорошо, да очень уж мало! – угрюмо бросил боец. – Дали бы перед атакой, ещё хотя бы по соточке. Всё равно помирать! – Перехватив понимающий взгляд молодого соседа, мужчина тихо продолжил: – Два года назад пошли мы в разведку. Проплутали мы там почти трое суток, собрали нужные сведения и к вечеру вернулись назад. Явились голодные, как волки зимой, и выяснили, что наша база куда-то уехала.

Мы пошли к пехотинцам. Так, мол, и так, покормите нас братцы. А они нам в ответ: – Нет ничего проще ребята, садитесь к котлу, – мы подбежали, а там невесть что громко булькает в баке. А запах до того ужасающий, что нельзя передать. Ну, мы естественно, пришли в изумление и сразу спросили: – Что это такое вы жрёте?

– Да вот, – говорит нам сержант, – сами не ели уже несколько дней. Думали, что подохнем тут с голоду, да только сжалился над нами Создатель. Вон в том старом доме, – и показывает нам на развалины. – Нашли мы на чердаке сы-

ромятную лошадиную шкуру. Мы разрезали её на три куска и с утра уже варим. Сейчас сольём третью воду, и можно будет поесть.

Ну, мы же разведчики, привыкли питаться нормально. Отворотили мы нос и рассыпались по ближайшим окопам. Вдруг что-нибудь получше найдем. Да где там. Эти места и до нас много раз прочесали. Кругом только такие же закрытые фляги валяются. – Он кивнул в сторону ёмкости с водкой.

Меж тем, виночерпий уже закончил раздачу ста граммов наркомовских. Двое солдат закрыли плоскую крышку у термоса и потащили неудобную ношу во вторую линию земляных укреплений.

Мужчина проводил их сумрачным взглядом и закончил рассказ:

– Причём, и наши, и немецкие фляги валялись там вперемешку. Какой ни откроешь, а там нету еды. Только водка или, что ещё хуже – отвратительный шнапс. Ну, ты сам, наверное, знаешь, что на пустой желудок эта дрянь совсем не идёт.

Делать-то нечего, вернулись мы обратно к котлу. Голод не тётка, пришлось нам жрать, что дают. Стали мы отрезать от шкуры коня тонкие полосочки кожи и понемногу их есть.

Жуёшь её парень, жуёшь, а она очень жёсткая и такая вонючая, но делать-то нечего. Мало-помалу всю до конца так и съели. Даже не заметили как. Радости от такой «вкусной»

пищи, нет никакой, но всё же, на шкуре коня мы продержались три дня и слопали всю её целиком. Хорошо, что потом полевая кухня с кашей подъехала.

На этом разговор сам собой увял. Выпитая дешёвая водка растеклась по крови, и страх слегка отступил.

«Даст Бог, я уцелею и здесь», – подумал Григорий и вновь посмотрел на японскую крепость.

Всё началось в срок, назначенный штабом Дальневосточного фронта. Из глубины территории, занятой РККА, послышался оглушительный залп дивизионных орудий. Сотни тяжёлых снарядов вылетели из темноты. Их ужасающий свист превратился в сплошной, душераздирающий вой.

Наконец, тонны тротила стали обрушились на предполье укреплений врага. Большие фугасы падали с неба, как валуны при камнепаде в горах. В этот же миг раздались громopodobные взрывы, от которых, земля содрогнулась на многие километры вокруг.

Всё сметающий вал из огня и железа ни секунды не оставался на месте. Он рванулся вперёд и проутюжил всю полосу нейтральной земли. В шум канонады влился грохот сработавших подземных зарядов и визг осколков, разлетевшихся в разные стороны.

В воздух взвились огромные массы иссушенной почвы. Вся поверхность степи покрылась глубокими впадинами чёрных воронок. Линии из ржавой «колючки» мгновенно

сторели в бушующем пламени.

Затем площадь обстрела сдвинулась дальше и волною огня прокатилась по широкому полю. Она переместилась на подошву холма и начала подниматься на крутые высокие склоны.

Облака плотной пыли и пепла повисли в предутреннем воздухе и скрыли мощную крепость от взгляда Григория. Он в испуге присел и сжался в плотный комок на дне неглубокой траншеи.

– «Только б сюда снаряд не влетел, а то разнесёт меня в мелкие клочья, и следов не найдут». – сказал себе парень. Следом пришла новая мысль: – «Как жаль, что в первые годы войны, у нас не было столько снарядов и пушек».

Минуты обстрела предполя, тянулись удивительно медленно. Наконец, они всё же закончились. Оглушающий грохот разрывов чуть отдалился. Парень поднялся с земли и настороженно выглянул из-за низкого бруствера.

Теперь большие фугасы сыпались на бетонные укрепления японцев и перемалывали их в мелкую крошку. Скорее всего, гарнизону врага стало уже не до несения службы.

Спасая свою драгоценную жизнь, они прекратили наблюдение за окружающей местностью и дружно помчались в подвальные этажи казематов. Таким обстоятельством и воспользовался командир штрафной роты. Он огляделся по сторонам и отдал приказ:

– Ползком, все вперёд!

Передаваясь от одного красноармейца к другому, команда пробежала в оба конца длинной траншеи и быстро вернулась обратно. Стоявшие по бокам от начальства, солдаты сказали, что все готовы к началу движения.

Капитан подождал полминуты и, плотно прижимаясь к земле, вылез на бруствер. Закусив губу от напряжения, Григорий последовал за боевым офицером. Вместе с ними из траншеи выбрались и другие бойцы. Они растянулись в длинную цепь и, ползя по-пластунски, направились к вражеской крепости.

Ещё сидя в окопе, Григорий намотал на левую руку ремень автомата, и крепко сжал пальцы на коротком стволе. Сейчас он продвигался вперёд и, чтобы не думать о предстоящей опасности, сосредоточил внимание на «ППШ». Он очень старался держать оружие так, чтобы земля не попала в затвор и тем более, в дуло.

Любая песчинка могла в каждый момент заклинить боевой механизм и превратить его в никчемный предмет. Иногда, Григорий со страхом смотрел па огненный ад, что уже бушевал на самой вершине неприступных укреплений врага.

Ориентируясь на красноармейцев, что находились справа и слева, он механически продвигался вперёд. Перепаханная мощными взрывами, поверхность степи сильно мешала ползти по некогда ровному полю.

Постоянно приходилось съезжать вниз головой в глубо-

кие ямы, дымящиеся сгоревшей взрывчаткой, а потом, подниматься наверх, увязая в горелой, рыхлой земле. Всё время приходилось следить за своими соседями, чтоб ненароком не вырваться сильно вперёд, или, упаси тебя Бог, не отстать.

Пока артиллерия продолжала обстрел, солдаты ползком подтянулись к самой подошве холма. Они укрылись в многочисленных тёмных воронках и неподвижно замерли в них. Не успел парень слегка отдышаться, как артподготовка закончилась. Над степью повисла та тишина, которая называется мёртвой.

Ещё через миг, в небо взвилась ярко-красного цвета ракета. Подчиняясь сигналу, штрафная пехота дружно поднялась на ноги и, в едином порыве, помчалась вперёд. Вместе со всеми, Григорий тоже вскочил и, что есть сил, побежал к вершине пригорка.

Всё было так же, как на том полигоне, где их готовили к штурму таких укреплений. Парень торопливо карабкался по невероятно крутому и высокому склону. Уклон у косогора оказался градусов в сорок, не меньше.

Никто из бегущих бойцов ничего не кричал. Ни «Ура!», пришедшее из давнишних времён, ни тем более, «За вождя» или «За Сталина!». Не вспоминали они и прочие глупости, которые, чаще всего, пишут в советских газетах.

Всем атакующим было сейчас не до этого. Каждый из них, старался ничем не привлечь внимание противника и, как

можно дольше, сохранить размеренное дыхание спринтера.

Меж тем, самураи оправились от большого испуга, что у них вызвала артподготовка. Они привели себя в норму, вылезли из казематов и обнаружили невероятную вещь.

Выяснилось, что несокрушимую крепость атаковали какие-то тёмные тени, которые быстро взбирались к вершине пригорка. Раздались гортанные чужеземные вопли, и в небо взвились осветительные ракеты противника.

Всю местность вокруг залило сияние белое цвета. Привыкшие к тьме, глаза штрафника резанула яркая вспышка, и Григорий на секунду ослеп. Он видел только какие-то пятна и полосы.

Последовала другая команда командира японцев. С вершины холма дружно ударили из всех стволов, что умели стрелять. Потом полетели ручные гранаты и раздались частые, глухие хлопки. Вокруг засвистели многочисленные осколки и пули.

Так же, как и Григорий, соседи справа и слева, неудержимо мчались вперёд. Фигуры бойцов то появлялись, то исчезали в облаках серой пыли, что поднялись в воздух от взрывов. То один, то другой человек падал на землю и уже не вставал.

Каких-либо дум в голове парня не было. В мозгу билась одна только мысль: – «Нужно, как можно быстрее добраться до верха. Где-то на периферии сознания вдруг появились,

что-то чужие слова: – «Как во время прорыва...»

Всё остальное внимание парня сосредоточилось на одном очень важном занятии. Григорий следил только за тем, куда ставить ноги? Он не хотел, оступиться на острых камнях, подвернуть себе голень и рухнуть на склон.

Боец почти сразу, утратил всякое представление о времени. Григорию почему-то казалось, что он уже много часов лезет по невероятно крутому и высокому склону холма.

В течение весьма необычного, с одной стороны – монотонного, а с другой – очень стремительного, продвижения вперёд, он потерял свою каску. Сначала, что-то тоненько взвизгнуло возле самого уха, и кожаный ремешок был перерублен острым, как бритва, осколком. Горячий металл полоснул по щеке. Из небольшого пореза тотчас побежала струйка горячей крови.

Ещё через миг, пуля японцев сильно ударила в навершие прочного купола. Тяжёлый железный колпак съехал на затылок бойца, а затем, вообще, слетел с головы. Он упал на спину Григория, свалился на землю и укатился вниз, в темноту.

У парня не было даже секунды, чтобы взглянуть, куда делся шлем? Он так же, как прежде, почти на карачках взбирался на большой косогор.

Наконец, Григорий добрался до первой линии укреплений противника. Он поудобнее перехватил автомат, и прыгнул в глубокий бетонный окоп. В этот же миг, из-за поворота

траншеи неожиданно выскочил здоровенный плотный японец.

Парень стал поворачиваться к своему неприятелю и отчётливо понял, что не успеет этого сделать. Секунды опять прекратили стремительный бег и потекли никуда, не спеша, как загустевшая краска. Всё вокруг стало двигаться, словно в замедленном фильме.

Ужасаясь своей заторможенности, штрафник удивительно долго пытался, во всеоружии встретить чужого солдата. Меж тем, как к бойцу, большими скачками плавно летел гигант-самурай.

Как представилось парню, росту в нем было два метра, а весу куда больше центнера. В правой руке верзила держал карабин, а в левой оказалась, зажата противопехотная граната фашистов.

Железная банка с тротилом прочно сидела на длинной ручке из дерева. Она взметнулась к тёмному небу и с ужасающей силой, упала на голову, запыхавшегося от бега бойца.

От мощного удара по черепу, у парня всё резко запрыгало перед глазами. Последнее, что он запомнил, было движение указательного пальца правой ладони. Автомат содрогнулся в руках штрафника и выплюнул короткую очередь в тело врага.

Несколько пуль пробили грудь самурая, защищённую лишь простой гимнастёркой. Сила инерции швырнула громилу назад. Он крепко ударился о бетонную стенку, пова-

лился на бок и, почти целиком, оказался за поворотом траншеи.

Граната, что японец держал в левой руке, тотчас взорвалась. Из-за угла укрепления, взметнулся клуб дыма с огнём. Григорий лишился сознания и провалился в непроницаемый мрак.

Когда парень очнулся, то он ощутил, что лежит на спине и его, то покачивает, как на волнах, то трясёт, словно в старой телеге. Григорий чуть приподнял тяжёлую голову и осмотрелся вокруг.

Через силу он понял, его куда-то несут на носилках. Сильнейшая слабость охватила всё существо, и красноармеец опять повалился на узкое и весьма неудобное полотно из брезента.

Через какое-то время, Григорий снова вернулся в сознание. Парень увидел, что уже оказался в просторной палатке санбата. Там его внимательно осмотрели полевые врачи. Они признали травму очень серьёзной и направили молодого бойца в госпиталь прифронтальной полосы. Вместе с прочими ранеными его погрузили в кузов старой полуторки и повезли в ближний тыл. Туда он попал дня через три.

К тому времени, когда парень добрался до места, он немного оправился от атаки японца. Первым делом, Григорий попросил медсестру, дать ему карандаш и бумагу. Не удивляясь просьбе бойца, она тотчас принесла всё, что нуж-

но. Преодолевая сильнейшую боль в голове, он с трудом сел на жёсткой кровати и наконец, написал сразу несколько писем.

Такое простое, но удивительно важное для парня событие, произошло с ним впервые за три с лишним года страшной войны. Сначала, боец написал своей зазнобе на юг Украины. Следующие небольшие послания ушли к маме в деревню и к любимому дяде, у которого он много лет жил в далёкой Самаре.

Удар гранатой по черепу, не прошёл для красноармейца бесследно. Врачи весьма удивлялись тому, что боец до сих пор ещё жив. С правой стороны головы, прямо над ухом, у парня осталась довольно приличная вмятина.

Кроме того, у Григория начались жуткие боли в мозгу. Они были настолько сильны, что медики не смогли ничего с ними сделать и отправили раненого в воинский госпиталь, расположенный во Владивостоке.

По приезду в краевую столицу, парень узнал, что туда уже прибыло несколько писем от родных и знакомых. В первом послании содержались очень приятные новости.

Выяснилось, что его большая любовь, Мотя Савченко, с которой он познакомился в Гамбурге, в данный момент, в полном порядке. Особый отдел признал её малолетней узницей концлагерей и отправил на родину. Благополучно вернувшись, домой она написала это письмо и в конце сообще-

ла, что с нетерпением ждёт приезда Григория.

К радости парня, его мама оказалась жива, совершенно здорова, и очень ждала сына домой. Ещё она сообщила такое, что удивительным образом прошло мимо армейской цензуры.

Скорее всего, особисты не обратили внимания на те простые депеши, которые шли не на фронт, а в госпиталь, расположенный в далёком тылу. Иначе бы, у старой крестьянки, да и Григория тоже, возникли большие проблемы.

В этом послании мама писала, что из Самары пришли очень плохие известия. Через общих знакомых ей сообщили о том, что же случилось со старшим братом и его любимой женой?

По чьему-то доносу, чекисты объявили Эльзу Фрицевну немецкой шпионкой. Её арестовали и назначили закрытым судом «пятнадцать лет лагерей, без права переписки с родными»!

Однако и после расстрела несчастной учительницы, НКВД не отстало от Михаила Фёдоровича, дяди Григория. Как члена семьи «врага трудового народа», его тотчас уволили с высокой занимаемой должности.

После чего, власти конфисковали всё его небольшое имущество, и отняли большую светлую комнату, в которых он жил вместе с супругой. Мужчине оставили лишь маленькую, пустую каморку, где раньше обретался Григорий. По-

сле смерти жены, крёстный сильно запил и тихо, в одночасье скончался.

Дальше пошли разные новости, которые были немного лучше. Выяснилось, что младший брат матери Пётр Фёдорович успел в 1941 году кончить энергетический техникум. Он выучился там на геолога и на фронт его не забрали.

Вместо этого, он всю войну скитался по дикой Сибири. Там он довольно успешно искал месторождения стратегических материалов, необходимых для военной промышленности.

Сейчас он вернулся на Волгу, проживает в Самаре, но писем почему-то не пишет. Скорее всего, боится общаться с бедными родственниками, среди которых имелись и «враги трудового народа».

В связи с тем, что Григорий был ранен, он больше не числился бойцом дисциплинарной воинской части. По тогдашним законам считалось, что он искупил своей кровью большую вину перед Родиной. Солдата реабилитировали и сняли с него все судимости.

Врачи занялись парнем вплотную и провели массу исследований. В конце концов, рентген показал, что у него обширное затемнение в лёгких, похожее на туберкулёз. Наверное, эту болезнь он заработал в фашистских концлагерях.

Лечить эту напасть тогда ещё не умели, и Григория комиссовали. Через месяц он немного оправился от ранения в

голову и был выписан из военного госпиталя Владивостока.

Отставник получил документы, которые позволяли ему добраться до дома, и поехал в деревню, к своей милой матери. На этом Великая Отечественная война для Григория кончилась.

Возвращение домой

Пятнадцатого декабря 1945 года, поезд, идущий из Владивостока в Москву, застыл у перрона тёмной, послевоенной Самары. Из редких писем, приходивших на фронт, Григорий доподлинно знал, как обстояли дела в этом городе.

Его дядя и тётя, обитавшие здесь до войны, умерли уже очень давно. Других родных и знакомых, у которых удалось бы пожить короткое время, у него не имелось.

Мало того, в Куйбышев привезли так много людей, эвакуированных с запада СССР, что снять какой-нибудь угол теперь невозможно. Даже, если он сможет найти что-нибудь, то на что, ему жить? Работать после контузии, он пока что не мог, а денег в кармане штанов лежало совсем ничего.

Оставалось только одно, сразу ехать в родную деревню, в дом старой матери с отчимом. Григорий простился с бойцами, с которыми ехал теплушке почти три недели, покинул войсковой эшелон, и двинулся к двухэтажному зданию вокзала Самары.

Там парень встал в длинную очередь к кассам. Предъявил

документы, выписанные военкоматом во Владике, и взял билет на первый же поезд, уходящий на юг, к Оренбургу.

Через четыре часа он прибыл в далёкий райцентр. Как и думал Григорий, за прошедшие годы войны здесь лучше не стало. Автобус, который в сорок первом году обещали пустить к его тихой деревни, до сих пор не ходил.

Властям было не до того, чтобы как-то улучшить жизнь своих несчастных сограждан. Катастрофически не хватало людей, горючего, техники и всего остального. Сначала всё отправляли на фронт, а теперь на восстановление родины, разрушенной проклятыми фрицами.

Пришлось Григорию топтать пешком. К его сожалению, это было немного немало – двадцать три километра по занесённой снегом дороге. Однако, Григорию и в этот раз повезло. Как толь солдат ступил за околицу, его тут же нагнали старые розвальни.

На них сидел человек, закутанный в огромный овчинный тулуп. Пожилой мужичок натянул потёртые вожжи и притормозил гнедую кобылу. Неспешно трусившая, худая лошадка с радостью сбавила ход и послушно двинулась шагом. Теперь она шла вровень с путником, бредущим по пустому просёлку.

Старик громко кашлянул и простуженным голосом крикнул: – Куда идёшь-то, милоч?

Стараясь не сбиться со взятого ритма, парень взглянул на седого возницу и назвал родную деревню.

– Садись, подвезу! – предложил ему кучер и ткнул длинным кнутом себе за спину.

Не заставляя себя долго упрашивать, Григорий поравнялся с санями, тихо скользящими по снегу вперёд. Он скинул с плеч тощий сидор и опустился в солому, заполнявшую низенькой короб. Боец аккуратно подвинул какой-то мешок, переложил пару ящичков и улёгся, как можно удобнее.

Старик обернулся и ворчливо сказал: – Смотри в снег чего не срони, а то, придётся вертаться назад, искать упавшие письма с посылками.

Из дальнейшего разговора с возницей, Григорий узнал много чего интересного. Оказалось, что неожиданный попутчик работал почтовым курьером. Он вёз корреспонденцию в большое село, стоящее в тридцати километрах от города, в тамошнее отделение связи.

Оттуда старик двинется дальше. Уже ближе к вечеру окажется на границе Самарской и Оренбургской губернии. Там переспит и вернётся назад, но теперь уж другой, кружной дорогой. По пути, будет заглядывать во все деревеньки подряд. Раздавать людям письма и собирать их ответы.

Вот так пожилой человек и крутился уже множество лет. Летом ещё ничего. Тепло и, большею частью, сухая погода. Весною и осенью, достаточно часто, льют проливные дожди. Если зарядит надолго, то несколько суток стоит непролазная грязь. Приходится жить у сельчан, пока грунтовка станет проезжей.

Зимой хуже всего. Ветер, снег и мороз. Рано темнеет и очень легко можно сбиться с пути. Пару раз он плутал по степи до утра и чуть совсем не замёрз. Спасибо кобыла сама вывозила к ближайшей деревне.

В последние годы, вокруг появилось удивительно много волков. Однажды проклятые хищники догнали его низкие сани и чуть не напали на лошадь. Хорошо, что на почте снабдили наганом. Расстрелял все патроны. Убил трёх зверей, а другие отстали.

Слушая пожилого мужчину, парень часто поддакивал и задавал кое-какие вопросы. Хочешь, не хочешь, а проявляй интерес к разговору. Ведь ехать в санях намного приятней, чем топтать пешком.

Через какое-то время, парень вспомнил о том крупном селе, о котором сказал старый возница. Оно находилось чуть дальше по тракту, сразу за его деревенькой. Поэтому он сможет добраться почти до нужного места.

Так всё оно и вышло. На малозаметном съезде с дороги, старик притормозил гнедую кобылку. Она вновь перешла на спокойный размеренный шаг.

Григорий пошевелился и внезапно почувствовал, что сильно замёрз. Едва передвигая конечности, он встал на санях. Неловко сошёл на ходу и крикнул курьеру: – Большое спасибо!

Григорий накинул на плечи лямки от «сидора», задубев-

шего на крепком морозе, и, слегка повозившись, поудобней устроил его на спине. Чуть вдалеке, над широкой равниной стояли тонкие струйки белого дыма. Демобилизованный воин тронулся с места и, увязая в снегу по колена, двинулся в путь.

Возница внимательно посмотрел ему вслед. Старик с облегчением понял, что парень достаточно крепкий и дойдёт до деревни. На всякий случай, курьер перекрестил тощую спину бойца. Затем, хлопнул вожжами и сказал привычное: – Но!

Лошадь тотчас перешла на неспешную рысь. Сани поехали по большому маршруту, проложенному столетью назад.

Чувствуя слабость от сильной контузии, Григорий тащился по засыпанному снегом просёлку. За два часа, он прошёл пять километров. А ведь когда-то давно, он их пробегал, не заметив, всего лишь за сорок минут.

Наконец, он вошёл в родную деревню. Достигнув околицы, Григорий с горечью вспомнил о том, что не являлся сюда более двенадцати лет. С того самого лета, когда он из тихой реки, вытащил утонувшего Витьку.

Солдат стоял, вертел головой и с огромным трудом узнавал всё вокруг. По краям единственной улицы, густо поднялся высокий кустарник. Его голые стебли торчали из белых сугробов, наметённых северным ветром.

Небольшие, кособокие домики выглядели гораздо беднее,

чем раньше. Многие избы низко осели, и словно выросли в промёрзшую землю. Кровли из старой соломы провисли и местами чернели сквозь снег.

Найдя дом своей старой матери, Григорий поднялся на небольшое крыльцо. Оно оказалось засыпано свежей порохом до верхней площадки. Боец отряхнул сапоги и постучал кулаком в заиндевевшую дверь.

Не дождавшись ответа, парень толкнул старые доски и шагнул в тёмный низкий проём. Он закрыл за собой толстую створку и, не разуваясь в сенях, протопал внутрь помещения. Посреди низенькой комнатки стояла смутно знакомая, сильно увядшая женщина. Она с сильным испугом смотрела на нежданного гостя.

Мария Фёдоровна очень состарилась. Она стала значительно ниже росточком, чем казалась когда-то. Молодая фигура, крепкой, статной крестьянки, сильно усохла. Теперь она превратилась в тощее старушечье тело.

Мама Григория потеряла несколько передних зубов и стала немного сутулится. Собранные в пучок на затылке, чёрные волосы украсили серебристые пряди. Ветхая простая одежда оказалась под стать нездоровому внешнему облику.

За время отсутствия парня, жизнь в отдалённой деревне не стала ни сытнее, ни легче. Везде царил та нищета, которая помнилась парню в его последний приезд. В тот, что случился лет двенадцать назад.

Как выяснилось немного позднее, строгий отчим Григория, Павел Степанов, не участвовал в Великой войне. Получив три ранения на далёкой Гражданской, бывший конник был списан «в чистую» и остался на родине. Так же, как и мама бойца, он ударно трудился в колхозе.

Всех здоровых мужчин поголовно призвали в советскую армию. Совсем небогатое сельхозпредприятие, пришло в откровенный упадок. Сделали чёрное дело и большие поборы, проводимые во имя Победы. Жившие в тихой деревне, женщины и малые дети старались, как только могли, да всё, казалось, без толку.

Отчим являлся едва ли не единственным мужиком на округу. Он брал на себя самую тяжкую долю работы. Надорвался на бесконечной страде и, немного помаявшись, слёг. В течение месяца Павел Степанов истаял, как свечка и в одночасье ушёл в мир иной.

Сильные засухи постоянно утюжили самарскую область, наполовину занятой степью. Они приносили крестьянам удивительно трудные, а зачастую, голодные годы. Несмотря на такую напасть, младшие дети у матери, каким-то таинственным образом выжили.

С тех пор, как парень их видел, сводные брат и сестра повзрослели, и хорошо подросли. Однако, как и все ребяташки в округе, они оказались худыми и бледными. Григорию сразу же вспомнились немецкие лагеря в фашистской Германии.

Плохая кормёжка и нескончаемый труд ещё никогда не шли людям на пользу.

С остальными знакомыми семьями дела обстояли несколько не лучше. Практически все мужчины и парни, тоже отправились в армию. Большинство сразу сгнули на кровавой войне и не вернулись назад. От многих из них не пришло ни одной, даже самой коротенькой весточки.

Женщины быстро состарились. Умерли от разных болезней и нескончаемой, тяжёлой работы. Малой части «счастливец» удалось уцелеть на «повторной германской». Однако, за такое «везение» они заплатили чрезвычайно высокую цену. В лучшем случае, люди остались без рук или ног.

По сёлам ходили рассказы, о бедном танкисте, который жутко сгорел в подбитой машине. Он потерял все конечности и превратился, в настоящий обрубок с обуглившейся в огне головой. Таких бедолаг народ называл – «самоварами». Всё в них, в себе. Думает, мучается, сильно страдает и даже не может покончить с собой.

Как и после Гражданской войны, в советской деревне почти не осталось здоровых мужчин. Немного калек разного возраста на десятки деревенок вокруг. Вот и весь сильный пол на расплод.

На этом ужасающем фоне, возвращенье домой контуженого на «японской» Григория, выглядело, как настоящее чудо. Тем более, что он прибыл в деревню с руками, с ногами и не лишился рассудка.

Весть о таком исключительном случае разнеслась по району. Неожиданно для себя, скромный Григорий стал считаться завиднейшей партией. Он мог взять себе в жёны любую красавицу из окружающих сёл. Многие женщины были готовы пойти на всё, что угодно, лишь бы заманить его к себе в хату на пару часов.

Однако и здесь дела обстояли не так хорошо, как хотелось Григорию и всем окружающим дамам. Он долго ехал домой в холодной «теплушке». По всей Сибири, в то время, стояли большие морозы. Всё это не пошло молодому человеку на пользу.

Через неделю после возвращения домой, он начал кашлять, а затем, отхаркивать кровь. Похоже, что затемнение в лёгких, полученное в гамбургском лагере, стало вдруг развиваться.

Глядя на плотную слизь, алеющую на свежем снегу, Григорий с ужасом понял: – Если и дальше так дело пойдёт, то у него очень скоро будет открытая форма туберкулёза.

Заметив все признаки ужасной болезни, мать испугалась и приложила массу усилий, чтобы поднять сына на ноги. Она пешком обошла половину района. Опросила множество женщин, но всё же, нашла адрес известной знахарки.

Старуха жила в дальней деревне. По причине почтенного возраста, древняя лекарша уже не могла добраться к Григорию, своими ногами. Он тоже так обессилил, что едва поднимался с постели.

Мария Фёдоровна вернулась домой и помчалась в правление родного колхоза. Женщина бросилась в ноги своему председателю и со слезами в глазах стала просить сани с лошадыю, чтобы везти ворожею в деревню.

Нужно сказать, что в те времена, высокую должность в селе мог занимать только проверенный член ВКП(б). Им мог быть, лишь человек, не запятнавший себя порочными связями.

На ответственный пост его назначал райком коммунистической партии. Мало того, претендент на высокую должность не мог верить в Бога и, тем более, в то «мракобесие», что называлось, «народным целительством».

После войны, мужчин в стране не хватало, даже на то, чтобы заполнить места управления среднего уровня. Поэтому, председателем небольшого колхоза оказалась красивая женщина среднего возраста. Бывшая активистка ВЛКСМ.

Она имела двух малолетних детей, и являлась вдовой погибшего советского воина. К тому же, с ней жила престарелая мать, которая вдруг заболела. Да и симпатичного парня ей стало вдруг жалко. Может быть, ещё пригодится кому-то из девок или молоденьких баб? А то и к ней, вечером забредёт?

Понимая, что сильно рискует не только карьерой, но возможно, свободой и жизнью, начальница начала колебаться. Глядя на слёзы просительницы, которую знала с младенче-

ских лет, она неожиданно дрогнула.

В конце концов, иредседательша всё же решилась на серьёзный проступок. Она пошла навстречу бедной соседке и дала ей колхозную лошадь и сани сроком на сутки.

К приезду знаменитой знахарки, в избе Марии Фёдоровны собралось почти полдеревни. Когда совершенно стемнело, самой последней, пришла председательша со своей хворой матерью.

Женщина доподлинно знала, что достаточно доноса в райком, и ей будет плохо. Сначала власть её арестует, исключит из рядов коммунистической партии, а затем уйдёт так далеко, где и Макар телят не гонял.

Она долго думала, но всё же решилась на то, чтобы придти к старой знахарке. Ей уже нечего было терять. Она и так натворила достаточно, для открытия уголовного дела по тяжкой статье. Оставалось, надеяться только на то, что никто из сельчан не стукнет туда, куда следует.

Но и пропустить визит известной целительницы она тоже никак не могла. Женщина рассчитывала только на то, что удастся вылечить мать. А та уж присмотрит за малыши детками, если её вдруг посадят.

В первую очередь, бабка взялась за Григория. Как-никак настоящий герой, только что вернувшийся с фронта. Считай, две войны он прошёл от звонка до звонка – германскую вместе с японской.

К тому же, единственный парень со всеми конечностями на большой территории. Старуха внимательно осмотрела больного. Дала матери подробный наказ, чем и как его нужно лечить. Какие травы заваривать, сколько, чего и когда принимать.

Едва парень ушёл из избы к ближайшим соседям, старуха хмуро взглянула на всех остальных и, к их удивлению, начала с местной начальницы. Никто из селян не сказал старой знахарке, кто эта женщина и что она сделала для всех окружающих.

Ведь ближайший врач находился в райцентре, за двадцать три километра отсюда. Так что, к нему не враз доберёшься. Особливо зимой. Но ведунья сама во всё разобралась. Она поманила к себе председательшу, стоявшую у наружных дверей и, не говоря ни единого слова, занялась её хворой матерью.

Как это ни странно, но после той засекреченной встречи, случилось большое число исцелений. Да и всем остальным она принесла ощутимую пользу. Все люди, присутствующие на лечебном сеансе, избавились от разных болячек, и стали себя ощущать значительно лучше.

Самое главное, что слух о визите известной знахарки не вышел за пределы деревни. Люди хорошо понимали, чем это грозит председательше. Все крепко держали язык за зубами. Прописанное знахаркой, питьё пошло парню впрок. Он

прекратил харкать кровью, а затем и совсем перестал сильно кашлять. К весне 1946 парень настолько окреп, что стал помогать матери по её небольшому хозяйству, а затем и ближайшим соседкам.

Летом он неожиданно вспомнил о своей давней профессии. Вернулся к отхожему промыслу и начал ходить по ближайшим селеньям. Парень не только ремонтировал печи, как раньше, но стал их целиком перекладывать.

Слух о молодом печнике разошёлся по всей ближайшей округе. На такие услуги образовалась огромная очередь. Каждый день такого умельца был расписан на недели вперед. Нанимали его в основном молодые, одинокие женщины, вдовы и холостячки среднего возраста. Да и юные девушки не обходили драгоценным вниманием.

Сначала, подобная жизнь очень нравилась парню, который стал чувствовать себя абсолютно здоровым. Тем более, что он столько лет пробыл в армии, на жестокой войне, а затем и в плену. Конечно, чего ещё можно было желать? Всегда, как говорится, сыт, пьян и нос в табаке.

Ближе к зиме, Григорий прилично оделся, обулся и подкопил немного денег. Однако, он скоро понял, что это вовсе не то, к чему постоянно стремилась душа. Неожиданно для всех окружающих, парень вдруг бросил доходное и «приятное» дело, и стал искать другую работу.

Как нельзя кстати, прилетела повестка из военкомата.

Григория пригласили в райцентр, как солдата, пришедшего с фронта. Офицер поговорил с парнем с глазу на глаз и предложил ему должность в местном лесничестве.

Очевидно, и здесь Григорию помогло его «прекрасное» личное дело. В том числе, отличные характеристики, присланные из спецшколы армейской разведки. Той самой, которую он проходил в довоенном Крыму.

По тем временам должность обходчика леса была очень завидной. Государство давало ему дом на кордоне, расположенном недалеко от деревни. Плюс ко всему, карабин, боевые патроны и лошадь с телегой. Так у него появилась возможность охотиться на крупную дичь: волков, кабанов и лосей.

Да и лес, почитай, что твой собственный, весь до последнего кустика. Кому необходимы дрова, кому брёвна для стройки, все люди идут только к тебе. Всё можно оформить, если не зарываться и действовать весьма осторожно. Он так и делал. Брал очень мало, лишь столько, сколько нужно ему и семье старой матери.

Всё это время, Григорий не мог забыть о зазнобе, уехавшей из фашистского Гамбурга назад в Украину. Он регулярно писал ей тёплые письма и получал такие же посланья в ответ. Когда всё решилось с работой и бытом, он тотчас собрался в дорогу.

Обернулся Григорий туда и обратно на удивление быстро. Уже через месяц, он привёз на кордон молодую жену. То

была Мотя Савченко, с которой он познакомился в немецком концлагере. После приезда, началась их счастливая семейная жизнь.

Целый год Григорий лесничил. Он справлялся с работой так хорошо, насколько это возможно. Начальство его уважало и сильно ценило. Ещё бы, ведь парень не поддался соблазну, как это часто случалось с другими людьми. Он не обнаглел с течением времени, и не транжирил в разные стороны государственный лес.

Если что-то себе и выкраивал, то ровно столько, сколько считалось приемлемым в его положении. Жизнь она штука тяжёлая и, если было возможно, то руководство «не замечало такие огрехи». Но коли придёт на тебя чей-то донос, тут уж дружок, не обессудь. Ответишь по всей строгости советских законов.

Как всегда, ранней весной, Григорий поехал в райцентр доложить «о работе, проделанной за отчётный период». Он быстро добрался до места и пришёл в своё управление.

В лесничестве парня встретили очень тепло. Его долго хвалили, а напоследок сказали, мол, за успехи на службе руководство решило премировать лучший участок.

Поэтому, плюс к имевшейся казённой лошадке, Григорию «выделили» и механический транспорт. Все документы недавно оформлены. Так что, нужно заехать в пакгауз и получить, что положено. Ошарашенный молодой человек,

взял подписанный ордер и помчался в ближайшую военную часть.

На складе парню кивнули на почти новый, трофейный мотоцикл «БМВ» с пассажирской коляской. Машина Григорию была отлично знакома. В памяти отставного солдата всплыло много событий, так или иначе связанных с ней.

Почему-то именно эта модель сопровождала его все последние годы. Точно такие трехколёсные штуки он изучал в армейской спецшколе. На устройствах этой же фирмы фашисты гнали его по засушливой крымской степи. Да и бравые НКВДешники, сопровождали его на этих же трескучих повозках.

Мгновенье спустя, парень увидел ещё кое-что, от чего захолонула душа. На коляске, как и в прежние годы, стоял снаряженный ручной пулемёт «MG 42». Парень расписался за получение машины, но оружие брать наотрез отказался. Он твёрдо стоял на своём: – Снимите с неё эту дрянь! У меня есть боевой карабин. Его мне хватает для нормальной работы!

– Мне пулемёт совсем ни к чему! – возразил кладовщик.

– А я куда его дену теперь! – заартачился парень: – Война уже кончилась! С кем я начну воевать? Разве, что с ягодниками да грибниками.

Кладовщик глянул в толстый гросбух и удивлённо сказал: – По накладной, боевой пулемёт нигде отдельно не значится. Здесь ясно написано – мотоцикл с коляской и всё. Ес-

ли я возьму у тебя это оружие то, как потом объясню, откуда он появился? По бумагам он нигде не проходит.

– Раз нигде он не числится, значит, я получил мотоцикл с коляской, а пулемёт и в глаза не видал? – уточнил всё же Григорий.

– Точно! – согласиться с ним кладовщик: – Забирай всё в комплекте и побыстрее проваливай, пока особисты сюда не нагрянули!

Григорий достал из своей телеги рогожу и замотал пулемёт тряпкой так, чтобы нельзя было понять, что же это такое? Он привязал вожжи к коляске своего мотоцикла.

Затем, сел в кожаное удобное седло. Проверил сцепление и движением ноги легко запустил мощный мотор. Отлаженная кем-то машина завелась с пол-оборота и заработала на тихом ходу.

Услышав треск перед носом, кобыла начала волноваться. Она стала ржать и сильно мотать головой. Желая уйти от таинственной штуки, она вместе с телегой отступила назад.

Лесник прыгнул на землю, удлинил короткую привязь и, как мог, успокоил животное. Парень снова уселся в седло и медленно тронул машину вперёд. Какое-то время лошадь упрямылась, но быстро смирилась и пошла за любимым хозяином.

Скоро Григорий покинул райцентр. Кобыла привыкла к шуму мотора и спокойно топала сзади. Через какое-то вре-

мя, они добрались до леса. Парень немного подумал. Свернул с пыльной грунтовки и направился к большому болоту.

Он остановил у берега, заросшего густой осокой. Заглушил тарахтящий мотор и осмотрелся вокруг. Поблизости не было ни единой души. Парень открыл багажник коляски, и нашёл небольшую потёртую сумку, сшитую из «чёртовой кожи».

Как он и думал, в ней оказался набор инструментов для ремонта машины. Парень начал искать гаечный ключ нужных размеров. На самом дне саквояжа обнаружился длинный предмет, завёрнутый в плотную ткань. Григорий извлёк находку на свет и, не спеша, развернул.

В руках у него оказался кинжал офицера СС в металлических ножнах. Точно такой же он видел на кожаном поясе коменданта концентрационного лагеря, расположенного на окраине Польши. Там, где на пленных советских солдатах тренировали немецких овчарок.

Парня разобрало любопытство. Он стал дотошно рассматривать боевое оружие. Ножны представляли собой воронённый металл. Сверху и снизу имелись обрамления серебристого цвета. Сбоку висел небольшой ремешок для крепления к поясу. На нём блестел карабин с аккуратной круглой застёжкой.

Рукоять украшалась прямой, стальной крестовиной и таким же навершием. Между ними, на черене, темнела накладка, изготовленная из чёрного морёного дуба. Широкая в цен-

тре, она утончалась к обоим краям и плавно сужалась к хвостовику и клинку.

В середину увесистой ручки был врезан орёл с распростёртыми крыльями и с крюковидным крестом в крепко сжатых когтях. Под самым навершием виднелась сдвоенная германская руна, которая называется «сиг». Она была вписана в кружок чёрной эмали с серебряным ободом.

Григорий медленно вытащил из ножен кинжал. Перед глазами сверкнул широкий клинок, имевший форму копья. Его украшала короткая золотистая надпись, выбитая готическим шрифтом.

Благодаря своей тётке, парень неплохо учился в общеобразовательной школе и отлично освоил немецкий. Он легко перевёл: – «Моя честь именуется верностью». – насколько помнил Григорий, именно так звучал военный девиз фашистских СС.

Указательным пальцем, парень потрогал острие у кинжала, а затем и режущую кромку на лезвии. Заточка оказалась прекрасной. На коже возникли небольшие порезы. Оно и понятно, ведь это было не столько парадное, сколько боевое оружие.

По каким-то неведомым признакам, парень немедленно понял, что кинжал изготовлен из замечательной стали, произведённой в немецком городке Золинген. Такие клинки там ковали ещё в XVI веке.

Положив ножны на сиденье коляски, Григорий ловко

крутнул правой кистью. Кинжал привычно улёгся в ладонь. Пальцы сами собой сжали черен у рукояти. Она оказалась очень удобной и хорошо приспособленной для удержания, как прямым, так и обратными хватами.

У парня создалось впечатление, что ему безразлично, как её брать. Хоть голой кистью, хоть в рукавице. Всё равно она будет сидеть в кулаке, как влитая. Оружие не провернётся и останется в том положении, в каком нужно бойцу.

Съехать руке на острое лезвие не даст перекрестье. Развитое наверху позволяло вырвать кинжал из тела противника. Даже в том частом случае, если он прочно завязнет в мышцах бедняги, сжавшихся от ужасающей боли.

Благодаря гарде и заднику выбить его из руки почти невозможно. Клинок обоюдоострый, приспособленный, как к колющему, так и к рубящему виду ударов. Ну, а плюс ко всему, отличная прочная сталь.

Недаром во время войны, наши солдаты, в том числе и разведчики, старались добыть для себя такой вот кинжал. Это оружие было гораздо удобнее советских армейских ножей или фронтовых самоделок. Оно хорошо подходило и для снятия часового в траншее и для боя в тесной землянке.

Как объяснили в армейской спецшколе, эсэсовское оружие представляло собой точную копию средневековых кинжалов. Их применяли швейцарские воины, знаменитые в то время в Европе.

– «Хорошая штука!» – с грустью подумал Григорий: – «Но теперь-то зачем она мне?» – парень сунул клинок в прочные ножны. Широко размахнулся, и хотел было бросить кинжал подальше в болото.

В последний момент, лесник передумал. Не поднялась рука расстаться с замечательной вещью. Он печально вздохнул и положил на сиденье машины: – «Пригодиться в хозяйстве». – успокоил себя молодой человек: – «Свинью там зарезать, или разделать крупного зверя во время охоты».

Открыв инструментальную сумку, он быстро нашёл нужный ключ, подошёл к носу коляски и взглянул на станину. Там было всё, как обычно. Григорий взялся за дело и с ощутимым трудом открутил те болты, что крепили к турели пулемёт «MG 42». Парень немного напрягся и снял с толстого стержня тяжёлый, блестящий от смазки боевой агрегат, предназначенный для убийства людей.

Затем, он отнёс двенадцатикилограммовую железку к болоту и бросил её так далеко, насколько сумел. Вслед полетели три жестяных коробки со снаряжёнными лентами. Болотная жижа отвратительно чавкнула и плотно сомкнулась над приношением парня.

Какое-то время, из мрачных глубин всплывали и лопались пузыри вонючего газа. Потом всё успокоилось. Поверхность трясины подёрнулась слоем зелёно-коричневой ряски.

Григорий завёл мотоцикл. Опустился в седло и поехал на свой кордон, к любимой жене. Гнедая кобыла спокойно тру-

сила за ним.

– «Вот теперь война точно закончилась!» – с улыбкой сказал себе отставной советский солдат.

–08.08.2023